

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

D13
G356
1865
COP. 2

ГЕРЬЕ, VLADIMIR IVANOVICH

ОЧЕРКЪ РАЗВИТІЯ ...

ОЧЕРКЪ РАЗВИТІЯ

дѣл *вѣ*
ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ.

ОЧЕРКЪ РАЗВИТІЯ

ИСТОРИЧЕСКОЙ *Guerrier* НАУКИ

В. ГЕРЬЕ.

Москва

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°.),
на Страстномъ бульварѣ.

1865.

228-212

**ОЧЕРКЪ РАЗВІТІЯ
ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ.**

D13
.G356.

I.

Въ наукахъ точныхъ, гдѣ человѣческой умъ подвигается впередъ вѣрнымъ шагомъ, гдѣ онъ прибавляетъ одну неоспоримую истину къ другой, исторія науки не имѣетъ особенно важнаго педагогическаго значенія и представляетъ интересъ только для специалистовъ. Тамъ цѣнятся только вѣрные результаты, прежнія же заблужденія и ложные методы, господствовавшіе некогда въ наукѣ, не могутъ оказать благотворнаго вліянія на дальнѣйшее развитіе ея. Какую, напримѣръ, пользу для своей науки извлекаетъ современный химикъ изъ знакомства съ алхиміей, съ ея странными задачами и еще болѣе странными способами, употреблявшимися для разрѣшенія ихъ?

Но въ наукахъ, изучающихъ дѣятельность человѣческаго духа, нельзя провести рѣзкую грань между истинной и заблужденіемъ. Человѣческому уму свойственно заблуждаться и только среди ошибокъ и колебаній приближаться къ усовершенствованію. Стремленіе къ истинѣ имѣетъ здѣсь часто такое же значеніе въ глазахъ потомства, сколько и самая истина, и заблужденіе столько же поучительно для науки сколько и вѣрный результатъ. Поэтому въ этихъ случаяхъ знакомство съ исторіей науки необходимо для установленія вѣрнаго научнаго метода. Только тотъ кому известны различныя пута, по которымъ развивалась его наука, различныя методы, которые къ ней примѣнялись, и различныя цѣли и задачи, которыя въ ней преслѣдовались, вполне сознательно опредѣлитъ свое отношеніе къ ней и выслать себя свою цѣль.

Для тѣхъ, которые хотятъ заниматься исторіей, особенно важно знакомство съ судьбами этой науки. Изъ этого знакомства они почерпнутъ единственно вѣрный источникъ, изъ

годный для этой науки, то-есть исторической, и ту обширность взгляда, безпристрастность и внимательность къ чужимъ мнѣніямъ и идеямъ, безъ которыхъ не слѣдуетъ приступать къ изученію прошедшаго. То что мы склонны называть ложными взглядами на исторію, никогда не было случайнымъ явленіемъ, и въ самыхъ этихъ заблужденіяхъ мы можемъ найти разумную связь и послѣдовательность. Каждой эпохѣ въ жизни человѣчества свойственъ особенный взглядъ на исторію; каждая эпоха приступала къ изученію исторіи съ особенными задачами и вопросамъ; и такъ какъ въ этихъ случаяхъ мѣриломъ истины служитъ внутреннее убѣжденіе, то каждая эпоха удовлетворялась различными отвѣтами. Возьмемъ, на примѣръ, такой фактъ какъ разрушеніе Римской имперіи: сколько онъ вызвалъ различныхъ объясненій и толкованій! Можно было бы составить цѣлую литературу этихъ объясненій, носящихъ на себѣ печать той эпохи, въ которую они возникли. Въ то время когда исторія не была отлучена отъ богословія, разрушеніе Римской имперіи объясняли прямо волею Провидѣнія, которое низвергло ее за пороки и преступления Римлянъ. Въ XVII вѣкѣ, когда борьба съ остатками феодальнаго порядка вызвала особенную скептическую школу, разрушеніе имперіи и паденіе древней цивилизаціи ставились исключительно въ вину христіанамъ, которые, увлекаясь своими религиозными интересами, совершенно пренебрегали интересами своего земнаго отечества. Въ прошломъ столѣтіи, когда стремленіе къ политической свободѣ заставляло обращать болѣе серьезное вниманіе на государственныя учрежденія и законы, причину паденія Рима стали отыскивать въ недостаткахъ политическихъ учрежденій имперіи. А въ наше время, которое гордится своими успѣхами въ естественныхъ наукахъ, нѣкоторые ученые приписываютъ разрушеніе Римской имперіи и паденіе классической цивилизаціи исключительно небагоразумнымъ способамъ сельскаго хозяйства и истощенію полей.

Подобно тому какъ каждое архитектурное произведеніе носитъ на себѣ отпечатокъ той эпохи, которая создала его и, на примѣръ, гармоническая колоннада греческаго храма, или стройные своды готическаго собора, или, наконецъ, игривый фасадъ дворца въ стилѣ возрожденія, вызываютъ въ насъ различное чувство и свидѣтельствуютъ намъ о различныхъ потребностяхъ человѣчества въ разные періоды его

существованія, такъ и каждое историческое сочиненіе зависитъ отъ той почвы, которая породила его.

И эта зависимость выражается не только во внѣшней формѣ сочиненія, въ выборѣ задачи, въ практической цѣли, которую преслѣдуетъ историкъ, но и въ томъ что онъ считаетъ мѣриломъ истины. Повтому, при изложеніи литературы исторіи, должно полагать въ основаніе не тѣ правила, которыми руководствуются въ точныхъ наукахъ, гдѣ всякое научное произведеніе имѣетъ цѣну настолько, насколько оно внесло новыя истины въ общій запасъ человѣческихъ свѣдѣній, но тѣ, которыми руководствуются въ исторіи искусства и въ исторіи литературы. Слѣдовательно, всякое историческое сочиненіе должно разсматривать въ связи съ тою средой, изъ которой оно вышло, объяснять причины вызвавшія его, указывать потребности, которымъ оно удовлетворяло, и то хорошее или дурное вліяніе, которое оно имѣло съ своей стороны; словомъ, историческія произведенія должно прежде всего объяснять съ точки зрѣнія исторической критики.

Не слѣдуетъ, впрочемъ, забывать, что историческія сочиненія не вполне совпадаютъ съ произведеніями искусства и изящной литературы. Исторія есть наука и имѣетъ цѣлю изысканіе истины. Правда, субъективный элементъ будетъ всегда играть въ ней важную роль, и притомъ не только тотъ, который вносится личностью историка, но и тотъ, который обуславливается уровнемъ образованія, нравственнымъ состояніемъ, складомъ ума цѣлой эпохи. Но такъ какъ въ исторіи выражается самосознаніе человѣчества, то съ дѣльшимъ развитіемъ этого самосознанія, съ увеличеніемъ историческаго матеріала и опыта и съ успѣхами остальныхъ наукъ, выводы исторіи будутъ все болѣе и болѣе приближаться къ свойству научныхъ истинъ.

Ясное представленіе о развитіи исторической науки особенно важно для начинающихъ заниматься исторіей. Эта наука едва ли не считается самою общедоступною. Къ изученію ее можно, повидимому, приступить безъ особеннаго приговора, и выводы ее кажутся понятными съ перваго раза. Это, съ одной стороны, доставляетъ ей популярность, но съ другой — влечетъ за собою много вредныхъ послѣдствій. Ни объ одномъ предметѣ не высказывается такъ много незрѣлыхъ сужденій, нигдѣ нѣтъ такъ много непризнанныхъ дѣателей, ни въ одной наукѣ учащіеся не смотрятъ такъ легко на свои

дачу, и нигдѣ они не подвержены такой опасности считать себя послѣ непродолжительнаго труда за авторитеты и за спеціалистовъ. Знакомство съ ходомъ развитія исторической науки можетъ лучше всего предохранить отъ этихъ ошибокъ. Кто знаетъ какъ различно понимали въ разное время задачу исторіи, съ какихъ различныхъ сторонъ подступали къ ея изученію, какъ часто злоупотребляли ею ради личныхъ цѣлей и въ интересахъ партій, какіе изъ нея выводили противорѣчащіе результаты, тотъ легко пойметъ, что чѣмъ обширнѣе этотъ предметъ, и чѣмъ легче увлечься въ его изученіи преждевременными заключеніями, тѣмъ серіознѣе должно углубляться въ него и тѣмъ менѣе удовлетворяться достигнутымъ результатомъ.

Понятіе о всеобщей исторіи человечества въ первый разъ возникло у Римлянъ. Такъ какъ идея человечества для Римлянъ отождествлялась съ представленіемъ о римскомъ мірѣ, orbis romanus, то римская исторія служила имъ канвой, въ которую они вплетаали исторію всѣхъ другихъ известныхъ имъ народовъ. Въ этомъ смыслѣ составилъ свою громадную историческую компіляцію Трогъ Помпей, которая дошла до насъ въ извлеченіи Юстина. Когда восторжествовало въ Римской имперіи христіанство, интересъ къ ея языческому прошедшему очень уменьшился и уступилъ интересу, который чувствовали христіане къ источнику своей религіи, къ Библии и къ исторіи еврейскаго народа. Евсевій, епископъ кесарійскій, современникъ и біографъ Константина и авторъ первой церковной исторіи, установилъ понятія всеобщей исторіи въ новомъ, болѣе обширномъ смыслѣ.

Евсевій саялъ въ одно цѣлое событія, описанныя языческими историками, съ тѣми, которыя разказаны въ Библии, и провелъ непрерывную нить исторіи отъ Адама до 330 года. Его сочиненіе не представляло, впрочемъ, связнаго историческаго разказа; это былъ сухой перечень событій въ хронологическомъ порядкѣ, или хронологическій сводъ. Онъ былъ переведенъ на латинскій языкъ Иеронимомъ, который значительно дополнилъ его и довелъ до смерти императора Валента. Иеронимъ, кромѣ того, примѣнилъ къ исторіи пророчества Давида и разбилъ ее на исторію четырехъ монархій,—Ассирійско-Вавилонской, Мидо-Персидской, Греческой и Римской,—которая должна была продолжаться до страшнаго суда. Это объясненіе Давидова пророчества было одобрено Августи-

номъ, и съ нѣкоторыми измѣненіями положено его ученикомъ, Орозіемъ, въ основаніе его всеобщей исторіи. Сочиненіе Орозія представляетъ уже связный разказъ, отъ Ноева потопа до завоеванія Вестготами южной Франціи и Испаніи. Но сочиненіе Орозія составлено чрезвычайно легкомысленно и поверхностно и имѣетъ собственно полемическій характеръ. Авторъ имѣлъ въ виду доказать, что язычники ошибаются, когда они приписываютъ христіанству всѣ бѣдствія, постигнувшія Римскую имперію, и что міръ всегда былъ полонъ бѣдствій и несчастій, ниспосланныхъ Богомъ.*

Орозій безъ всякой внутренней необходимости разбилъ свое сочиненіе на семь книгъ, потому что семь считалось священнымъ числомъ. Съ большою облуманностью воспользовался этимъ числомъ Исидоръ, епископъ севильскій, въ началѣ VII столѣтія. Онъ раздѣлялъ исторію на шесть періодовъ или вѣковъ — saecula, соответствующихъ шести днямъ творенія. Шестой вѣкъ начинается у него съ Рождества Христова. Когда же наступитъ седьмой вѣкъ, неизвѣстно. „Конецъ того вѣка, въ который мы живемъ, недоступенъ человѣческому изслѣдованію, говоритъ Исидоръ; пусть поэтому всякій размышляетъ о своемъ выходѣ изъ него, ибо когда кто-нибудь отжилъ свой вѣкъ, тогда для него наступилъ конецъ вѣка — quando enim unusquisque de saeculo migrat, tunc illi consummatio saeculi est.“** Вотъ въ какомъ видѣ павшій классическій міръ передалъ всеобщую исторію среднимъ вѣкамъ. Юстинъ, Иеронимъ, Орозій и Исидоръ сдѣлались надолго единственными историческими источниками. Изъ нихъ средніе вѣка почерпали историческій матеріалъ и способы его расположенія и изложенія. Въ объясненіи же общаго хода историческихъ событій и причинъ, управляющихъ ими, они руководствовались преимущественно взглядомъ Блаженнаго Августина, изложеннымъ имъ въ сочиненіи: *De Civitate Dei*. Августинъ въ этомъ сочиненіи, замѣчательномъ пламенною силою внутренняго убѣжденія, противополо-

* Orosii *Hist. L. I* ed. Havercampi 1738 p. 5. „Nactus enim sum praeteritos dies non solum aequae ut hos graves verum etiam tanto atrocius miseros, quanto longius a remedio verae religionis alienos: ut merito hac scrutatione claruerit, regnasse mortem avidam sanguinis dum ignoratur religio, quae prohiberet a sanguine; ista illucescente, illam constupuisse.“

** Bädinger *Ueber Darstellungen der allgemeinen Geschichte* в *Hist. Zeitschrift* Zuberan 1862. I.

лагаютъ земнымъ государствамъ исторію царства Божьяго, которое началось уже на землѣ, состоитъ изъ сонма праведныхъ, борется съ царствами земными и, по исчезновеніи послѣднихъ, будетъ вѣчно существовать въ царствѣ небесномъ. Въ этомъ сочиненіи, которое имѣло такое рѣшительное вліяніе на христіанскую догматику и на установленіе общаго христіанскаго міросозерцанія, въ первый разъ ясно и систематически была проведена мысль, что судьбой народовъ и государствъ управляетъ не случай и не счастье, а Провидѣніе. Въ лицѣ Августина и немногихъ христіанскихъ историковъ своихъ, римскій міръ очутился отъ своей глубокой политической безнравственности и произнесъ приговоръ надъ самимъ собой. Оставляя въ сторонѣ религиозное значеніе этого взгляда, мы должны указать на его научное значеніе. Христіанское міросозерцаніе вытѣснило представленія древняго міра, которому исторія должна была казаться хаотическимъ, бессмысленнымъ, безотраднымъ процессомъ, и приучило смотрѣть на нее какъ на стройное, органическое цѣлое, управляемое не только физическими, но и нравственными законами, — какъ на процессъ, имѣющій разумное развитіе и разумную цѣль.

Съ XVI столѣтія вошло въ обычай считать средніе вѣка временемъ глубокаго варварства и несчастнымъ перерывомъ въ исторію цивилизаціи. И въ наше время это мнѣніе еще находитъ себѣ приверженцевъ. Но при этомъ забываютъ, во-первыхъ, то, въ какомъ искаженномъ и жалкомъ состояніи классическая цивилизація была передана народамъ, разрушившимъ имперію, а во-вторыхъ, что эти народы въ то время находились въ томъ возрастѣ своей жизни, когда религія и поэзія служатъ главными выраженіями духовной дѣятельности. При томъ уровень развитія младенческихъ народовъ, принявшихъ христіанскую религію, былъ до такой степени низокъ, что нужна была работа нѣсколькихъ вѣковъ, чтобы усвоить ее и согласовать съ нею политическій и нравственный бытъ.

Очень естественно, что въ это время поэзія замѣняла исторію, религія науку. Въ природѣ и въ исторіи для человека того времени отражались только тѣ высокія истины, которые составляли содержаніе его религіи, и онъ обращался къ изученію природы и исторіи для того только чтобы найти въ нихъ подтвержденіе своимъ религиознымъ убѣжденіямъ. Что касается до изученія природы, то люди среднихъ вѣ-

ковъ долгое время удовлетворялись такъ-называемыми *физіологами* или *бестіями*, которые они унаследовали отъ Византійцевъ. Эти физіологи были сборники описаній дѣйствительныхъ и баснословныхъ животныхъ, птицъ и растений. Во всѣхъ явленіяхъ природы, въ самыхъ обыкновенныхъ, какъ и въ самыхъ баснословныхъ, придуманныхъ пугливою фантазіей и дѣтскимъ легковѣріемъ, люди того времени отыскивали символическій смыслъ или какое-нибудь назидательное примѣненіе. „Всѣ существа, говорили они, которые сотворилъ Богъ на землѣ, Онъ сотворилъ ради человека и ради того чтобы онъ, глядя на нихъ, утверждался въ вѣрѣ и религіи.“ * По какъ они это понимали? Обо львѣ рассказывалось, что онъ спитъ съ открытыми глазами: это должно было служить примѣромъ человеку, чтобы и тотъ постоянно бодрствовалъ въ вѣрѣ. О львицѣ говорили, будто она рождаетъ на свѣтъ мертвыхъ дѣтенышей, которые на третій день оживаютъ: въ этомъ видѣли указаніе на воскресеніе Христа. О муравьѣ рассказывали, что онъ по запаху отличаетъ колосья, и раскусываетъ пополамъ собранныя имъ зерна, для того чтобы они не могли пустить корней. Изъ этого извлекалось слѣдующее назиданіе: такъ и человекъ долженъ отличать истинное ученіе отъ ложнаго, и въ объясненіи Вѣтхаго Завета изъ всего извлекать двойкій смыслъ — буквальный и духовный (понимать всякое слово *secundum historiam et secundum spiritualem intellectum*).

Подобнымъ образомъ и во взглядѣ на исторію преобладаетъ религиозный и поэтический элементъ. Исторіографія находилась почти исключительно въ рукахъ духовенства и монаховъ, которые, удалившись отъ дѣлъ міра, мрачно смотрѣли на нихъ и практической жизни противопоставили жизнь созерцательную, духовную.

Англосаксонскій пресвитеръ Беда, въ началѣ VIII вѣка, составилъ изъ вышеозначенныхъ хроникъ свое сочиненіе: *De sex aetatibus mundi* (О шести вѣкахъ міра), въ которомъ онъ довелъ историческую нить событій до 729 года. Сочиненіе Беды было первою всеобщей исторіей послѣ паденія римской цивилизаціи и послужило образцомъ для многихъ подобныхъ трудовъ. Читателямъ этихъ хроникъ постоянно напоминалось, что они живутъ въ послѣднемъ вѣкѣ исторіи, какъ выражается Беда, въ вѣкѣ

* Car toutes les creatures, que Dex cria en terre cria il por homme et por prendre essample et de foi en eles et de créance. *Marin et Caban Millange Archéologiques.*

дрыхломъ, которому предстоитъ близкій конецъ „Aetas de-
sperata, ipsa totius seculi morte consummanda.“ * Въ исхо-
ду первого тысячелѣтія ожиданія конца міра и страшнаго
суда приняли совершенно лихорадочный характеръ. Но и
позднѣе противоположность между государствами земными,
судьбу которыхъ излагаетъ исторія, и царствомъ небеснымъ
постоянно занимала историографовъ. Слова, которыми начи-
наетъ свою хронику Оттонъ, епископъ фрейзингенскій,
жившій въ XII столѣтіи, могутъ служить характери-
стикой средневѣковаго міросозерданія: „Часто и много раз-
мышляя о переувѣчивости земныхъ дѣлъ, о ихъ не-
постоянствѣ, разнообразіи и неправильномъ ходѣ, я
пришелъ къ убѣжденію, что мудрый человѣкъ долженъ не
останавливаться на нихъ, но удаляться отъ нихъ. Какой
здравомыслящій человѣкъ не согласится, что такъ какъ
нельзя остановить быстрое движеніе времени (temporis
mutabilitas), то мудрецъ долженъ отъ нихъ обратить свой
взоръ къ неизмѣнному и вѣчному государству. Это — царство
Божіе, небесный Иерусалимъ, по которомъ тоскуютъ находя-
щіеся на чужбинѣ сыны Божіи, тяготящіеся смутами зем-
ныхъ дѣлъ какъ вавилонскимъ плѣненіемъ. Ибо два суще-
ствуютъ царства, одно временное, другое вѣчное, одно зем-
ное, другое небесное, одно царство сатаны, другое царство
Христа.“ **

Поэтому Оттонъ, изложивъ судьбу міра отъ Адама до цар-
ствованія Фридриха Барбароссы въ семи книгахъ, въ восьмой
описываетъ конецъ міра, пришествіе антихриста, страш-
ный судъ и царство небесное, насколько о немъ могутъ су-
дить люди по тому что о немъ сказано въ Священномъ Пи-
саніи.

Въ письмѣ къ императору Барбароссѣ, своему племянни-
ку, Оттонъ говоритъ, что онъ съ душевною горечью напи-
салъ свою исторію, побужденный къ этому смутами пред-
шествовавшихъ временъ, и какъ въ трагедіи изобразилъ не
столько послѣдовательную связь событій, сколько ихъ бѣд-
ственный исходъ. Non tam rerum gestarum seriem, quam eu-
rundem miseriam in modum tragoediae texuisse.

Иногда эти обзоры всеобщей исторіи излагаются въ поэти-

* Opera Omnia Bedae Venerabilis. Colon. 1648.

** Ottonis Ep. Frising. ed. Pithoei. Bas. 1569 p. 1.

ческой формѣ и имѣютъ значеніе нравственно-дидактическое.
Въ одной римованной хроникѣ, которая излагаетъ исторію
римскихъ императоровъ отъ Юлія Цезаря до Конрада III, исто-
рической матеріалъ расположенъ по психологическимъ катего-
ріямъ. Лукреція и Кресценція приведены примѣрами того какъ
слѣдуетъ охранять женскую добродѣтель. Образцами бор-
цевъ за христіанство выставлены Карлъ Великій и Гот-
фридъ Бульфонскій, примѣрами тирановъ и изверговъ — Не-
ронъ и Юліанъ.

Историческія личности и сказочные герои имѣли оди-
наковое значеніе въ глазахъ средневѣковыхъ лѣтопис-
цевъ. Такъ, на примѣръ, идеалами благородства и рыцар-
ства считались Гекторъ, Александръ Македонскій, Цезарь,
Исусъ Навинъ, Давидъ, Иуда Маккавей, Карлъ Великій, Ар-
туръ и Готфридъ Бульфонскій. Въ доказательство того, что
никто не можетъ устоять противъ силы любви, приводили
примѣры Аристотеля, Ахиллеса, Тристана, Гектора, Адама
и Авессалома.

Поэтической элементъ отовсюду проникалъ въ исторію, и
люди того времени рѣшительно не были въ состояніи отаи-
чить историческое событіе отъ поэтическаго вымысла. Не
только древнѣйшіе лѣтописцы перелагали въ прозу народныя
сказанія, какъ на примѣръ Иорданъ, Дитмаръ, Саксонъ Грам-
матикъ, но еще италянскій лѣтописецъ Giovanni Villani
прямо называетъ повтовы maestri di storie, приписываетъ
Виргилію такой же авторитетъ какъ и Ливію и говоритъ, что
тотъ, кто хочетъ подробно знать исторію, пусть читаетъ
Виргиліа, Лукана, Гомера.

Самымъ чуднымъ памятникомъ этой поэтической эпохи
было бессмертное произведеніе Данта, въ которомъ исторія,
религія, повзія слились въ одно художественное цѣлое, что-
бы потомъ точнѣе разграничить свои особенныя сферы.

Средневѣковый взглядъ на исторію пережилъ тѣ событія,
которые ознаменовали собою начало новаго времени, возрож-
деніе наукъ и реформацію, и еще долго господствовалъ осо-
бенно въ католической Европѣ. Самымъ блестящимъ пред-
ставителемъ этого взгляда въ новое время былъ Боссюетъ,
сочиненіе котораго, *Discours sur l'histoire universelle*, Фран-
цузы причисляютъ къ своимъ великимъ сочиненіямъ своей
литературы. Это
бы все свободн

го вѣка французской литературы, — чрезвычайное изящество рѣчи, ясность и отчетливость мысли, аристократическую изысканность вкуса и извѣстную риторичность, которая такъ цѣнится Французами. Къ этому присоединяется пламенное краснорѣчіе и пафосъ знаменитаго проповѣдника.

Но насъ неприятно поражаетъ противорѣчіе между формой этого сочиненія и его содержаніемъ. Изящныя фразы, въ которыхъ выражалось утонченное общество Версальскаго двора, употребляются часто на то чтобы высказывать идеи давно отжившей эпохи. То что наивно звучитъ въ безыскусственной латыни средневѣковаго монаха, отзывается какою-то приторностью и высокопарностью въ устахъ образованнаго епископа XVII вѣка, поборника свободы галликанской церкви и фанатическаго притѣснителя французскихъ протестантовъ. Впрочемъ не слѣдуетъ забывать, что это сочиненіе Боссюета было написано имъ съ педагогическою цѣлью для своего питомца, наследника французскаго престола и сына гордаго Лудовика XIV. Боссюетъ имѣлъ въ виду извлечь изъ своего историческаго обзора тѣ заключенія, которыя ему казались всего полезнѣе для юнаго преемника самодержавнаго монарха, и впервыхъ то, что цари, при всемъ своемъ могуществѣ и при всей свободѣ дѣйствій, служатъ только орудіями въ рукахъ Провидѣнія, и что характеръ и образъ дѣйствій монарха, несмотря на лесть современниковъ, представляются потомству въ своемъ истинномъ свѣтѣ. При этомъ Боссюетъ не забывалъ своего положенія какъ епископа католической церкви. Онъ старался убѣдить своего питомца, что главною его обязанностью должно быть попеченіе о благосостояніи церкви, и что лучшая изъ безсмертныхъ заслугъ его отца есть то покровительство, которое онъ оказалъ католичеству.

Эти историческіе уроки — многозначительный фактъ для исторіи того времени. Въ цѣломъ сочиненіи не говорится ни разу объ обязанностяхъ монарха относительно своего народа, и главнымъ результатомъ, который католическій епископъ сумѣлъ извлечь изъ исторіи человѣчества, былъ совѣтъ, чтобы будущій монархъ продолжалъ драгоцѣнныя своего отца. Въ методѣ и расположеніи историческаго матеріала Боссюетъ не отступаетъ отъ преданія. Сочиненіе его распадается на три части. Первая представляетъ хронологическій сводъ событій древней и священной

исторіи совершенно въ томъ видѣ, какъ это было принято со временъ Евсевія. Такіе факты какъ тиранія Авимелеха и знаменитые подвиги Геркулеса, сына Амфитріонова, подведены вмѣстѣ. Такимъ образомъ хронологическій перечень продолжается до Карла Великаго, которымъ оканчивается, по мнѣнію Боссюета, древняя исторія. Съ Карла Великаго начинается монархія Франкская и славное царствованіе предковъ Лудовика XIV. Придерживаясь стариннаго обычая, Боссюетъ безъ всякой необходимости раздѣляетъ древнюю исторію на семь эпохъ, опредѣляемыхъ слѣдующими событіями: сотвореніемъ міра, потопомъ, призваніемъ Авраама, законодательствомъ Моисея, взятіемъ Трои, царствованіемъ Соломона; послѣдняя эпоха продолжается отъ Рождества Христова до Карла Великаго. Вторая часть сочиненія имѣетъ цѣлью доказать, что въ противоположность государствамъ, которыя постоянно смѣняли другъ друга послѣ не продолжительнаго процвѣтанія, отъ начала міра тянется одна непрерывная нить откровенія. Истинная религія всегда пребывала неизмѣнна: она всегда признавала Бога творцемъ вселенной, а Христа — искупителемъ рода человѣческаго. Ни идолопоклонство и нечестіе, ни преслѣдованіе тирановъ, ни ереси и преступленія отступниковъ, ни продолжительность времени, не были въ состояніи остановить ея развитіе. Въ то время какъ древняя исторія исполнена баснословныхъ разказовъ и противорѣчій, священная исторія представляетъ ясную и вѣрную исторію откровенія. Затѣмъ Боссюетъ излагаетъ исторію еврейскаго народа, останавливается съ особеннымъ вниманіемъ на пророчествахъ, доказываетъ, что они всѣ сбылись, и кончаетъ свой разказъ разрушеніемъ Іерусалима. Въ этой части своего сочиненія онъ иногда возвышается до истиннаго краснорѣчія. „Какое утѣшеніе, восклицаетъ онъ, для истинно вѣрующихъ, какое подтвержденіе ихъ вѣры, когда они видятъ, что отъ Иннокентія XI; который съ такимъ достоинствомъ занимаетъ въ настоящее время первый престолъ церкви, можно въ исторіи подыгаться безъ перерыва до Св. Петра, поставленнаго Іисусомъ Христомъ во главѣ апостоловъ, а отъ него до Аарона и Моисея, до патриарховъ и до сотворенія міра! Какое преемство, какое преданіе, какое чудесное сдѣлание! Если нашъ духъ, маткій по своей природѣ и вслѣдствіи этой маткости игрушка своихъ собственннхъ разсужденій, нуждается въ истинномъ руководствѣ, то

онъ можетъ найти высшій авторитетъ чѣмъ католическая церковь, которая вмѣщаетъ въ себѣ весь авторитетъ прошедшихъ вѣковъ и древнѣйшія преданія человѣческаго рода отъ самаго его начала?"

Въ третьей части Боссюетъ излагаетъ судьбу великихъ монархій, которыя сдѣлавали одна за другою на историческомъ поприщѣ. Ключъ къ ихъ исторіи въ томъ, что всѣ онѣ послужили разными средствами къ пользѣ религіи. Всѣ онѣ группируются около еврейскаго народа и стоятъ въ необходимой связи съ его исторіей. Ассиріяне и Вавилоняне служили Богу орудіемъ для наказанія еврейскаго народа, Персы для возстановленія его, Александръ и его первые преемники нужны были чтобъ охранять его, Антиохъ и его преемники — чтобъ подвергнуть его испытанію, Римляне — чтобъ защищать Евреевъ противъ сирійскихъ царей. Еврейскій народъ продолжалъ свое существованіе подъ покровительствомъ Римлянъ до прішествія Іисуса Христа; но когда Евреи не признали Его, а распяли, тогда тѣ же Римляне безсознательно послужили Провидѣнію орудіемъ, для того чтобъ истребить неблагодарный народъ. Господь избралъ себѣ новый народъ, состоявшій изъ всѣхъ народовъ земнаго шара, и соединилъ повтому подъ владычествомъ Римлянъ всѣ земли и моря. Римская имперія въ рукахъ Провидѣнія была однимъ изъ главныхъ средствъ для распространенія христіанства. Судьба всѣхъ древнихъ монархій, а равно и Римской имперіи, была предсказана въ пророчествахъ Ветхаго и Новаго Заветовъ.

„Изъ исторіи этихъ народовъ, продолжаетъ Боссюетъ, можно видѣть, что Богъ создаетъ государства и даетъ ихъ тому кому хочетъ, и что они служатъ Его цѣлямъ по предназначенному Имъ плану. Хочетъ ли Онъ сдѣлать завоевателей, страхъ предшествуетъ имъ и внушаетъ ихъ воинамъ непобѣдимую смѣлость. Хочетъ Онъ создать законодателей, Онъ ниспосылаетъ имъ мудрость и предусмотрительность. Когда Онъ хочетъ погубить какой-нибудь народъ, Онъ ослѣпляетъ его и предоставляетъ его собственному его безразсудству. Такимъ образомъ Господь управляетъ народами: на землѣ нѣтъ случая, нѣтъ счастья. То что мы въ нашемъ невѣдѣніи называемъ случаемъ, вытекаетъ изъ всевышняго плана, въ которомъ опредѣлены и причина, и послѣдствія. Но въ то же время Господь установилъ въ человѣческихъ дѣлахъ извѣстный порядокъ, то-есть люди и народы одарены Имъ качествами соответствующими

ихъ назначенію, а за исключеніемъ особенныхъ случаевъ, гдѣ Господь желалъ прямо выказать свою волю, на землѣ не было ни одного важнаго переворота, который не имѣлъ бы своихъ причинъ въ предшествовавшихъ вѣкахъ.“

Здѣсь было бы мѣсто указать дѣйствительныя причины описанныхъ имъ переворотовъ, но эта часть у Боссюета чрезвычайно слаба, и напримѣръ, для трагическаго исхода Римской имперіи онъ не находитъ лучшаго объясненія какъ то, что Римляне чрезмерно любили свободу.

Всеобщее духовное возрожденіе западно-европейскаго общества въ началѣ XVI вѣка имѣло также благотѣльное вліяніе на исторію. Оно освободило ее отъ наивно-элегическаго взгляда средневѣковыхъ лѣтописцевъ и внесло въ нее большій реализмъ и болѣе зрѣлое, серьезное пониманіе ея событий. Двѣ причины особенно содѣйствовали этому — ближайшее знакомство съ историческими произведеніями классическаго міра и развитіе болѣе зрѣлой политической жизни въ европейскихъ государствахъ. Историческія произведенія Римлянъ были извѣстны также средневѣковымъ лѣтописцамъ, и послѣдніе изъ всѣхъ своихъ силъ старались подражать имъ. Уже биографъ Карла Великаго, Егингардъ, считаетъ Светонія своимъ образцомъ, и въ рѣдкомъ изъ позднѣйшихъ лѣтописцевъ нельзя встрѣтить цѣлыхъ фразъ или оборотовъ мысли, заимствованныхъ у какого-нибудь латинскаго писателя. Эти чужія украшенія звучатъ довольно странно среди своеобразной латыни, выработанной средними вѣками. Усвоеніемъ вѣнскихъ приемовъ и подражаніемъ слогу древнихъ писателей ограничивалось дѣло. Уровень развитія средневѣковаго общества былъ недовольно высокъ чтобы проникнуть глубже въ классическій міръ. Это однако измѣнилось къ концу XV вѣка. Въ это время европейскія государства оканчивали задачу, надъ разрѣшеніемъ которой они трудились въ теченіе среднихъ вѣковъ: феодальный порядокъ былъ побѣжденъ, идея государства выяснилась, и молодая, только-что окрѣпшія государства стали стремиться къ расширенію своихъ предѣловъ, къ преобладанію другъ надъ другомъ. Отсюда понято, что къ одушевленію, съ которымъ сталъ изучаться классическій міръ въ эпоху возрожденія, присоединился чисто-практическій интересъ — желаніе почерпнуть изъ него правила политической мудрости.

Никто не олицетворилъ въ себѣ такъ ясно эти два свойства

онъ можетъ найти высшій авторитетъ чѣмъ католическая церковь, которая вмѣщаетъ въ себѣ весь авторитетъ прошедшихъ вѣковъ и древнѣйшія преданія человеческого рода отъ самаго его начала?“

Въ третьей части Боссюетъ излагаетъ судьбу великихъ монархій, которыя слѣдовали одна за другою на историческомъ поприщѣ. Ключъ къ ихъ исторіи въ томъ, что всѣ онѣ послужили разными средствами къ пользѣ религіи. Всѣ онѣ группируются около еврейскаго народа и стоятъ въ необходимой связи съ его исторіей. Ассиріяне и Вавилоняне служили Богу орудіемъ для наказанія еврейскаго народа, Персы для возстановленія его, Александръ и его первые преемники нужны были чтобъ охранять его, Антиохъ и его преемники — чтобы подвергнуть его испытанію, Римляне — чтобы защищать Евреевъ противъ сирійскихъ царей. Еврейскій народъ продолжалъ свое существованіе подъ покровительствомъ Римлянъ до прішествія Іисуса Христа; но когда Евреи не признали Его, а распяли, тогда тѣ же Римляне безсознательно послужили Провидѣнію орудіемъ, для того чтобъ истребить неблагодарный народъ. Господь избралъ себѣ новый народъ, состоявшій изъ всѣхъ народовъ земнаго шара, и соединилъ поэтому подъ владычествомъ Римлянъ всѣ земли и моря. Римская имперія въ рукахъ Провидѣнія была однимъ изъ главныхъ средствъ для распространенія христіанства. Судьба всѣхъ древнихъ монархій, а равно и Римской имперіи, была предсказана въ пророчествахъ Ветхаго и Новаго Заветовъ.

„Изъ исторіи этихъ народовъ, продолжалъ Боссюетъ, можно видѣть, что Богъ создаетъ государства и даетъ ихъ тому кому хочетъ, и что они служатъ Его цѣлямъ по предназначенному Имъ плану. Хочетъ ли Онъ сдѣлать завоевателей, страхъ предшествуетъ имъ и внушаетъ ихъ воинамъ непобѣдимую смѣлость. Хочетъ Онъ создать законодателей, Онъ испосылаетъ имъ мудрость и предусмотрительность. Когда Онъ хочетъ погубить какой-нибудь народъ, Онъ ослабляетъ его и предоставляетъ его собственному его безразсудству. Такимъ образомъ Господь управляетъ народами: на землѣ нѣтъ случая, нѣтъ счастья. То что мы въ нашемъ невѣдѣніи называемъ случаемъ, вытекаетъ изъ всевышняго плана, въ которомъ опредѣлены и причина, и послѣдствія. Но въ то же время Господь установилъ въ человѣческихъ дѣлахъ извѣстный порядокъ, то-есть люди и народы одарены Имъ качествами соответствующими

ихъ назначенію, а за исключеніемъ особенныхъ случаевъ, гдѣ Господь жѣлалъ прямо выказать свою волю, на землѣ не было ни одного важнаго переворота, который не имѣлъ бы своихъ причинъ въ предшествовавшихъ вѣкахъ.“

Здѣсь было бы мѣсто указать дѣйствительныя причины описанныхъ имъ переворотовъ, но эта часть у Боссюета чрезвычайно слаба, и напримѣръ, для трагическаго исхода Римской имперіи онъ не находитъ лучшаго объясненія какъ то, что Римляне чрезмерно любили свободу.

Всеобщее духовное возрожденіе западно-европейскаго общества въ началѣ XVI вѣка имѣло также благотворное вліяніе на исторію. Оно освободило ее отъ наивно-элегическаго взгляда средневѣковыхъ лѣтописцевъ и внесло въ нее большій реализмъ и болѣе зрѣлое, серьезное пониманіе ея событій. Дѣй причины особенно содѣйствовали этому — ближайшее знакомство съ историческими произведеніями классическаго міра и развитіе болѣе зрѣлой политической жизни въ европейскихъ государствахъ. Историческія произведенія Римлянъ были извѣстны также средневѣковымъ лѣтописцамъ, и послѣдніе изъ всѣхъ своихъ силъ старались подражать имъ. Уже биографъ Карла Великаго, Егингардъ, считаетъ Светонія своимъ образцомъ, и въ рѣдкомъ изъ позднѣйшихъ лѣтописцевъ нельзя встрѣтить цѣлыхъ фразъ или оборотовъ мысли, заимствованныхъ у какого-нибудь латинскаго писателя. Эти чужія украшенія звучатъ довольно странно среди своеобразной латыни, выработанной средними вѣками. Усвоеніемъ вѣдшихъ приемовъ и подражаніемъ слогу древнихъ писателей ограничивалось дѣло. Уровень развитія средневѣковаго общества былъ недовольно высокъ чтобы проникнуть глубже въ классическій міръ. Это однако измѣнилось къ концу XV вѣка. Въ это время европейскія государства оканчивали задачу, надъ разрѣшеніемъ которой они трудились въ теченіе среднихъ вѣковъ: феодальный порядокъ былъ побѣжденъ, идея государства выяснилась, и молодая, только-что окрѣпшія государства стали стремиться къ расширенію своихъ предѣловъ, къ преобладанію другъ надъ другомъ. Отсюда понятнѣе, что къ одушевленію, съ которымъ сталъ изучаться классическій міръ въ эпоху возрожденія, присоединился чисто-практическій интересъ — желаніе почерпнуть изъ него правила политической мудрости.

Никто не олицетворилъ въ себѣ такъ ясно эти два свойства

разсматриваемой эпохи, — восторженное изучение древняго міра и желаніе извлечь изъ его исторіи практическую пользу. — какъ знаменитый италіанскій политикъ XVI вѣка, Николай Макиавелли. Страсть къ политической дѣятельности поглощала всю жизнь Макиавелли. Когда господство Медичеевъ лишило его доступа къ публичнымъ должностямъ, онъ чувствовалъ себя несчастнымъ, тосковалъ и искалъ себѣ утѣшенія въ литературѣ и политической теоріи. Всѣ главныя сочиненія его проникнуты этимъ практическимъ направлениемъ, для котораго наука и теорія только средства къ достиженію практическихъ цѣлей. Въ этомъ духѣ написана его Флорентинская исторія. Его знаменитое сочиненіе, *Il Principe*, должно было служить политическимъ руководствомъ для государей. Особеннымъ же доказательствомъ пракческаго склада ума Макиавелли могутъ быть признаны его *Risprudenzia o первой декадѣ Тита Ливія*. Цѣль этого сочиненія заключается въ томъ, чтобъ извлечь изъ исторіи Рима какъ можно болѣе практическихъ совѣтовъ и правилъ политической мудрости. „Я не могу не удивляться и не скорбѣть, — такъ начинается оныи *Risprudenzia*, — когда вижу, какимъ уваженіемъ пользуется древность, и какъ часто (оставляя въ сторонѣ многіе другіе примѣры) обломокъ древней статуи покупается за большую цѣну, для того чтобъ имѣть его при себѣ, украшать имъ свой домъ, дать возможность подражать ему тѣмъ, которые посвятили себя искусству, и какъ потомъ эти послѣдніе стараются всѣми силами воспользоваться имъ во всѣхъ своихъ произведеніяхъ, и когда я вижу, съ другой стороны, какъ самые доблестные подвиги, которые, какъ показываютъ намъ исторія, совершены государствами и древними республиками, царями, предводителями, гражданами, законодателями и другими людьми, повесными много трудовъ на пользу своего отечества, — служатъ болѣе предметомъ удивленія чѣмъ подражанія, и что даже всякій избѣгаетъ ихъ, такъ какъ отъ древней доблести не осталось никакого слѣда. Особенно же становится это прискорбнымъ, когда я вижу что въ тяжбахъ, которыя происходятъ между гражданами, и въ болѣзняхъ, которыми подвергаются люди, постоянно прибѣгаютъ къ тѣмъ рѣшеніямъ и къ тѣмъ лѣкарствамъ, которыя уже опредѣлены и указаны древними; во всемъ же что касается до устройства республикъ, до поддержанія государства или управленія его, что касается до

устройства войска, до образа веденія войны, до суда и распорядка надъ подданными, до средствъ увеличить государственную власть, — нѣтъ ни государя, ни республики, ни предводителя, ни гражданина, которые брали бы примѣръ съ древнихъ. И я думаю, что это происходитъ не столько отъ слабости, въ которую повергъ міръ теперешній способъ воспитанія, и отъ того зла, которое причинила честолюбивая праздность многимъ странамъ и городамъ христіанскимъ, сколько отъ того что ни у кого нѣтъ истиннаго пониманія исторіи, чтобы при чтеніи ея постигать смыслъ и духъ историческихъ событій, *gustare quel sapore delle istorie, che le hanno in se*. Отсюда происходитъ, что большинство читателей находятъ удовольствіе въ разнообразіи тѣхъ случаевъ, о которыхъ повѣствуетъ исторія, и не думаютъ о подражаніи имъ, считая подражаніе не только труднымъ, но и невозможнымъ, какъ будто небо, солнце, стихія, люди, измѣнились въ своемъ движеніи, въ своей природѣ и въ своемъ могуществѣ, противъ того чѣмъ они были прежде. Желая сколько-нибудь извлечь людей изъ этого заблужденія, я рѣшилась написать о книгахъ Тита Ливія все что, по характеру событій древняго и новаго времени, я сочту нужнымъ для лучшаго уразумѣнія ихъ, такъ что тѣ, которые будутъ читать мои *Risprudenzia*, могли бы извлечь изъ нихъ ту пользу, изъ-за которой слѣдуетъ стремиться къ знанію исторіи.“

Въ 39 главѣ Макиавелли объясняетъ, что на свѣтѣ происходятъ все одни и тѣ же бѣдствія, потому что люди не умѣютъ пользоваться уроками прошедшаго. „Тому, говоритъ онъ, кто вдумывается въ событія настоящаго и прошедшаго, легко убѣдиться, что во всѣхъ государствахъ и у всѣхъ народовъ встрѣчаются одни и тѣ же стремленія и одни и тѣ же свойства, и что они всегда у нихъ осуществлялись, такъ что тому, кто внимательно изучаетъ событія прошедшаго, легко предвидѣть въ каждомъ государствѣ будущее и предлагать тѣ средства, которыми пользовались древніе, а если онъ не находитъ таковыхъ, то придумать новыя, пользуясь сходствомъ случаевъ. Но такъ какъ эти соображенія пренебрегаются тѣми кто занимается исторіей, или непомяты для нихъ, а если и помяты, то остаются неизвѣстными тѣмъ кто управляетъ государствами, то отсюда слѣдуетъ, что во всякое время происходятъ одни и тѣ же бѣды. Макиавелли считалъ тѣмъ болѣе важнымъ и

настоящему уроки прошедшаго, что онъ не признавалъ въ исторіи никакой перемены къ лучшему, никакого прогресса. Очень естественно, что человекъ, такъ мало разборчивый въ указаніи средствъ, если только они оправдывались цѣлью, былъ пессимистомъ въ исторіи. Макиавелли совѣтуетъ законодателямъ и правителямъ всегда предполагать, что люди склонны къ дурному, и что они могутъ быть удержаны на пути добродѣтели только хорошими учреждениями и законами. Поэтому-то такъ и важны уроки исторіи. „Я думаю, говоритъ Макиавелли во второй книгѣ *Разсужденій*, что міръ всегда находился въ одномъ и томъ же положеніи, и что въ немъ всегда было столько же хорошаго сколько дурнаго. Только это хорошее и это дурное распределялись различно по различнымъ странамъ. Это видно изъ исторіи древнихъ государствъ, которыя, измѣняясь въ обычаяхъ, смѣняла другъ друга; но міръ въ это время все оставался въ одномъ и томъ же положеніи, съ тою только разницею, что сначала отличалась доблестью Ассирія, потомъ Мидія, потомъ Персія, наконецъ она перешла въ Италію и къ Риму. Хотя послѣ Римской имперіи не возникало другаго государства, могущество котораго было бы продолжительно и доблесть не сосредоточивалась въ одномъ мѣстѣ, за то мы встрѣчаемъ ее у разныхъ народовъ, въ государствахъ Франковъ, у Турокъ, въ царствѣ султана, а въ настоящее время между народами Германіи, и только тотъ, кто родился въ Италіи или въ Греціи и не сдѣлался въ Италіи иностранцемъ (oltramontano), а въ Греціи Туркомъ, имѣетъ причину худить свое время и восхвалять прошедшее. Еслибы доблесть, которая прежде господствовала, и пороки, которые господствуютъ теперь, не бросались въ глаза ярче солнечнаго свѣта, я говорилъ бы съ большою сдержанностью. Но такъ какъ для ясны для всѣхъ, то я буду говорить откровенно все что я думаю о прошедшемъ и настоящемъ времени, для того чтобы юноши, которые будутъ читать мои сочиненія, могли избѣгать примѣровъ настоящаго и подражать прошедшему всякій разъ когда имъ на то представится случай. Честный человекъ обязанъ передавать другимъ то чего, по неблагодарности времени или судьбы, онъ не могъ совершить, для того чтобы изъ числа многихъ способныхъ одинъ какой-нибудь любитель не достигъ того чего онъ не могъ достигнуть.“

Этотъ практическій взглядъ на исторію господствовалъ

очень долго Онъ находилъ себѣ поддержку въ сочиненіяхъ классическихъ писателей, которые всѣ болѣе или менѣе придерживались этого взгляда. Такъ какъ древніе историки обращали вниманіе только на политическую жизнь народовъ, то исторія была для нихъ великою наставницею, руководительницею въ политической жизни, *magistra vitae*. Діонисій Галикарнасскій называетъ ее философіею, которая наставляетъ посредствомъ примѣровъ.

Въ XVIII вѣкѣ этотъ утилитарный взглядъ на исторію нашелъ себѣ особенно талантливаго и блестящаго представителя въ лордѣ Болинброкѣ, известномъ министрѣ королевы Анны. Болинброкъ жилъ въ то время, когда уже началось литературное сближеніе между Англіею и Франціею, которое имѣло такія важныя послѣдствія особенно для послѣдней. Проводниками этого сближенія служили аристократическіе салоны, въ которыхъ сосредоточивалось все что цеголяло умомъ, свѣтскимъ образованіемъ и остроуміемъ. Болинброкъ жилъ два раза въ Парижѣ: въ первый разъ онъ ѣздилъ туда для переговоровъ, окончившихся Утрехтскимъ миромъ; во второй разъ онъ провелъ тамъ довольно много времени въ изгнаніи, при дворѣ претендента. Онъ былъ почетнымъ гостемъ въ парижскихъ салонахъ, и вліяніе ихъ отразилось на духѣ его сочиненій. Во Франціи было написано имъ то сочиненіе, которое преимущественно занимаетъ насъ, — *Письма объ изученіи и пользѣ исторіи*.

Болинброкъ разделяетъ всѣхъ занимающихся исторіею на три разряда. Къ первому принадлежатъ тѣ, которые занимаются ею ради удовольствія и для того чтобы цеголять своимъ образованіемъ въ обществѣ; ко второму разряду Болинброкъ причисляетъ тѣхъ, которые изучаютъ исторію чтобы облегчить другимъ знакомство съ нею, то-есть — ученыхъ. Болинброкъ съ ироніею говоритъ о глубокой учености этихъ людей и отзывается о нихъ съ большимъ презрѣніемъ, несмотря на то что упоминаетъ при этомъ имена Скалигера, Бокарта, Пеллегриана, и т. д. Третьему разряду принадлежатъ тѣ, которые изучаютъ исторію для того чтобы извѣдать о судьбѣ своего хронъ безъ на

другихъ. Тонкій историческій тактъ Болингброка оскорблялся этимъ отсутствіемъ критическаго смысла, и хотя осмѣянные имъ труженники не заслуживаютъ его презрѣнія, ибо на ихъ плечахъ стоитъ вся теперешная наука, но скептицизмъ Болингброка и его рѣзкія выходки противъ тѣхъ, которые продолжали приводить въ согласіе хронологію Ветхаго Завета съ хронологіей Манетона, Бероза и съ извѣстіями греческихъ повтовъ о Троянской войнѣ и походѣ Аргонавтовъ, осмѣжительно поддѣйствовали на его современниковъ и подготовили болѣе высокое понятіе о задачѣ исторіи.

Къ третьему разряду принадлежатъ тѣ, которые умѣютъ настоящимъ образомъ пользоваться исторіей. Природа вселила въ насъ любопытство, чтобы понуждать насъ къ развитію, но это развитіе должно имѣть своею цѣлью не праздную утѣченность, а постоянное нравственное улучшеніе. Исторія содѣйствуетъ этому своими примѣрами. Три условія необходимы для усовершенствованія человѣка — умъ, опытъ и знаніе. Геній безъ опытности и знанія не болѣе какъ блестящій метеоръ, неправильный въ своихъ движеніяхъ, опасный при сближеніи и способный только къ разрушенію. Тѣ, которые обладаютъ практическою опытностью и не знаютъ исторіи, только на половину развиты; а тѣ, которые учены въ исторіи и не имѣютъ практической опытности, хуже невѣжды: они всегда смѣшны, а иногда, кромѣ того, задорны и запыльчивы.

Исторія дѣлаетъ человѣка способнымъ къ пониманію уроковъ собственнаго опыта. Исторія спасаетъ отъ народнаго тщеславія; съ другой стороны, она усиливаетъ патриотизмъ и дѣлаетъ его прочнѣе чѣмъ всѣ декламации ораторовъ, пѣсни повтовъ и сухія наставленія философовъ. Приговоръ исторіи подобенъ суду Египтянъ надъ умершими. Онъ произносится слишкомъ поздно, чтобы исправлять или вознаграждать, но своими примѣрами можетъ служить къ общему наставленію.

Тѣ, которые оспариваютъ вліяніе исторіи, ошибаются столько же сколько тѣ, которые не признаютъ силы воспитанія. Воспитаніе заключается въ томъ, чтобы посредствомъ наставленій и примѣровъ, съ помощью разума и авторитета, приучать людей подчиняться извѣстнымъ правиламъ. Еслибъ Александръ былъ воспитанъ въ строгости римскихъ нравовъ, онъ не жегъ бы Персеполь, чтобы угодить гетеръ; а если-

бы Сципіонъ былъ воспитанъ Олимпіадою, онъ не отдавалъ бы провинціи Испанки. Уваженіе къ потомству, къ которому приучаетъ насъ исторія, имѣетъ сильное вліяніе. Если уроки исторіи остаются безъ вліянія на насъ, то это не вина исторіи. Исторія—своего рода философія, и ее нужно изучать съ философскимъ методомъ. Локкъ совѣтуетъ учить всѣхъ геометріи на томъ основаніи, что она развиваетъ логическія способности; подобнымъ образомъ исторія приучаетъ насъ къ наблюдательности и приспособляетъ къ общественной дѣятельности. Изъ всего этого видно, что Болингброкъ, какъ и Макіавелли, смотрѣлъ на исторію съ точки зрѣнія государственнаго человѣка, и въ числѣ своихъ читателей имѣлъ особенно въ виду политическихъ дѣятелей. Самъ онъ не отличался особенною ученостью и впадалъ въ странныя ошибки. Онъ превозносилъ римскую исторію на счетъ греческой, сравнивалъ историка Давилу* съ Ливіемъ и ставилъ Гвиччардини выше Фукидиды. Тѣмъ не менѣе, его *Письма объ исторіи* имѣли благотвительное вліяніе на развитіе историческаго вкуса и интереса. Историческія сочиненія Вольтера, которыя обозначаютъ собою большой прогрессъ въ исторіографіи, вышли изъ той же школы, во главѣ которой стоялъ Болингброкъ, и дѣятельность этого талантливаго человѣка подготовила общество къ болѣе высокому пониманію исторіи, которое сдѣлало возможнымъ появленіе историческихъ трудовъ Юма и Гиббона.

Если практическая жизнь до такой степени видоизмѣняла взглядъ на исторію, то не менѣе вліянія имѣла на нее политическая теорія, то-есть развитіе юридическихъ и политическихъ наукъ, въ свою очередь находящихся въ тѣсной зависимости отъ исторической науки. Эта зависимость доказывается всею исторіей юридическихъ и политическихъ наукъ, и указать на нее считаемъ не лишнимъ особенно потому что недавно юридическій факультетъ Московскаго университета исключилъ изъ числа своихъ предметовъ преподаванія всеобщей и русской исторіи, и этимъ какъ бы далъ право своимъ питомцамъ заключить, что можно получить хорошее юридическое образованіе и безъ изученія исторіи. Мы

* Венеціанецъ Давила (1576—1631) авторъ исторіи *революцій* въ Франціи.

знаемъ что безплодная дѣятельность комментаторовъ римскаго права прекратилась только тогда, когда болѣе близкое знакомство съ римскою исторіей дало возможность знаменитымъ французскимъ юристамъ XVI столѣтія смотрѣть на римское право какъ на историческое явленіе и объяснить его въ связи съ цѣлою исторіей римскаго народа. Далѣе, всѣ эти теоріи о естественномъ правѣ, о происхожденіи царской власти отъ патриаршей власти данной Адаму въ раю, о возникновеніи государства изъ договора, — которыя имѣли такія важныя практическія послѣдствія, — могли возникнуть только въ то время, когда историческая наука лежала въ пеленкахъ, и должны были исчезнуть, какъ скоро водворилась въ ней основательный критическій методъ. А въ нашемъ столѣтіи развѣ юридическая наука не обязана главнымъ своими успѣхами той школѣ, которая обозначаетъ себя названіемъ исторической? Корифеи этой школы — Гуго, Савиньи, Эйхгорнъ — составляютъ столько же гордость исторической науки, сколько и юридической. Тамъ, гдѣ воспитаніе юристовъ не проходитъ черезъ строгую классическую и историческую школу, неизбежно возникаютъ незрѣлыя фантастическія теоріи, которыя противорѣчатъ исторіи и составляютъ только препятствіе на пути грядущихъ поколѣній. Эта школа особенно важна тамъ, гдѣ первоначальное воспитаніе, вслѣдствіе постоянныхъ колебаній въ принципахъ, такъ поверхностно и шатко. Но возвратимся къ опредѣленію вліянія юридической науки на исторію.

Такъ какъ главнымъ выраженіемъ исторической жизни народовъ служатъ государство, то для успѣховъ исторической науки было необходимо, чтобъ установились болѣе вѣрныя понятія о характерѣ и значеніи государства чѣмъ тѣ, которыми руководствовались средніе вѣка. Въ этомъ отношеніи особенно важны заслуги французскаго юриста XVI вѣка, Жана Бодена. Онъ полагаетъ, что государство переживаетъ извѣстныя фазисы, и что судьба его управляется извѣстными законами. Эта мысль была не чужда и Макіавелли. Послѣдній полагалъ, что государство возникаетъ вслѣдствіе того что самый храбрый или мудрый избирается правителемъ. Изъ этого образуется наследственная монархія, которая вслѣдствіе личныхъ пороковъ правителей переходитъ въ тиранию. Тираниа находятъ себѣ сопротивление въ тѣхъ гражданахъ, которые пользуются особеннымъ богат-

ствомъ и значеніемъ, испровергается ими и на мѣсто ея утверждается аристократія. Аристократія перерождается въ олигархію, и народная масса, оскорбленная олигархией, свергаетъ ихъ и устанавливаетъ демократическій образъ правленія. Нѣсколько времени держится и демократія, но потомъ она переходитъ въ анархію, и необходимость заставляетъ опять прибѣгнуть къ монархіи. Въ такомъ круговоротномъ движеніи проходитъ исторія государствъ.

Боденъ не придерживался такого фатализма. Хотя и онъ считаетъ вышеприведенный переходъ самымъ естественнымъ, съ тою только разницею, что тираниа, по его взгляду, можетъ также перейти въ монархію огражденную законами, но онъ допускаетъ бѣольшую свободу въ переходѣ отъ одного образа правленія къ другому. Всѣ государства, по мнѣнію Бодена, подлежатъ разрушенію. Судьба государствъ зависитъ отъ Господа, воля котораго неизвѣстна людямъ, но на эту судьбу имѣютъ вліяніе и законы природы. Подобно тому какъ жизнь человѣка зависитъ отъ законовъ природы, и всѣмъ людямъ предстоитъ смерть, врачъ, однако, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, можетъ спасти болѣзнь и продлить жизнь, такъ и государственный человѣкъ можетъ поддержать здоровье государственнаго организма и продлить его жизнь.* Во время Бодена астрологія имѣла еще сильное вліяніе на самые глубокомысленные умы, и Боденъ полагаетъ, что какъ судьба отдѣльныхъ людей, такъ и судьба государствъ въ зависимости отъ законовъ управляющихъ движеніями звѣздъ. Онъ считаетъ возможнымъ изъ астрологическихъ наблюденій вывести основной законъ, управляющій судьбою государствъ, но считаетъ необходимымъ, чтобы при этомъ было обращено вниманіе на исторію всѣхъ существовавшихъ когда-либо государствъ, и чтобъ эти астрологическія наблюденія производились въ теченіе тысячелѣтій. Онъ даже полагаетъ, что среднюю жизнь государствъ можно опредѣлить въ 496 лѣтъ. Намъ эти послѣдніе отблески средневѣковой каббалистики не должны казаться смѣшными. Въ основаніи ея заключается темное сознаніе, что судьбой людей и исторіей человѣчества управляютъ не слѣпой случай и произволь, а разумныя начала, которыя вездѣ одинаково раскрываются въ мірѣ, и выкинуть въ которыя состав-

* Валуаки: Geschichte des Allgemeinen Staatsrechts. 1884 S.

алеть потребность глубоко врожденную человеческой природѣ.

Боденъ, однако, не ограничивался сухою схематизаціей въ опредѣленіи судьбы государствъ; онъ сознавалъ разнообразіе условій, представляемое дѣйствительною исторіей, и первый обратилъ серьезное вниманіе на вліяніе климата, почвы, мѣстности и народнаго характера. Онъ раздѣляетъ народы на три разряда, смотря потому, живутъ ли они въ сѣверной, въ средней или южной полосѣ. Народы средней полосы превосходятъ южанъ тѣлесною силой, но уступаютъ имъ въ хитрости; точно также они превосходятъ сѣверянъ умомъ и уступаютъ имъ въ силѣ, и вслѣдствіе этого болѣе способны къ государственной жизни. Исторія показываетъ, что великіе завоеватели появляются на сѣверѣ; отвлеченныя науки, философія, математика, процвѣтаютъ на югѣ; въ средней же полосѣ развиваются по преимуществу политическія науки, законодательство, краснорѣчіе. Большія государства обыкновенно возникаютъ въ средней полосѣ, и отсюда легче покорить югъ чѣмъ сѣверъ. Южане уступаютъ силѣ, но берутъ хитростью; сѣверяне доблестны на войнѣ, но въ мирныхъ переговорахъ не умѣютъ соблюдать своей выгоды. Такъ относительно Англичанъ Французы уступаютъ имъ на войнѣ, но перехитряютъ ихъ въ мирѣ, и точно также поступаютъ относительно Французамъ Испанцы.

Жестокости чаще встрѣчаются на югѣ и на сѣверѣ чѣмъ въ умѣренной полосѣ; цѣломудріе составляетъ преимущество сѣвера. Сѣверъ гордится мечомъ, народы умѣренной полосы законовѣдніемъ, народы южныя религіей. Почти всѣ религіи возникаютъ на югѣ: тамъ человекъ болѣе склоненъ къ религиозному размышленію. Поэтому южными народами легче управлять съ помощію религіи чѣмъ посредствомъ разума или насилія. Законы тамъ недостаточны, потому что эти народы обходятъ ихъ хитростью и обманомъ и подчиняются только религіи.

Въ другихъ мѣстахъ своего сочиненія Боденъ показываетъ какое вліяніе имѣетъ гористая мѣстность или соседство моря, плодородіе или скудость почвы. Но онъ полагаетъ, что естественныя условія и обстоятельства могутъ уступить человеческой свободѣ. Такъ Англичане, извѣстные своею зазорностью, приучены миролюбивою королевою къ гуманности,

а Французы, напротивъ, отличавшіеся въжливостью и гуманностью, одичали вслѣдствіе междуусобныхъ войнъ.

Это разнообразіе условій, способностей и стремленій различныхъ народовъ, по мнѣнію Бодена, свивается въ гармоническое цѣлое, которое онъ называетъ *république universelle*. Основываясь на психологическомъ различіи зараваго смысла, разсудка (*ratio*) и высшаго разума (*intellectus*), онъ считаетъ необходимою для поддержанія всякаго благоустроеннаго государства троюкую дѣятельность: духовенство и философы должны заботиться о божественныхъ предметахъ; правители и чиновники должны поддерживать государственный порядокъ, а воины, ремесленники и крестьяне должны трудиться на материальнымъ благосостояніемъ государства. Подобнымъ образомъ Богъ распредѣлялъ необходимую для человечества дѣятельность между различными народами: южнымъ народамъ Онъ поручилъ выкапывать въ сокровенные вопросы міра и поучать другіе народы; народамъ средней полосы Онъ предоставлялъ руководить политической жизнью остальныхъ и блюсти законы; а сѣверянамъ Онъ даровалъ богатые металлическія сокровища и сдѣлалъ ихъ способными къ разнообразной промышленной дѣятельности. Такимъ образомъ весь земной міръ, въ его историческомъ развитіи, представляется Бодену однимъ живымъ организмомъ.

Я не стану останавливаться на представителяхъ политическихъ наукъ въ XVII столѣтіи — на Гроціи, Мальтонѣ, Гоббесѣ и на философахъ, которые имѣли вліяніе на эти науки, на Спинозѣ и Локкѣ. Всѣ они оказали очень мало пользы исторической наукѣ, преимущественно потому что самый методъ ихъ былъ анти-историческій, то-есть математически-демонстративный, господствовавшій въ то время въ философіи и зависящихъ отъ нея наукахъ. Выступали ли эти ученые защитниками абсолютизма и выводили ли они понятіе права и государства изъ откровенія, или основывались въ своихъ теоріяхъ на человеческомъ разумѣ и объясняли государство изъ договора, во всякомъ случаѣ, они не справлялись съ исторіей и даже прямо утверждали, что въ разрѣшеніи этихъ вопросовъ исторія не можетъ помочь. Одинъ Пуффендорфъ составляетъ изъ этого исключеніе. Будучи профессоромъ въ Гейдельбергѣ, онъ издалъ подъ псевдонимомъ политической памфлетъ: *De Statu Imperii Germanici*, который заключаетъ въ себѣ чрезвычайно важную, но сур-

всдвную критику тогдашняго состоянія Германской имперіи. Этотъ памфлетъ, который пользовался въ свое время огромною извѣстностью, важенъ для насъ тѣмъ, что Пуффендорфъ вооружается въ немъ противъ одного застарѣлаго историческаго предразсудка, наслѣдованнаго отъ среднихъ вѣковъ, будто бы Германская имперія есть продолженіе Римской имперіи. Этотъ предразсудокъ имѣлъ чрезвычайно важныя политическія послѣдствія: онъ, между прочимъ, особенно содѣйствовалъ къ водворенію римскаго права въ Германіи и стѣсненію германскаго права; а въ наше время этотъ предразсудокъ, хотя нѣсколько видоизмѣненный, продолжаетъ жить въ умахъ многихъ католичествующихъ историковъ Германіи.

Мы перейдемъ къ прямому преемнику Бодена, къ Монтескье. Онъ снова даетъ въ своихъ политическихъ изысканіяхъ видное мѣсто историческому методу, и отвѣченными разсужденіями противопоставилъ дѣйствительное разнообразіе представляемое исторіей. Небольшое сочиненіе Монтескье: *Considérations sur les causes de la grandeur des Romains et de leur décadence*, то-есть *Размышленія о причинахъ величія Римлянъ и ихъ паденія*, напечатанное въ 1734 году, предшествовало четырнадцатью годами обнародованію главнаго труда его жизни: *De l'esprit des lois*. Это первая попытка объяснить судьбу римскаго народа собственною исторіей его, то-есть съ помощію народнаго характера, внѣшнихъ условій и особенно политическихъ учрежденій. Слова, которыя мы читаемъ въ той главѣ, гдѣ Монтескье разбираетъ причины, почему римскія войска при послѣднихъ императорахъ не могли побѣдить варваровъ, обозначаютъ собою переломъ въ исторіи разсматриваемой нами науки. Имѣя въ виду странное замѣчаніе Плутарха, что Римляне обязаны своими успѣхами счастью, а не собственнымъ заслугамъ, Монтескье восклицаетъ: „Не счастье управляетъ міромъ; объ этомъ можно спросить Римлянъ, которые одерживали непрерывный рядъ успѣховъ, когда они слѣдовали въ управленіи своемъ извѣстному плану, и которые претерпѣли непрерывный рядъ неудачъ, когда они стали руководствоваться другимъ. Есть общія причины, нравственныя и физическія, которыя дѣйствуютъ въ каждомъ государствѣ, возвышаютъ, поддерживаютъ или разрушаютъ его. Всѣ событія находятся въ зависимости отъ этихъ причинъ, а если случайный исходъ сраженія, то-есть частная

причина, погубилъ какое-нибудь государство, то за этимъ скрывалась общая причина, которая сдѣлала то, что государство это должно было погибнуть вслѣдствіе одной только битвы. Однимъ словомъ, главный характеръ исторіи народа влечетъ за собою всѣ частные случаи. *L'allure principale entraîne avec elle tous les accidens particuliers.*“ Въ объясненіи самыхъ причинъ, породившихъ могущество Римлянъ, а потомъ ихъ паденіе, Монтескье не всегда счастливъ. Въ его время не существовало исторической критики, и потому, особенно относительно древнѣйшей исторіи Рима, Монтескье иногда прибѣгалъ къ такимъ объясненіямъ, которыя должны были отвергнуты вышшею наукой. Такъ, напримеръ, сдѣлая въ этомъ Макиавелли, онъ приписываетъ большое значеніе личнымъ заслугамъ первыхъ царей. Онъ говоритъ по этому случаю, что при возникновеніи государства правители ихъ создаютъ учрежденія, въ послѣдствіи же самыя учрежденія образуютъ правителей. Въ этомъ отношеніи Монтескье раздѣляетъ заблужденіе, господствовавшее въ цѣлой древности, которая придавала преувеличенное значеніе законодателямъ или такъ-называемымъ учредителямъ государства. Еще другое заблужденіе перешло отъ классическихъ писателей къ Монтескье. Онъ полагаетъ, что учредители древнихъ государствъ, а также и Рима, раздѣляли поровну земли между гражданами, и этимъ онъ объясняетъ, что Римляне въ первый періодъ своей исторіи всегда были въ состояніи выставить такое многочисленное войско сравнительно съ числомъ жителей, и что это войско, состоявшее изъ гражданъ равно заинтересованныхъ въ успѣхѣ, сражалось такъ храбро. По мнѣнію Монтескье, Римъ былъ городъ безъ торговли и почти безъ промысловъ, жители его были принуждены жить грабежемъ, и это заставляло ихъ постоянно воевать съ сосѣдями. Отнятая у послѣднихъ земля частію продавалась въ пользу государства, частію раздѣлялась между бѣдными гражданами. Отъ этого, конечно, бѣдные граждане въ Римѣ были такъ же склонны къ войнѣ какъ и состоятельные. Изгнанію царей Монтескье приписываетъ большое вліяніе на дальнѣйшіе успѣхи Римлянъ; гордый и предприимчивый народъ, говоритъ онъ, долженъ или свергнуть съ себя иго, или смягчить свои нравы. Римлянамъ оставался только выборъ или остаться подданными бѣдой и небольшой монархіи, или измѣнить образъ правленія. Замѣая царей двумя консулами, которые

ежегодно сменялись другими, имѣла важныя послѣдствія: честолюбіе царей бываетъ временное; консулы же, имѣя въ виду кратковременность своей власти, всегда горѣли желаніемъ отличиться и постоянно вовлекали народъ въ новыя войны. Впрочемъ, сенатъ стремился къ тому же. Утомленный жалобами и требованіями народа, онъ старался развлекать и занять его войнами. Какъ существенна была для успѣховъ Рима свобода, доказываетъ правленіе децемвировъ. Въ это время Римское государство какъ будто омертвѣло. Важная причина успѣха Римлянъ заключалась въ томъ, что ихъ войска строгою дисциплиной и военною выдержкой превосходили всѣ остальные и перенимали у своихъ враговъ все что могло служить къ ихъ собственному усовершенствованію. Много также содѣйствовала къ расширенію римскаго владычества хитрая политика сената, который постоянно вѣшивался во всѣ споры межъ различными государствами и между различными партіями въ государствѣ, помогалъ слабѣйшимъ и съ помощію ихъ побѣждалъ сильнѣйшихъ. Но особенно важное значеніе Монтескье приписываетъ римскимъ нравамъ и тому учрежденію, которое должно было блюсти за чистотой нравовъ, то-есть цензорству. По мнѣнію Монтескье, больше государствъ погибло вслѣдствіе порчи нравовъ чѣмъ вслѣдствіе нарушенія законовъ.

Что касается до паденія римскаго величія, то Монтескье объясняетъ его преимущественно двумя причинами: чрезмѣрнымъ увеличеніемъ города и чрезмѣрнымъ расширеніемъ предѣловъ государства. Когда всѣ жители Италіи получили право римскаго гражданства, тогда стала невозможна правильная политическая жизнь. Жители каждаго города вносили въ Римъ свои особенныя интересы и стремленія. Зависимость отъ какого-нибудь особеннаго покровителя-честолюбца привлекла въ римскія комиціи цѣлыя города и племена, чтобы доставить своему патрону большинство голосовъ, и анархія сдѣлалась неисправимою. Точно также въ началѣ войска римскія состояли изъ гражданъ, которые были воодушевлены патриотизмомъ и зависѣли только отъ сената. Но когда расширились предѣлы имперіи, дальнія военныя экспедиціи породили особенный классъ воиновъ, которые утратили гражданскій духъ и воевать были преданы своимъ полководцамъ. А эти, въ свою очередь, чувствуя свои силы, не хотѣли болѣе подчиняться римскому сенату.

Не менѣе этихъ причинъ содѣйствовала паденію Рима порча римскихъ нравовъ, которая, по мнѣнію Монтескье, особенно произошла подъ вліяніемъ секты Эпикура. Съ теченіемъ времени Римляне все болѣе и болѣе удалялись отъ своихъ первоначальныхъ нравовъ и обычаевъ. Такъ, напримеръ, прежде они тщательно старались, чтобы войска представляемыя ихъ союзниками не превышали числа римскихъ войскъ. При императорахъ же они мало-по-малу начинали составлять свои войска изъ варваровъ, и, наконецъ, варварское войско Одоакра положило конецъ Римской имперіи.

Такимъ образомъ Римляне побѣдили всѣ народы съ помощію своихъ политическихъ правилъ; но когда они достигли своей цѣли, республика не могла удержаться: нужно было измѣнить образъ правленія, и новое правительство стало руководствоваться правилами противоположными прежнимъ и этимъ подорвало величіе Римлянъ.

Монтескье далъ тому сочиненію, которое навсегда упрочило его славу, эпиграфъ: „proles sine matre creata.“ Это не совсемъ справедливо. Онъ многимъ обязанъ своимъ предшественникамъ—Макиавелли, Бодену и, можетъ-быть, даже Вико, но его собственныя заслуги такъ велики, и трудъ его такъ самообытенъ, что въ извѣстномъ смыслѣ за нимъ можетъ остаться этотъ эпиграфъ.

Цѣль сочиненія *О духѣ законовъ* лучше всего объясняется слѣдующими словами Монтескье: „Общій законъ — человеческій разумъ, потому что онъ управляетъ всеми народами на землѣ; политическіе же и гражданскіе законы каждаго народа должны быть только частными случаями, въ которыхъ примѣняется этотъ человеческій разумъ.“

„Законы до такой степени должны быть приурочены къ народу, что только въ чрезвычайно рѣдкомъ случаѣ законы одного народа могутъ годиться другому.“

„Нужно чтобы они соответствовали сущности и принципу существующаго уже или учреждаемаго образа правленія, будь ли они имѣть цѣлю создать этотъ образъ правленія, какъ законы политическіе, или поддерживать его, какъ законы гражданскіе.“

„Они должны соответствовать физическимъ условіямъ страны, холодному, жаркому или умѣренному климату и свойству почвы, географическому положенію и обширности страны; образу жизни народовъ, земледѣльческихъ, скотоводческихъ или

пастушеских; они должны находиться въ зависимости отъ степени свободы, допускаемой государственными учрежденіями, отъ религіи жителей, отъ ихъ наклонностей, богатства, числа, торговли, или отъ ихъ нравовъ и обычаевъ. Наконецъ, они стоятъ въ известномъ отношеніи другъ къ другу, къ исторіи своего происхожденія, къ задачамъ законодателя, къ тому порядку вещей, для котораго они предназначены. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ слѣдуетъ разсматривать ихъ. Въ совокупности своей эти отношенія составляютъ то что называютъ духомъ законовъ.“

Мы не коснемся первыхъ тринадцати книгъ сочиненія Монтескье, въ которыхъ онъ излагаетъ свой оригинальный взглядъ на то что онъ называетъ принципомъ различныхъ образцовъ правленія, гдѣ онъ объясняетъ взаимное вліяніе формъ правленія и законовъ гражданскихъ и уголовныхъ, законовъ относящихся къ воспитанію, къ устройству военной силы, законовъ опредѣляющихъ дозволенную мѣру роскоши, положеніе женщинъ, государственные доходы и расходы, политическую и личную свободу гражданъ. Эти изслѣдованія должны были имѣть чрезвычайно благотворительное вліяніе на историковъ прошлаго столѣтія. Въ сочиненіи Монтескье они находили чрезвычайно глубокой анализъ государственнаго организма и привыкали обращать вниманіе на такія проявленія народной жизни, которыя имъ прежде казались мало-важными, и отыскивать взаимную связь ихъ. Для нашей цѣли важнѣе тѣ пять книгъ Монтескье, въ которыхъ онъ излагаетъ вліяніе физическихъ условій на политическую жизнь народовъ. Въ этомъ отношеніи онъ многимъ обязанъ Бодену. Сначала онъ описываетъ вліяніе климата на психологическія свойства, наклонности и нравственность различныхъ народовъ. Онъ объясняетъ расслабляющимъ вліяніемъ жаркаго климата неподвижность въ религіозныхъ вѣрованіяхъ, въ обычаяхъ и политическихъ учрежденіяхъ, которою отличаются восточные народы. Онъ требуетъ, чтобы законы служили преградой тѣмъ порокамъ, которые обуславливаются климатомъ, но не поощряли бы ихъ. Поэтому онъ указываетъ на вредное вліяніе тѣхъ учреждений, которыя въ жаркихъ странахъ поощряютъ лѣнность, на уничтоженіе, напримѣръ въ Индіи, личной поземельной собственности и покровительство, оказываемое вообще монашествующимъ и дервишамъ. Онъ одобряетъ законъ Магомета, воспрещающій горячіе напитки. Въ

сѣверныхъ странахъ этотъ законъ имѣлъ бы вредныя послѣдствія, такъ какъ тамъ необходимо известное количество напитковъ, поддерживающихъ теплоту организма. Законы должны быть внимательны къ болѣзнямъ, свойственнымъ известной странѣ: такъ, самоубійство, по справедливости, подлежитъ вездѣ известному осужденію; въ Англіи же, гдѣ оно есть слѣдствіе климата, въ большинствѣ случаевъ на него нельзя иначе смотрѣть какъ на послѣдствіе сумашествія.

Въ той книгѣ, гдѣ Монтескье объясняетъ вліяніе климата на семейную жизнь, онъ приписываетъ ему слухомъ большее значеніе. Основываясь на томъ, что на востокѣ женщины раньше развиваются и раньше старѣютъ, что тамъ вообще страсти дѣйствуютъ на человека сильнѣе, а семью прокормить легче чѣмъ въ холодныхъ странахъ, онъ говоритъ, что климату Азіи болѣе свойственно многоженство, а Европѣ моногамія. Онъ этимъ объясняетъ, что магометанство въ Азіи такъ легко вытѣснило христіанство и не могло распространиться въ Европѣ. Климатъ въ началѣ, конечно, имѣлъ вліяніе на положеніе женщины, но исторія намъ показываетъ, что даже сѣверные народы въ варварскомъ быту допускали многоженство, и что, напротивъ, ни одинъ народъ, развившійся до установленія моногаміи, не поддавался вліянію климата. Монтескье описываетъ вредное вліяніе многоженства на семейную и общественную жизнь и находитъ однако при этомъ, что строгое заключеніе восточной женщины необходимо ради сохраненія чистоты нравовъ.

Гораздо осмотрительнѣе обсуждаетъ онъ значеніе климата въ той книгѣ, гдѣ онъ разбираетъ вліяніе его на институтъ рабства. Онъ говоритъ, что въ нѣкоторыхъ странахъ расслабляющая сила климата такъ велика, и люди такъ склонны къ лѣни, что только строгое и жестокое обращеніе можетъ принудить ихъ къ работѣ. Этимъ странамъ свойствененъ деспотизмъ, — деспотизмъ господина относительно рабовъ, и деспотизмъ государя въ отношеніи ко всѣмъ. Но потому благородство природы въ немъ одерживаетъ верхъ надъ софизмами ученаго, и онъ восклицаетъ: „Можетъ-быть, однако, нѣтъ такого климата на землѣ, въ которомъ нельзя было бы склонить къ труду людей свободныхъ. Вслѣдствіе того что законы были дурны, люди сдѣлались лѣнны, и вслѣдствіе того что они стали лѣнны, они подпали рабству.“

Храбрость и любовь къ свободѣ, а съ другой стороны, тру-

ность зависит от климата. Азиатскій материкъ по срединѣ прорѣзывается высокими горными хребтами: поэтому въ Азіи жьтъ умереннаго пояса, холодныя страны непосредственно граничатъ съ жаркими. Вслѣдствіе этого въ Азіи сѣверные народы постоянно покоряли южныхъ и основывали огромныя государства, которыя вскорѣ распадались. Азія подвергалась покоренію тринадцать разъ, — одиннадцать разъ сѣверными народами и два раза южными. Въ Европѣ же преобладаетъ умеренный климатъ; народы ея не отличаются рѣзко другъ отъ друга своею храбростію, поэтому тамъ несравненно рѣже происходятъ и политическіе перевороты.

Изъ этого Монтескье выводитъ политическое правило, что столица должна находиться на сѣверѣ: тамъ гдѣ она на сѣверѣ, сѣверъ всегда удержитъ за собою югъ; тамъ гдѣ она будетъ перенесена на югъ, будетъ предстоять опасность утратить сѣверъ.

Плодородность почвы имѣетъ также большое вліяніе на народный характеръ; тамъ гдѣ почва мало плодородна, люди умеренны, прилежны къ работѣ, въ состояніи выносить много трудовъ и способны къ войнѣ. Плодородность же почвы порождаетъ извѣстную извѣженность и увеличиваетъ любовь къ жизни. Основываясь на выводахъ изъ греческой исторіи, Монтескье говоритъ, что бесплодность почвы способствуетъ къ установленію демократическаго образа правленія, плодородность же къ установленію аристократическаго. Но онъ прибавляетъ однако, что матеріальное благосостояніе зависитъ не столько отъ плодородія почвы, сколько отъ степени политической и гражданской свободы. Далѣе Монтескье разбираетъ вліяніе торговли, монетной системы, количества народонаселенія и, наконецъ, религіи—на политическій бытъ и законодательство, а въ концѣ своего сочиненія представляетъ очеркъ гражданского права и политическихъ учрежденій у Франковъ и другихъ германскихъ народовъ. Эта часть теперь болѣе другихъ устарѣла, но въ то время имѣла значеніе какъ попытка ввести свѣтъ въ исторію внутренняго быта европейскихъ государствъ.

II.

Вліяніе философіи на исторію началось только въ XVIII вѣкѣ. Схоластическая философія, господствовавшая въ средніе вѣка, преимущественно занималась логическимъ и диалектическимъ развитіемъ богословскихъ догматовъ. Декартъ, какъ извѣстно, главнымъ образомъ способствовалъ къ тому чтобы вытѣснить схоластическую философію; но новая философія, которая замѣнила средневѣковую, была основана на методѣ математическомъ, демонстративномъ, который составляетъ прямую противоположность историческому. Она поэтому не могла оказать никакого вліянія на историческую науку. Правда, уже Бэконъ указывалъ на необходимость примирить теоретическую отвлеченность философіи съ слѣпнымъ раболѣпствомъ предъ необъяснимымъ фактомъ, которымъ въ то время отличались юристы, а также и составители историческихъ компіляцій. „Философы, говоритъ онъ, предлагаютъ многое, что слушать пріятно, а къ дѣлу непригодно. Philosophi proponunt multa, dictu pulchra, sed ab usu remotiora. Юристы же, слѣпо предаваясь и закабаленіемъ законамъ своего отечества или постановленіямъ римскаго или каноническаго права, лишены настоящаго пониманія ихъ и разглагольствуютъ какъ бы изъ-подъ ареста. Iuris consulti autem, suae quisque patriae legum vel etiam Romanarum aut Pontificiarum placitis obnoxii et addicti iudicio sincero non utuntur sed tamquam e vinculis sermocinantur.“

Только такая философія могла оказать вліяніе на исторію которая была доступна поэзіи и была способна отыскивать, глубокий смыслъ въ томъ что прежде считали бреднями пустаго воображенія и несостоящими вниманія формами варварскаго быта. Италія, которая такъ много сдѣлала для европейской цивилизаціи, и которая потомъ, отданная на жертву папству и европейской политикѣ, далеко отстала отъ другихъ странъ, выпало на долю открыть путь и для философіи исторіи. Сама Италія, вслѣдствіе низкаго уровня своего образованія, была не въ состояніи оцѣнить заслуги того человека, котораго можно назвать основателемъ философіи исторіи. Но и въ предѣлахъ Италіи и целымъ Вѣкомъ долго не отдавали должной

справедливости. Господствовавшее направление XVIII вѣка было враждебно имъ, и только нашъ вѣкъ, который видѣлъ столько попытокъ объяснить исторію съ помощью философіи, убѣдился, что многіе изъ лучшихъ результатовъ новѣйшей философіи выражены иногда сознательно, а иногда какъ бы въ зародышѣ, въ сочиненіяхъ неаполитанскаго мыслителя.

Вико, жившій отъ 1668—1744 года, провелъ свою молодость въ занятіяхъ классическими языками, богословіемъ и юриспруденціей. Воспитаніе, которое давали въ то время въ Италіи, носило еще схоластическій характеръ. Это отразилось на развитіи Вико. Въ своей молодости онъ провелъ девять лѣтъ въ качествѣ домашняго учителя въ сельскомъ уединеніи. Тамъ онъ положилъ основаніе своей громадной учености, но эта уединенная жизнь, вѣроятно, также усилила его склонность къ мистицизму. Любимыми писателями его были Платонъ, Дантъ и Тацитъ, въ послѣдствіи онъ сталъ изучать съ особеннымъ вниманіемъ Бэкона и Гроція. Онъ сдѣлался профессоромъ краснорѣчія при Неаполитанскомъ университетѣ, находился въ очень стѣсненныхъ обстоятельствахъ, и только подъ старость, когда Неаполь сдѣлался самостоятельнымъ королевствомъ, онъ получилъ званіе королевскаго историографа, и его положеніе улучшилось.

Главное его сочиненіе — *Основанія новой науки объ общихъ свойствахъ народовъ*, болѣе извѣстное подъ краткимъ названіемъ — *Scienza Nuova*, вышло въ 1725 году, когда автору было уже 58 лѣтъ. Цѣлью его было, какъ показываетъ самое заглавіе, установить на научномъ основаніи законы, управляющіе жизнью народовъ. Во взглядѣ Вико замѣтенъ уже большой прогрессъ противъ теоріи Бодена. Боденъ также желалъ опредѣлить законы, по которымъ развивается народная жизнь, но онъ имѣлъ при этомъ въ виду исключительно государство. Народъ исчезалъ у него передъ государствомъ. У Вико есть государство одно изъ проявленій народной жизни, но послѣдняя проявляется также въ религіи, въ языкѣ, въ поэзи, въ правѣ. Установленіе этого обширнаго понятія народной жизни имѣло чрезвычайно важныя послѣдствія; оно значило, что въ исторію народа должны входить не только извѣстныя перемѣны въ образѣ правленія, но и въ религіозныхъ помятияхъ, въ языкѣ, въ поэзи, и что всѣ эти перемѣны происходятъ по извѣстнымъ законамъ. Этимъ былъ сдѣланъ чрезвычайно важный шагъ въ пониманіи исторіи, и

изъ него непосредственно слѣдовало много новыхъ и свѣтлыхъ идей, которыми Вико далеко опередилъ своихъ современниковъ.

Примыкая къ ученію древнихъ египетскихъ жрецовъ, Вико различаетъ три историческихъ возраста, или періода: божественный, героическій и человѣческій.

Послѣ потопа люди жили какъ хищные звѣри, — въ разбродѣ, безъ законовъ, безъ религіи, — и отличались только необыкновенною физической силой. Преданія всѣхъ народовъ говорятъ о древнихъ исполинахъ. Греческая мифологія повѣствуетъ, что Зевесъ своими перунами разгромилъ Титановъ. Первобытные дикари были испуганы величественными явленіями природы, особенно грозой: они стали признавать надъ собою высшую силу, и такимъ образомъ возникла мифологія. Мифологія была необходима для развитія человѣчества; только она была въ состояніи обуздать высокомеріе грубой физической силы, заставить людей сблизиться другъ съ другомъ и вступать въ общество.

Такимъ образомъ начался второй возрастъ — героическій. Люди живутъ группами, большими семьями. Во главѣ этихъ семей, къ которымъ принадлежатъ и рабы (въ этомъ обширномъ смыслѣ употребляется латинская familia), стоятъ люди отличающіеся необыкновенною доблестью. Они кажутся другимъ потомками боговъ, полубогами. Каждый народъ имѣлъ своихъ Геркулесовъ. Въ это время господствуетъ поэзія, которая прославляетъ этихъ богатырей. Такъ возникла гомерическая поэзія. Гомеръ, какъ Геркулесъ, какъ Ромулъ, нарицательное имя: это представитель тѣхъ праводовъ, чрезъ уста которыхъ изливалась народная поэзія. Отсюда объясняется, что каждый греческій городъ считалъ себя родиной Гомера. Такимъ образомъ Вико пришелъ уже къ тѣмъ результатамъ, которыхъ потомъ съ болѣе научною достовѣрностью достигъ знаменитый филологъ Фридрихъ-Августъ Вольфъ.

Изъ этихъ главъ семействъ образуется особенная аристократія, которая одна пользуется всеми правами, — честолюбивая и потому постоянно занятая войнами. Но въ этихъ войнахъ кліенты и палеи достигаютъ большей самостоятельности, начинаютъ оспаривать у аристократовъ преимущества, и наконецъ устанавливается болѣе или менѣе демократическій образъ правленія.

Вмѣстѣ съ этимъ начинается третій возрастъ —

скій, въ которомъ мѣсто поэзіи занимаетъ проза. Языкъ и право переживаютъ тѣ же три періода. Въ первомъ періодѣ языкъ состоитъ болѣе изъ пантомимъ, имѣетъ символическій характеръ: такъ, на примѣръ, вмѣсто того чтобы сказать *море*, люди говорили *Нептунъ*. Гомеръ упоминаетъ о языкѣ боговъ, на которомъ прежде говорили люди. Мѣста письменъ замѣняли іероглифы. Право выражалось во множествѣ символическихъ обрядовъ, которыми была обставлена вся домашняя и гражданская жизнь. Во второмъ періодѣ языкъ былъ исполненъ поэзіи; въ немъ преобладали метафоры и риторическія фигуры. Вмѣсто отвлеченныхъ понатій употребляли названіе какого-нибудь конкретнаго предмета. Такъ, на примѣръ, Римляне говорили *Тирентинецъ*, если хотѣли выразить понятіе извѣжнаго человѣка. Имена *Геркулеса*, *Ахиллеса* и *Ромула* обозначали понятіе богатыря или основателя города. Мы видимъ изъ этого, что провидательный умъ Вико предупредилъ въ извѣстномъ смыслѣ критику Нибура.

Право въ героическомъ періодѣ имѣетъ строгій, жестокій характеръ. Поединки, согласно воинственнымъ наклонностямъ эпохи, замѣняютъ правильное судопроизводство. Только въ третьемъ періодѣ, когда преобладаетъ человѣческій разумъ, право получаетъ болѣе гуманный характеръ. Такъ Римляне смягчили строгость законовъ Двѣнадцати Таблицъ Преторскими Эдиктами. Привилегіи уничтожаются, и всѣ граждане становятся равноправными предъ законами. Это царство свободы и демократіи. Но этотъ порядокъ непроченъ: разнузданные страсти и своекорыстность приводятъ къ анархіи; возникаютъ партіи и междоусобныя войны; философія перерождается въ софистическую діалектику. Въ этомъ случаѣ возможны три исхода. Или среди общей анархіи возстаетъ искусный и сильный человѣкъ, который восстанавливаетъ порядокъ и законность и демократію превращаетъ въ монархію. Этотъ переходъ отъ демократіи къ монархіи Вико приписываетъ особенному историческому закону, который онъ называетъ *lex regia*. Если же среди народа не найдется такого способнаго человѣка, и нравственное паденіе его слишкомъ глубоко, тогда онъ становится добычей чужаго завоевателя. Изъ этого можно вывести два нравственныхъ закона: во первыхъ, что тотъ, кто неспособенъ управлять собой, долженъ подчиниться власти другаго; во вторыхъ, что власть всегда достается тому, кто болѣе достоинъ ея. Наконецъ, если и чужое владыче-

ство не было въ состояніи исправить народъ, тогда Провидѣніе прибѣгаетъ къ послѣднему средству. Оно позволяетъ народу падать все ниже и ниже; грубые страсти и интересы все болѣе и болѣе разыгрываются; съ порчей нравовъ исчезаетъ и матеріальное благосостояніе; города пустѣютъ, поля зарастаютъ дѣсами или превращаются въ пустыни; населеніе рѣдѣетъ, и наконецъ послѣдніе остатки цивилизованнаго народа превращаются въ совершенныхъ дикарей. У этихъ дикарей мало-по-малу возвращается прежняя простота нравовъ, наивность, легковѣріе, и они опять становятся способными внимать голосу Божію, который говоритъ съ ними чрезъ посредство природы. Среди ихъ опять водворяется религія, зародышъ цивилизаціи, и прежнее развитіе начинается снова. Человѣчество въ настоящее время уже во второй разъ совершаетъ этотъ путь. Средніе вѣка были его вторымъ героическимъ періодомъ, и теперь оно во второй разъ вступило въ періодъ гуманности и свободы.

Такимъ образомъ исторія человѣчества, по мнѣнію Вико, находится въ постоянно круговратномъ движеніи. Время то подымаетъ высоко на своихъ волнахъ цивилизацію, то повергаетъ ее въ прежнюю бездну и тьму. А надъ этимъ величественнымъ зрѣлищемъ царитъ великое Провидѣніе, которое даетъ начало движенію и руководитъ имъ въ своей неизвѣданной мудрости.

Мы уже сказали, что глубокомысленное сочиненіе Вико не было достаточно оцѣнено въ Италіи. За то Германія, гдѣ во второй половинѣ прошлаго столѣтія философія достигла высокаго развитія, съ особеннымъ вниманіемъ стала разрабатывать философію исторіи. Рядомъ съ громадными, учеными, но сухими и бездарными компиляціями, которыя составляли историческую литературу того времени, стали появляться попытки осмыслить и оживить исторію съ помощью философскихъ идей. Одною изъ первыхъ и самыхъ замѣчательныхъ попытокъ такого рода было сочиненіе Гердера: *Идеи къ философіи исторіи*. Гердеръ былъ поэтъ, и поэтому менѣе другихъ своихъ современниковъ могъ примириться съ тѣмъ методомъ, который заботился только о наибольшей полнотѣ матеріала и представлялъ исторію человѣчества какъ хаосъ однообразныхъ и вѣчно повторяющихся событій безъ повода и цѣли. Замѣчательно, что почти всѣ классическіе писатели немецкой литературы задумывались какъ объясненіе

миемъ исторіи. Кромѣ Гердера можно назвать Лессинга, который изложилъ свой взглядъ на исторію въ небольшомъ, но глубокомысленномъ отрывкѣ *О воспитаніи рода человеческого*, Шиллера, историческія драмы котораго всѣ проникнуты философскою мыслью, и даже Гёте, *Фаустъ* котораго можно назвать самою поэтическою и художественною философіей исторіи.

Гердеръ не былъ ученымъ историкомъ, но онъ чувствовалъ живой интересъ къ исторіи и нуждался въ удовлетворительномъ объясненіи судебъ человеческого рода. „Какъ трудно удержаться,—говоритъ онъ въ своемъ предисловіи,— чтобы не смотреть на родъ человѣческой какъ на муравьию кучу, гдѣ нога сильнаго, который чудовищнымъ образомъ самъ такою же муравей, тысячи раздавливаетъ, тысячи уничтожаетъ среди ихъ мелочно-важныхъ предприятий, гдѣ два самые могущественные на землѣ тирани—случай и время—уносятъ съ собою всю кучу безъ слѣда, предоставляя пустое мѣсто новому дѣятельному рою, который въ свою очередь будетъ также унесенъ, не оставая слѣда. Гордый человѣкъ отталкиваетъ отъ себя мысль, что родъ человѣческой есть чадо земли и добыча всепоглащающаго истлѣнія, а развѣ исторія и опытъ не навязываютъ ему все-таки этой мысли? Я не хочу продолжать рядъ этихъ сомнѣній, заключаетъ онъ; довольно того что я сталъ доискиваться философіи человѣческой исторіи.“

Гердеръ находилъ въ религіи отвѣтъ своимъ историческимъ сомнѣніямъ. „Возможно ли, восклицаетъ онъ, чтобы тотъ Богъ, который въ природѣ все подчинилъ мѣрѣ, чину и вѣсу, который опредѣляетъ, подобно съ ними, сущность вещей, ихъ образъ и взаимную связь, ихъ судьбу и время ихъ бытія, такъ что во всемъ, отъ міровой системы до пылинки, отъ силы управляющей ходомъ земли и солнца до литей паутины, вездѣ господствуютъ та же мудрость, та же милость и то же всемогущество,—возможно ли, чтобы въ устроеніи и опредѣленіи судьбы человеческого рода Онъ не выказалъ мудрости и милости и не имѣлъ бы плана? Слѣдуетъ ли думать что родъ человѣческой въ своемъ цѣломъ есть стадо безъ пастыря, и повторять жалобу древняго мудра „Ты позволяешь имъ бродить какъ рыбаки въ морѣ, червяки, незнающимъ господина?“

Вѣра въ Творца была для Гердера руководящею, которою онъ рѣшился проникнуть въ лабиринтъ

ской исторіи. Ему онъ посвятилъ свое сочиненіе: „Къ Твоимъ стопамъ, великое существо, невидимый, высокій геній нашего рода, кладу я самое незрѣлое твореніе, написанное когда-либо смертнымъ, въ которомъ онъ рѣшился изслѣдовать Твою мысль (Dig nachzusinnen), идти по Твоимъ слѣдамъ. Пусть разлетятся его мысли, пусть исчезнутъ его начертанія, вѣдь также исчезнутъ формы и образы, въ которыхъ я находилъ Твои слѣды и старался передать ихъ моимъ собратамъ. Но мысли Твои останутся, и Ты станешь раскрывать ихъ каждому поколѣнію все яснѣе и яснѣе, и выражать ихъ въ болѣе чудныхъ образахъ. Хорошо если тогда эти листы будутъ унесены потокомъ забвенія, и вмѣсто нихъ въ душахъ людей стануть жить болѣе свѣтлыя мысли.“

Нѣкоторыя мѣста Гердерова сочиненія страдаютъ излишнею риторикою, и вообще слогъ его своимъ пафосомъ и частыми восклицаніями напоминаетъ проповѣдника. Но благородная личность автора, высокое мнѣніе, которое онъ имѣетъ о своей задачѣ, и увлекательная изящная рѣчь его возвышаютъ его сочиненіе надъ массою ефемерныхъ произведеній и спасутъ его отъ потока забвенія.

Несмотря на свое теплое религіозное чувство, онъ никогда не злоупотребляетъ имъ и никогда не объясняетъ какое-нибудь отдѣльное историческое событіе прямо волею Провидѣнія, и не допускаетъ въ объясненіи историческихъ фактовъ никакого мистическаго элемента. Въ изложеніи исторіи, говоритъ онъ, нужно приближаться по возможности къ истинѣ; въ пониманіи и обсужденіи ея нужно доискиваться подлѣйшей связи явленій, и никогда не объяснять явленіе, которое существуетъ или дѣйствительно случилось, посредствомъ другаго неизвѣстнаго.

„Всабѣдствіе этого, говоритъ онъ, мы особенно и прежде всего будемъ остерегаться, чтобы не видѣть въ явленіяхъ исторіи выраженія сокровеннаго и неизвѣстнаго намъ міроваго плана или даже магическаго вліянія неизвѣстныхъ духовъ, о которыхъ никто и не рѣшается упомянуть при об-“

Почему Александръ Македонскій

что онъ былъ Александръ,
ктера своего народа,
на, чтенія Гомера
и мы будемъ при-
верховной са-

ды, а смѣлые подвиги его — помощи фортуны, тогда мы подвергаемся опасности объяснять самые непростительные, безразсудные поступки его божественною волею и уменьшать, съ другой стороны, его собственную отвагу и военныя способности, и вообще лишимъ цѣлою явленіе настоящаго его значенія. Кто въ естественной исторіи сталъ бы мечтать, что невидимые духи румянятъ розу или опускаютъ въ ея чашечку серебряную росу, что маленькіе духи свѣта поселяются въ тѣлѣ свѣтлака или играютъ на хвостѣ павлина, тотъ можетъ быть искуснымъ поэтомъ, но никогда онъ не отаичится ни какъ естествоиспытатель, ни какъ историкъ.“

XVIII вѣкъ въ Германіи особенно благопріятствовалъ развитію замѣчательныхъ личностей. При отсутствіи политической жизни, при отсутствіи даже національных интересовъ, лучшіе люди были предоставлены самимъ себѣ. Всѣ плоды образованія, всѣ сокровища науки и искусства они употребляли на украшеніе своей личности, на то чтобы достигнуть высшей ступени внутренняго человѣческаго развитія, — того состоянія, которое Гердеръ обозначаетъ словомъ Humanität (человѣчность). Эта высокая степень личнаго развитія передовыхъ людей наложила свою печать на всѣ ихъ произведенія и придава имъ идеальный, классическій характеръ. Гердеръ былъ апостоломъ этой гуманности, этого развитія человѣка до челоѣчности. Возвышеніе всего челоѣчества на эту степень было, по его мнѣнію, цѣлюю исторіи. Но Гердеръ былъ въ то же время самымъ хорошимъ наблюдателемъ; онъ самымъ былъ знакомъ съ почвой, на которой приходится развиваться челоѣчеству. Онъ зналъ, что не всѣмъ народамъ и не всѣмъ эпохамъ дана возможность одинаково успѣшнаго развитія. Поэтому онъ видоизмѣнилъ свое первое положеніе слѣдующимъ образомъ: цѣлью каждаго челоѣка, какъ и каждаго народа, и всего челоѣчества одна и та же — достиженіе высшаго развитія и счастья, возможныхъ на извѣстномъ мѣстѣ и при извѣстныхъ условіяхъ.

Гердеръ соединялъ въ себѣ всѣ необходимыя условія, чтобы написать замѣчательную философію исторіи. Онъ получилъ отличное классическое образованіе: какъ богословъ, онъ былъ знакомъ съ тогдашнимъ состояніемъ богословской науки и съ библейскою экзегетикою; какъ поэтъ, онъ сталъ собирать, въ своихъ *Голосахъ народовъ*, кѣни различныхъ народовъ, и схватывалъ лучше другихъ тонкія психологиче-

скія отаичія въ характерѣ ихъ. Онъ одинъ изъ первыхъ обратилъ вниманіе на сравнительное изученіе языковъ; наконецъ, онъ вполнѣ ознакомился съ современными ему результатами естественныхъ наукъ. Его сочиненіе есть первая попытка изучить всеобщую исторію челоѣчества въ связи съ физическими условіями, среди которыхъ она развивается. Почти вся первая половина его сочиненія посвящена изученію этихъ условій и вообще жизни природы, съ которою такъ тѣсно связана жизнь челоѣка. Гердеръ стоялъ на уровнѣ современной ему естественной науки, смѣло усвоивалъ себѣ, ея выводы и не боялся несправедливыхъ упрековъ въ материализмъ. Его современники не разъ упрекали его въ томъ, что онъ выводитъ нравственные результаты изъ случайныхъ причинъ и представляетъ духъ въ излишней зависимости отъ тѣла. Но какъ поэтъ, онъ, изъ-за отдаленности частностей, не упускалъ изъ вида художественнаго строя цѣлаго, и какъ философъ, онъ не терялся въ массѣ фактовъ, а доискивался ихъ связи и смысла. Въ немъ глубоко жило убѣжденіе, что море бытія не находится въ круговратномъ, бесплодномъ движеніи, что волны его не плещутъ въ вѣчномъ утомительномъ однообразіи, но что въ природѣ вездѣ есть движеніе впередъ и развитіе, что одинъ организмъ служитъ необходимою ступенью для другаго, болѣе развитаго, что чѣмъ дальше, тѣмъ больше въ природѣ все осмысливается, одухотворяется, и что это движеніе, это усовершенствованіе не останавливаются на челоѣкѣ, но заходятъ въ ту сферу, о которой возможно только гаданіе и чаяніе.

Гердеръ начинаеть свою философію исторіи съ описанія той планеты, на которой происходитъ исторія челоѣчества, и съ опредѣленія ея отношенія къ другимъ небеснымъ тѣламъ. Отношеніе земнаго шара къ другимъ планетамъ заставляетъ Гердера сдѣлать нѣсколько заключеній на счетъ свойствъ обитающаго на землѣ челоѣчества. „Земля, говоритъ онъ, занимаетъ среди другихъ планетъ среднее положеніе; движеніе ея вокругъ своей оси и вокругъ солнца соразмѣрнѣе чѣмъ у другихъ планетъ. Сатурнъ въ тридцать лѣтъ совершаетъ свой путь вокругъ солнца, а въ семь часовъ совершаетъ движеніе около своей оси. Свѣтъ, который падаетъ на него, въ десять разъ слабѣе чѣмъ свѣтъ солнца на землѣ. Меркурій же совершаетъ первое движеніе въ 88 дней, а второе въ шесть часовъ, и солнце освѣщаетъ его въ шесть разъ силь-

нѣ чѣмъ земаю. На землѣ господствуетъ большая соразмѣрность, и это не могло не имѣть вліянія на людей. Отношеніе матеріи къ нашему духу можетъ быть также уравновѣшено какъ длина нашихъ ночей и нашихъ дней. Быстрота нашихъ мыслей можетъ быть соразмѣрна быстротѣ движенія земли сравнительно съ другими планетами. Итакъ, будемъ разсчитывать на землѣ только на посредственный земной разсудокъ и на еще болѣе посредственную людскую добродѣтель.“

Форма земнаго шара и геологическіе перевороты, которыми онъ подвергается, наводятъ Гердера на такіа разсужденія: „Странно, говоритъ онъ, что люди, замѣтивъ форму земли, не поняли, что все на ней подвержено перемѣнѣ и передвиженію. Какой человекъ, еслибъ онъ выскнулъ въ геометрическую форму земли, рѣшился бы пойдти и проповѣдывать для всего міра одну вѣру или одну философскую теорію? Кто рѣшился бы убивать людей во имя этой вѣры въ святомъ, но слѣпомъ рвеніи? Все на землѣ мѣняется. Земной шаръ въ вѣчномъ движеніи; въ подобномъ же движеніи находится и человѣчскій умъ. Нравы и религіи мѣняются подобно страстямъ и костюмамъ.“

Три книги Гердеръ посвятилъ обзору органической природы на землѣ. Въ этомъ обзорѣ онъ поставилъ себѣ главной задачей показать, что отъ самаго несовершеннаго организма до человека тянется непрерывная цѣпь все болѣе и болѣе усовершенствующихся существъ. Организмы все болѣе и болѣе усложняются, и вмѣстѣ съ тѣмъ становится разнообразнѣе и, такъ-сказать, возвышеннѣе сфера ихъ дѣятельности. Низшіе организмы имѣютъ только два назначенія: поддержаніе себя посредствомъ питанія и поддержаніе своего рода. У высшихъ животныхъ къ этому присоединяется уже нѣкоторая сознательность дѣйствій, чувства и даже зачатки семейной жизни. Перехода къ человеку, Гердеръ находитъ, что существеннѣйшее его отличіе отъ прочихъ живыхъ существъ заключается въ выпрямленности его стана, въ вертикальномъ положеніи его тѣла. Въ этомъ онъ видитъ условіе всего дальнѣйшаго развитія человека, его воспитанія къ разумной и нравственной дѣятельности. Слова — „Человекъ выпрямъ отъ земли“—для Гердера, такъ-сказать, девизъ всей исторіи человѣческаго рода. Кантъ въ своей рецензіи Гердерова сочиненія подвергалъ его жестокии насмѣшкамъ, за то что

онъ придавалъ такую важность случайному, какъ выразился Кантъ, обстоятельству. „Какъ будто человекъ, говоритъ Кантъ, отъ того только человекъ, что онъ вмѣсто четырехъ лапъ ходитъ на двухъ лапахъ. Вѣдь и обезьяну можно приучить ходить на заднихъ лапахъ.“ Но эти насмѣшки совершенно напрасны. Въ словахъ Гердера, „человекъ выпрямъ отъ земли,“ заключается, во первыхъ, сознаніе, что человекъ уже по своей физической организаціи предопредѣленъ къ нравственному и духовному развитію восторыхъ, сознаніе, что явленія этой нравственной и духовной жизни находятся въ тѣсной связи съ явленіями физической жизни, что наука должна доискиваться ихъ связи и подвергать ихъ совокупно строгому научному анализу. Гердеръ разбираетъ скелеты обезьяны, животнаго, стоящаго по своимъ анатомическимъ свойствамъ всего ближе къ человеку, и доказываетъ, что обезьянѣ несвойственъ прямой станъ. Потомъ онъ переходитъ къ скелету человека и объясняетъ въ какой связи находится выпрямленность стана съ измѣненіями въ позвоночномъ столбѣ, съ формаціей черепа и съ положеніемъ мозга. Не количество посажняго составляетъ, по его мнѣнію, преимущество человека, а размѣщеніе его подъ вліяніемъ особенной формаціи человѣческаго черепа.

Замѣчательно, что формація черепа и связь ея съ общеою формаціей человѣческаго скелета были предметомъ внимательнаго изученія со стороны еще другаго нѣмецкаго поэта, Гёте. Ученныя заслуги Гёте совершенно затемнены въ глазахъ потомства славою поэта, точно также какъ изъ-за поззіи Мильтона потомство долго забывало, что онъ былъ передовымъ публицистомъ своего времени. Только въ послѣднее время представители естественныхъ наукъ въ Германіи стали указывать на заслуги Гёте какъ естествоиспытателя.*

При описаніи характера народовъ и изложеніи ихъ исторіи Гердеръ обращаетъ большое вниманіе на климатъ. Подъ климатомъ онъ разумѣетъ не только среднюю температуру, но совокупность всѣхъ физическихъ вліаній, дѣйствующихъ на человека въ известной странѣ, какъ-то: высоту мѣстности, ея геологическія свойства, вліаніе ея флоры и фауны, образъ жизни народа, родъ его занятій, его пищу, одежду, даже его удовольствія и тысячу другихъ обстоятельствъ, дѣйствующихъ

* См. Virchow.—*Goethe als Naturforscher.*

щих во взаимной связи. Гердеръ совѣтуетъ быть очень осторожнымъ при опредѣленіи этого хаоса различныхъ вліяній, называемаго климатомъ, и согласно Гиппократу, только послѣ многихъ и повторенныхъ наблюденій, приступать къ осторожнымъ выводамъ. Относительно этого предмета не слѣдуетъ терять изъ виду, говоритъ онъ, что въ каждомъ организмѣ есть органическая сила, которая старается сохранить организмъ, ослабить всѣ вліянія, стремящіяся къ его измѣненію, и воспроизвести его въ слѣдующемъ поколѣніи въ томъ же видѣ. Съ этою органическою силой приходится бороться климату. Климатъ можетъ побѣдить ее, но не сразу, не механически. Механическіе способы измѣнить организмъ не имѣли результата, даже если продолжались тысячи лѣтъ. Ни окрашивание тѣла у дикихъ, ни сдавливаніе головы у дѣтей, ни вытягиваніе ушей или просверливаніе носа, ни выщипываніе бородъ, не могли измѣнить организацию дикарей.

Также и о климатѣ нельзя сказать, что солнце окрасило тѣло негра, скрутило его волосы и сплюснуло его носъ. Съ этими вѣшними измѣненіями стоятъ въ связи измѣненія въ цѣломъ организмѣ негра. Гердеръ соглашается съ Бэкономъ, который полагалъ, что климатъ дѣйствуетъ болѣе на массы чѣмъ на индивидуумы, но посредствомъ массъ простираетъ свое вліяніе и на послѣднихъ. Климатъ дѣйствуетъ не въ короткіе промежутки времени, а въ теченіе долгихъ періодовъ; его вліяніе оказывается поздно и можетъ тогда уже проявиться при помощи мелкихъ обстоятельствъ. Климатъ не производитъ быстрого перелома въ организмѣ, а надѣляетъ его незамѣтною наклонностію и т. д.

Кромѣ климата, то-есть совокупности физическихъ вліяній, Гердеръ признаетъ еще одну силу, управляющую человѣкомъ и опредѣляющую ходъ исторіи человѣчества. Эту силу онъ называетъ преданіемъ — Tradition. Человѣкъ, говоритъ Гердеръ, считаетъ себя совершенно свободнымъ; всѣ свои дѣянія онъ приписываетъ свободной волѣ, а всѣ свои убѣжденія онъ считаетъ плодомъ своей мысли. Но на самомъ дѣлѣ мы видимъ совершенно иное. Развитіе человѣка начинается съ дѣтства, и главная дѣятельность ребенка состоитъ въ подражаніи; онъ всему долженъ выучиться, все воспринимаетъ. Съ молокомъ матери онъ всасываетъ въ себя извѣстныя наклонности, такъ-сказать извѣстное направленіе мысли,

и онъ никогда не освобождается изъ-подъ вліянія окружающей его среды и общества. Такимъ образомъ вся жизнь человѣка заключается въ воспитаніи; его воспитываетъ семейство, воспитываетъ потомъ окружающая среда. На этомъ воспитаніи, на преемственности преданія, которое образуется въ слѣдствіе этого, основывается возможность для рода человеческого имѣть исторію. Еслибы каждый человѣкъ выработывалъ все изъ себя, независимо отъ окружающей его среды и прошедшаго, тогда каждый человѣкъ имѣлъ бы свою исторію, но не было бы исторіи человѣчества. На этой преемственности преданія основывается также способность человѣчества къ усовершенствованію (Perfectibilität) и къ ухудшенію, и въ слѣдствіе этого исторія человѣчества представляетъ нѣчто цѣльное. Подобно климату преданіе дѣйствуетъ на человѣка постепенно, измѣняетъ его органически. Правда, это измѣненіе не можетъ произойти безъ участія человѣка. Человѣкъ долженъ имѣть силу воспринимать въ себя и перерабатывать воспринятое подобно пищи. Отъ него зависитъ, отъ кого онъ хочетъ воспринимать, сколько и какъ онъ воспринимаетъ.

Эту цѣль воспитанія, говоритъ Гердеръ, можно назвать культурой, если сравнивать человѣка съ обрабатываемымъ полемъ, или просвѣщеніемъ, если употребить другую метафору. Во взглядѣ Гердера на культуру или, какъ теперь говорятъ, на цивилизацию, отпечатѣлся XVIII вѣкъ съ его недовѣрчивостію къ цивилизации, съ его наивными сомнѣніями въ необходимости государственной жизни, наконецъ съ его сентиментальными мечтаніями о счастіи человѣчества. Гердеръ одинъ изъ первыхъ ясно созналъ, что жизнь природы отъ самыхъ простыхъ органическихъ существъ и до человѣка представляетъ длинную цѣль развитія и прогресса, но онъ не призналъ продолженія этого прогресса въ самой жизни человѣчества, то-есть въ исторіи. Высказать эту мысль было суждено другому. Гердеръ говоритъ, что вездѣ на землѣ мы находимъ извѣстную цивилизацию. И дикарь учится дѣлать лукъ и стрѣлы, и у него есть языкъ, и понятіе, и промыселъ. Картина человѣческой культуры на землѣ представляетъ безчисленные отбѣнки. Правда, говоритъ онъ, если мы положимъ въ основаніе нашихъ понятій о культурѣ европейскую цивилизацию, то мы найдемъ ее только въ Европѣ; но если мы будемъ имѣть въ виду разнообразіе, представляемое

человѣческой природой, то мы убѣдимся, что цѣль историческаго развитія не что иное какъ воспитаніе къ тому или другому образу жизни, къ тому или другому виду человѣческаго счастья.

Счастіе—понятіе относительное. Мѣра счастья и несчастья, назначенная намъ природой, различна по странѣ, въ которой мы живемъ, по времени, по нашей организаціи, по нашей способности наслаждаться или страдать. Счастіе не связано ни съ какою особенною степенью культуры, ни съ какимъ опредѣленнымъ образомъ жизни. Первый залогъ его — здоровье, а здоровье, какъ извѣстно, не есть исключительное достояніе извѣстной полосы земли или извѣстной степени культуры. Дикари, подверженные самымъ большимъ лишеніямъ, здоровьемъ нерѣдко превосходятъ Европейцевъ. Развитіе духовныхъ силъ также не имѣетъ привилегіи на счастье. Природа немногихъ назначила къ умственной жизни, да и тѣ иногда дорого искупаютъ свое преимущество. Голова, отягощенная познаніями, давитъ на тѣло, стѣсняетъ грудь и помрачаетъ взоръ. Природа не назначила землѣ быть ученою аудиторіей. У большинства народовъ и людей духовныя силы находятся на степени зародыша, и имъ не суждено пробудиться.

Точно также счастье не зависитъ отъ развитія чувствъ и отъ разнообразія волнующихъ желаній. Европейецъ не имѣетъ понятія о кипучихъ страстяхъ, наполняющихъ грудь Негра, а кроткій Индусъ—о безпокойныхъ желаніяхъ, которыя волнуютъ Европейца и мчатъ его изъ одного конца міра въ другую. Дикарь, который любитъ свою семью съ спокойною любовью, дѣятельность и симпатіи котораго не выходятъ изъ предѣловъ его племени, заслуживаетъ большаго уваженія чѣмъ цивилизованная тѣнь, которая пламенѣетъ любовью къ цѣлому роду человѣческому, то-есть къ простому звуку. Дикарь въ своей бѣдной хижинѣ равнодушно даетъ убѣжище всякому чужестранцу, и не спрашиваетъ его откуда онъ; заплывшее же сердце празднаго космополита никому не можетъ послужить убѣжищемъ.

Не отъ государства также зависитъ счастье челоѣка. Сколько есть народовъ, не знающихъ государства и болѣе счастливыхъ чѣмъ многіе измученные благодѣтели государствъ. Въ большихъ государствахъ тысячи должны голодать, чтобъ одинъ могъ кѣжиться въ роскоши; десятки ты-

сячъ становятся жертвами смерти, чтобъ одинъ коронованный невѣжда или мудрецъ могъ исполнять свои фантазіи. Мудрецы говорятъ, что всякое благоустроенное государство должно быть машиной, управляемою мыслию одного: велико же счастье быть колесомъ этой машины! И въ самомъ мудроустроенномъ государствѣ, всякій, кто желаетъ достигнуть счастья, находится не въ лучшемъ положеніи чѣмъ дикарь, то-есть онъ долженъ самъ упрочить свое счастье и не ждать ничего отъ государства.

„Нѣтъ, восклицаетъ Гердеръ, хорошо сдѣлала природа, что она не всѣмъ народамъ навязала эти дороги государственныя машины. Она разграничила народы не только лѣсами и горами, морями и пустынями, но и языками, характерами и наклонностями, чтобы затруднить дѣло деспотизма и не загнать всѣ народы въ животъ деревяннаго коня.

Природа не дала ни одному народу преимущества счастья предъ другимъ. Точно также она не жертвовала однимъ поколѣніемъ ради другаго, и не считала предковъ средствомъ для достиженія счастья внучатъ. Оскорбленіемъ природы была бы мысль, что всѣ милліоны людей, жившіе вѣкогда на землѣ, служили только удобреніемъ почвы, на которой развилась теперешняя европейская цивилизація, что тысячи были созданы ради одного, цѣль поколѣній ради послѣдняго, всѣ люди ради человѣческаго рода, то-есть отвѣченнаго понятія. Нѣтъ, каждое созданіе такъ дорого Создателю, какъ будто оно было бы единственнымъ; всѣ средства—для Него въ то же время цѣли, и всѣ цѣли — средства къ высшимъ цѣлямъ.

Итакъ, цѣль каждаго челоѣка и всего челоѣчества одна и та же, это достиженіе полнаго развитія и счастья на извѣстномъ мѣстѣ, въ извѣстной степени, какъ извѣстное звено безконечной цѣли развитія.

Изъ этого слѣдуетъ, что мы собственно не можемъ называть себя людьми, мы становимся людьми. Воспитаніе людей Божество поручило самому челоѣчеству. При несовершенствѣ нашей природы такого рода воспитаніе должно было привести ко многимъ печальнымъ результатамъ. Нѣтъ того варварства, которое не вошло бы въ обычай у какого-нибудь народа, нѣтъ того бреда воображенія, который не былъ бы освященъ религіей какого-нибудь народа. Нелѣпости переходили въ наслѣдство наравнѣ съ мудростію; путь челоѣчества сталъ похожъ на лабиринтъ, въ которомъ много ~~людей~~

отводить отъ цѣли, и немногія тропинки приближаютъ къ ней. Счастливы тотъ смертный, который шелъ по этимъ тропинкамъ, который своими мыслями или своимъ примѣромъ содѣйствовалъ къ развитію человечества. Божество дѣйствуетъ на землѣ только посредствомъ великихъ избранныхъ людей. Тѣло наше истлѣваетъ въ могилѣ, а имя наше становится призракомъ на землѣ; только славаясь съ голосомъ Божиимъ, то-есть съ развивающимся преданіемъ, мы можемъ продолжать жить и дѣйствовать безсѣтство въ душахъ нашихъ потомковъ.

Только философія исторіи, которая слѣдитъ за этою цѣлью развитія, даетъ понятіе о настоящей исторіи человечества. Безъ нея историческіе факты непонятны или пугаютъ воображеніе. Безъ нея всѣ земные перевороты представляютъ только развалины на развалинахъ, начинанія безъ конца, предпріятія безъ цѣли и успѣха. Только цѣль развитія дѣлаетъ изъ этихъ обломковъ нѣчто цѣльное, въ которомъ исчезаютъ образы отдѣльныхъ людей, но духъ человѣческой жизни и дѣйствуетъ безсмертно.

III.

Съ большею трезвостью и опредѣленностью взгляда смотрѣлъ на исторію современникъ Гердера, великій философъ Кантъ. Свой взглядъ на исторію Кантъ высказалъ не въ особенномъ сочиненіи, а въ различныхъ мелкихъ статьяхъ и брошюрахъ. Безъ колебаній и сомнѣній онъ прямо выставилъ положеніе, что „человѣчество развивается, если не въ безпрерывномъ, то въ постоянномъ прогрессѣ.“ Это положеніе имѣло въ его глазахъ характеръ аксіомы. Онъ не старался доказать его тѣмъ что вся жизнь природы представляетъ прогрессивное движеніе, и не подтверждалъ его историческими фактами. Чтобы понять, почему онъ считалъ положеніе о постоянномъ прогрессѣ въ исторіи за аксіому, нужно припомнить вообще философскій методъ Канта. Переворотъ сдѣланный имъ въ исторіи философіи заключался въ томъ, что онъ установилъ предѣлы человѣческаго разума и объявилъ, что высокія истины, о Богѣ, о безсмертіи, свободной волѣ, которыя средневѣковая философія старалась доказать на основаніи разума, и которыя то считались приращенными человѣку, то данными ему открове-

ніемъ,—не доступны человѣческому разуму. Кантъ сталъ различать теоретическій разумъ отъ практическаго и объявилъ, что вышеназванныя истины не могутъ быть доказаны теоретическимъ разумомъ, но вытекаютъ изъ практическаго разума, то-есть изъ потребностей нравственной природы человѣка и имѣютъ такимъ образомъ характеръ нравственныхъ аксіомъ. Изъ той же нравственной природы, изъ той же практической необходимости вытекало, по его мнѣнію, и положеніе о постоянномъ прогрессѣ въ исторіи человечества. Онъ возражаетъ Мендельсону, отрицавшему всякій прогрессъ въ исторіи, слѣдующимъ образомъ: „Если добродѣтельный человѣкъ, который борется съ неприяностями и искушеніями ко злу и побѣждаетъ ихъ, есть зрѣлаще достойное божества, то было бы въ высшей степени недостойно не только божества, но самаго обыкновеннаго, благомыслящаго человѣка смотрѣть, какъ родъ человѣческой отъ времени до времени дѣлаетъ нѣсколько шаговъ къ добродѣтели, а потомъ упадетъ въ прежнюю бездну порока и несчастія. Смотрѣть на эту драму нѣсколько времени было бы трогательно и поучительно, но такое зрѣлаще скоро бы обратилось въ кукольную комедію, и пришлось бы опустить занавѣсъ. Еслибы не устали играть актеры, то усталъ бы зритель. Онъ могъ бы довольствоваться однимъ или двумя актами и имѣлъ бы право по нимъ заключить, что безконечная пьеса представляетъ вѣчное однообразіе. Въ обыкновенной театральной пьесѣ кара, слѣдующая въ концѣ, можетъ вознаграждать за неприятое ощущеніе. Но, въ дѣйствительности, позволить порокамъ безъ числа громоздиться другъ на другѣ, хотя въ перемишкѣ съ добродѣтелями, и все это для того только чтобы въ заключеніе всего можно было бы хорошенько наказать за эти пороки,—это, по крайней мѣрѣ по нашимъ понятіямъ, несогласно съ свойствами мудраго Творца и Правителя вселенной.“

„Поэтому я имѣю право заключить, продолжаетъ Кантъ, что такъ какъ родъ человѣческой постоянно идетъ впередъ въ дѣлѣ улучшенія матеріальнаго быта, онъ также приближается къ нравственной цѣли своего существованія. Это нравственное улучшеніе можетъ иногда быть прерываемо, но не можетъ прекратиться. Доказывать это положеніе мнѣ не нужно. Обязанность доказывать лежитъ на моемъ противникѣ. Я освываюсь на врожденномъ мнѣ чувствѣ долга дѣйствовать съ того поколѣнія, къ которому я принадлежу, такимъ обра-

чтобы следующее за нимъ было лучше, и чтобы это чувство долга переходило въ наследство отъ одного поколѣнія къ другому.“ Въ другомъ мѣстѣ Кантъ говоритъ, что только надежда на улучшение можетъ внушить желаніе быть полезнымъ обществу, и что самъ Мендельсонъ должно-быть разчитывалъ на лучшія времена, если онъ такъ много трудился на пользу просвѣщенія того народа, къ которому онъ принадлежалъ.

Только одажды въ статьѣ *Споръ факультетовъ* Кантъ почувствовалъ потребность подтвердить свое положеніе фактами. Онъ находитъ доказательство въ пользу прогресса въ исторіи—въ томъ всеобщемъ, безкорытномъ участіи, которое его современники принимали во французской революціи, часто подвергаясь изъ-за него личной опасности. Въ этомъ энтузіазмѣ Кантъ видѣлъ ручательство въ нравственности человѣческой природы.

Съ необыкновенною ясностью и провидательностью ума, которыми отличался Кантъ, онъ замѣтилъ, что въ историческихъ событіяхъ, несмотря на кажущуюся ихъ случайность, проявляется нѣкоторая разумность и законность, и онъ положительно высказалъ мысль, что наука должна открыть законы, по которымъ происходитъ исторія человечества. „Въ человѣческихъ дѣйствіяхъ, говоритъ Кантъ, какъ они проявляются въ исторіи, можно встрѣтить кое-гдѣ кажущееся благоразуміе; большею же частью человѣческія дѣйствія вытекаютъ только изъ глупости, тщеславія, а иногда изъ дѣтской злобы и страсти къ разрушенію.“ Но Кантъ замѣчаетъ, что если разсматривать эти самыя человѣческія дѣйствія коллективно, то въ нихъ оказываются правильность и законность. Онъ зналъ, что статистическія таблицы доказываютъ правильное увеличиваніе или уменьшеніе числа браковъ, рожденій, преступленій, и сравнивалъ эти явленія съ перемѣнами погоды, которыя также нельзя предсказать впередъ, но которыя однако находятся въ зависимости отъ неизмѣнныхъ законовъ природы. Поэтому онъ заключаетъ, что такъ какъ философъ не можетъ найти чтобы дѣйствія людей въ исторіи направлялись къ какой-либо разумной цѣли, то онъ долженъ доискиваться, не замѣтитъ ли онъ какой-нибудь цѣли природы въ этомъ бессмысленномъ ходѣ человѣческихъ дѣлъ. Онъ самъ хочетъ быть этимъ философомъ, открыть цѣль природы, и потому предоставить ей создать такого че-

ловѣка, который былъ бы въ состояніи объяснить исторію по его руководству. Такъ, говоритъ онъ, природа произвела Кеплера, который доказалъ правильность акцентрическихъ движеній планетъ, и Ньютона, который объяснилъ эту правильность изъ всеобщаго естественнаго закона.

Кантъ дѣйствительно начерталъ краткое руководство для будущаго Кеплера исторіи и опредѣлилъ цѣль природы или Провидѣнія въ исторіи человечества. Прогрессъ, по его мнѣнію, обуславливается тѣмъ, что природа пользуется для своей цѣли не только хорошими наклонностями людей, но и ихъ слабостями и особенно антагонизмомъ человѣческихъ страстей.

Всѣ природныя свойства какого-нибудь существа предназначены къ полному развитію. Въ человѣкѣ же тѣ свойства, которыя основаны на употребленіи разума, могутъ достигнуть полнаго развитія не въ отдѣльномъ лицѣ, а только въ цѣломъ родѣ. Средство, которымъ пользуется природа, чтобы привести къ полному развитію способности, вложенныя ею въ человѣка, есть антагонизмъ людей въ обществѣ. Противоположныя стремленія людей могутъ примириться только въ обществѣ или государствѣ. Въ обществѣ человѣкъ вездѣ встрѣчаетъ препятствіе своему произволу. Это препятствіе возбуждаетъ его дѣятельность. Увлеченный честолюбіемъ, властолюбіемъ или корыстолюбіемъ, онъ старается завоевать себѣ видное мѣсто между людьми, которыхъ онъ не можетъ терпѣть, но безъ которыхъ и не можетъ обойтись. Вслѣдствіе этого состязанія отдѣльныхъ людей, общество дѣлаетъ первые шаги отъ грубости къ образованію; всѣ способности людей развиваются мало-по-малу, вкусъ очищается, и постепенное просвѣщеніе внушаетъ человѣку извѣстные практическія правила, которыя превращаютъ прежнее общественное устройство, основанное на патологической необходимости, въ нравственное цѣлое.

Самая великая задача, къ достиженію которой природа принуждаетъ родъ человѣческій, есть достиженіе такого гражданскаго устройства, которое вполне осуществило бы идею права. Это самая трудная задача, и она разрѣшится позднѣе другихъ. Но совершенное гражданское устройство можетъ быть достигнуто только при правильныхъ международныхъ отношеніяхъ. Между государствами существуетъ такой же антагонизмъ какъ и между отдѣльными людьми, и этотъ ан-

тагонизмомъ также пользуется природа, чтобы достигнуть своей цѣли. Посредствомъ войнъ, посредствомъ чрезмѣрныхъ и постоянныхъ приготовленій къ нимъ, посредствомъ бѣдствій, которымъ вслѣдствіе этого подвергается всякое государство даже во время мира, природа принуждаетъ сначала къ несовершеннымъ попыткамъ, а потомъ, послѣ многихъ переворотовъ и полнаго изнуренія силъ, приводитъ къ тому что могло бы быть внушено простымъ разумомъ безъ горькаго опыта—къ замѣнѣ незаконнаго состоянія достойнаго дикарей международнымъ союзомъ, въ которомъ даже самое маленькое государство могло бы разчитывать на свою безопасность и на уваженіе своихъ сосѣдей. Только при такомъ совершенномъ политическомъ устройствѣ могутъ вполне развиться врожденныя человѣку способности и такимъ образомъ осуществиться цѣль природы, достигаемая исторіей человѣчества.

Изъ этого видно, что Кантъ обращалъ свое вниманіе преимущественно на юридическую сторону въ исторіи человѣчества. Это объясняется тѣмъ, что во время Канта вопросы о правахъ человѣка въ государствахъ, о значеніи и цѣли государства и т. д., не только обсуждались съ живымъ интересомъ въ литературѣ, но стали переходить прямо изъ области теоріи въ практическую жизнь, вслѣдствіе освобожденія американскихъ штатовъ и переворота произведеннаго французскою революціей. Мечта о такомъ состояніи международного права, которое сдѣлало бы невозможными всякія войны между людьми и водворило вѣчный миръ на землѣ, легла въ основу особенной любовью во второй половинѣ XVIII вѣка. Самъ Кантъ, во время Базельскаго мира, счелъ нужнымъ упрочить его своимъ трактатомъ о вѣчномъ мирѣ, въ которомъ онъ предлагалъ довольно наивныя средства, съ помощью которыхъ можно было бы достигнуть этого блаженнаго состоянія.

Философія Канта имѣла огромный успѣхъ въ Германіи. Но рѣзкая грань, которую Кантъ провелъ въ мірѣ, признавая всѣ явленія его только за отраженіе дѣйствительныхъ предметовъ въ зеркалѣ нашей субъективности, и считая невозможнымъ для человѣческаго разума проникнуть въ сферу этихъ дѣйствительныхъ предметовъ, наконецъ его раздѣленіе разума на теоретическій и практический, — противорѣчили собственнымъ человѣческой природѣ стремленіямъ къ един-

ству міросозерцанія. Оттого система, которая явилась вслѣдъ за ученіемъ Канта и такъ-сказать выросла изъ него—идеалистическая философія, подѣйствовала на общество какъ электрической ударъ, была привѣтствуема съ неописаннымъ восторгомъ и увлекая въ своемъ бурномъ потокѣ всѣ вѣхи, разставленная осторожнымъ Кантомъ для того чтобы онѣ служили путеводителями человѣческаго разума.

Ни одно отвлеченное ученіе не производило столь сильнаго дѣйствія на умы и не оказывало столь глубокаго вліянія на науку какъ идеалистическая философія въ Германіи. Поэзія и изящная литература, богословіе, государственныя и юридическія науки, даже естественныя науки и медицина, подпали на нѣкоторое время подъ ея вліяніе. Идеализмъ обещалъ разрѣшить противорѣчія, которыя лежатъ въ основаніи человѣческой природы, перекинуть мостъ изъ области субъективной въ объективную и примирить эмпирическую науку съ философией. Съ полною довѣрчивостью принимало современное идеализму поколѣніе его заманчивыя обещанія и въ своемъ энтузіазмѣ не знало предѣловъ своимъ ожиданіямъ и надеждамъ. Идеализмъ, несмотря на короткое время своего процвѣтанія, пережилъ нѣсколько фазисовъ. Мы не можемъ здѣсь описывать ихъ и скажемъ только какимъ образомъ относились къ исторіи два главные представителя идеалистической философіи — Шеллингъ и Гегель.

Пока Шеллингъ находился подъ вліяніемъ Фихте, онъ отрицалъ возможность всякой философіи исторіи. Но потомъ, когда онъ выработалъ свою особенную философскую систему, онъ измѣнилъ свой взглядъ на исторію.

Надъ противоположностью міра субъективнаго и объективнаго, или реального и идеального, стоитъ, по мнѣнію Шеллинга, абсолютное, которое совмѣщаетъ въ себѣ и тотъ и другой. Вся природа, какъ и вся исторія человѣческаго духа, не что иное какъ откровеніе этого абсолютнаго,—откровеніе, которое происходитъ въ постепенномъ прогрессѣ. Всѣ явленія видимаго міра и всѣ историческія событія не что иное какъ различные ряды, въ которыхъ развивается абсолютный разумъ. Такъ какъ все что существуетъ въ дѣйствительности—развитіе абсолютнаго разума, то мы вездѣ въ исторіи, особенно же въ исторіи человѣческаго духа, должны находить слѣды этого абсолютнаго разума, который только съ эмпирической или чисто практической точки зрѣнія бываетъ

казаться Провидѣніемъ, устроившимъ, такъ-сказать, напередъ все такъ какъ оно происходитъ въ дѣйствительности. Поэтому мы въ состояніи найти въ философіяхъ и религіяхъ прошедшихъ временъ какъ бы бессознательно и не вполне развитымъ то что у насъ развилось вполне и сознательно, и намъ будетъ легко открыть въ этихъ памятникахъ древности наши идеи, то-есть выраженіе всеобщаго разума.

Въ своей философіи природы Шеллингъ пытался показать какимъ образомъ въ различныхъ явленіяхъ, силахъ и царствахъ природы проявлялось прогрессивное откровеніе абсолютнаго разума. Но онъ не сдѣлалъ того же самого для исторіи, не написалъ философіи исторіи, хотя онъ часто поставилъ исторію съ природою, говорилъ, что она выражаетъ то же самое въ идеальномъ мірѣ что природа въ реальномъ. Легко понять почему онъ долго не рѣшался приняться за философію исторіи. Природа представляется, по крайней мѣрѣ для человѣка, нѣчто опредѣленное, установившееся, такъ-сказать, замкнутый процессъ. Она поэтому даетъ возможность объяснить этотъ процессъ съ помощью уже достигнутаго результата, осмотрѣть всѣ пройденныя ступени съ послѣдней, на которой стоитъ человѣкъ. Въ исторіи же этотъ процессъ еще совершается, все находится въ движеніи, и нѣтъ еще никакого опредѣленнаго результата; потому всякая попытка объяснить этотъ процессъ слишкомъ будетъ носить на себѣ печать субъективнаго, произвольнаго толкованія, и слишкомъ подвержена опасности найти опроверженіе себѣ въ слѣдующихъ за нею событіяхъ.

Шеллингъ однако не могъ удовлетворяться эмпирической исторіей; онъ долженъ былъ желать примиренія реальнаго элемента въ исторіи, представляемаго массою событій, съ идеальнымъ, и онъ нашелъ это примиреніе въ искусствѣ.

Онъ различаетъ два способа эмпирической разработки исторіи. Первый заключается въ простомъ изслѣдованіи фактовъ, въ установленіи исторической истины. Второй состоитъ въ томъ, что историкъ группируетъ эмпирической матеріалъ сообразно съ какою-нибудь субъективною цѣлю—или дидактическою, или политическою. Этотъ способъ обозначается у Шеллинга словомъ, смыслъ котораго былъ еще установленъ древними, и называется прагматическимъ. Такъ напримѣръ Полибій, который обстоятельно опредѣляетъ понятіе прагматизма, можетъ быть названъ прагматическимъ

историкомъ, такъ какъ онъ въ своемъ историческомъ сочиненіи преимущественно имѣлъ въ виду техническую сторону военнаго дѣла, или Тацитъ, такъ какъ онъ шагъ за шагомъ указываетъ въ исторіи паденія Римской имперіи послѣдствія деспотизма и порчи нравовъ.

„Современники наши, говоритъ Шеллингъ, считаютъ прагматизмъ высшимъ способомъ историческаго изложенія, и приписывая другъ другу это свойство, ставятъ его въ высокую заслугу. Но ни одинъ здравомыслящій человѣкъ не сочтетъ сочиненій вышеупомянутыхъ историковъ первоклассными, историческими произведеніями именно вслѣдствіе ихъ субъективности. Что же касается до прагматизма Ньмцевъ, то къ нему большею частію можно примѣнить слова Фамулуса въ Гётевскомъ Фаустѣ:

„Was sie den Geist der Zeiten nennen
Das ist der Herren eigner Geist
In dem die Zeiten sich bespiegeln.“

„Въ Греціи самые благородные, самые зрѣлые и опытные люди принимались писать исторію и излагали ее неизгладимыми чертами. Въ Фукидидѣ, напримѣръ, сосредоточивается въ чудномъ образѣ все развитіе Перикловой эпохи. Въ Германіи, гдѣ исторія все болѣе и болѣе дѣлается предметомъ ремесла, принимаются за нее именно самые бездарныя головы. Какое отвратительное зрѣлище, когда величественныя событія или характеры изображаются блузорукимъ и ограниченнымъ человѣкомъ, особенно когда онъ силится быть умнымъ и думаетъ выказать свой умъ тѣмъ, что опредѣляетъ величіе различныхъ эпохъ и народовъ по одностороннимъ соображеніямъ, напримѣръ, по важности ихъ торговли, по тѣмъ или другимъ полезнымъ или вреднымъ нововведеніямъ, и вообще прилагаетъ ко всему высокому какъ можно болѣе мелкую мѣрку, или если такой писатель хочетъ доказать свой прагматизмъ тѣмъ, что щеголяетъ своими разсужденіями о событіяхъ и разукрашиваетъ свой матеріалъ пустыми риторическими фразами, напримѣръ, о постоянномъ прогрессѣ человечества и о томъ, какъ мы подъ-конецъ такъ далеко ушли!“

„А все-таки же нѣтъ ничего священнѣе исторіи, этого великаго зеркала міроваго духа, этой вѣчной поэмы божественнаго разума, и ничто не можетъ такъ легко пострадать отъ прикосновенія нечистыхъ рукъ.“

Прагматизмъ въ исторіи требуетъ, чтобы событія приводились въ связь другъ съ другомъ во имя какой-нибудь эмпирической необходимости, внесенной историкомъ. А такъ какъ исторія въ высшемъ своемъ значеніи должна быть независима и свободна отъ всякой субъективной примѣси, то ясно, что прагматическая точка зрѣнія въ исторіи не можетъ считаться вышею. Настоящая историографія основывается на синтезѣ даннаго и дѣйствительнаго съ идеальнымъ; но этотъ синтезъ не можетъ быть сдѣланъ посредствомъ философіи, такъ какъ послѣдняя совершенно уничтожаетъ дѣйствительность и вращается въ идеальномъ мірѣ. Исторія же должна совершенно вращаться въ дѣйствительности и въ то же время быть идеальною. Этого возможно достигнуть только посредствомъ искусства, которое не нарушаетъ дѣйствительности, но изображаетъ ее въ такомъ совершенствѣ и единствѣ, что она становится выраженіемъ высшихъ идей. Поэтому исторія, наука дѣйствительнаго, должна перенестись съ помощью искусства въ высшую сферу идеальнаго, и абсолютная точка зрѣнія въ исторіи—это точка зрѣнія историческаго искусства.

Разумѣется, что историкъ не можетъ изъ-за искусства измѣнять матеріалъ исторіи, ибо основный законъ ея—истина. Точно также онъ не можетъ пренебрегать дѣйствительною связью событій, но долженъ относиться къ этому какъ драматическій писатель. Въ драмѣ каждое отдѣльное дѣйствіе должно вытекать изъ предшествовавшаго и все вообще слѣдовать по необходимости изъ завязки, но послѣдовательность эта можетъ быть понята не эмпирически, а только изъ высшаго порядка вещей. Только тогда исторія достигаетъ полнаго своего совершенства, когда эмпирическія причины, удовлетворяя разсудокъ, въ то же время оказываются орудіями и средствами выраженія высшей необходимости. При такомъ изложеніи исторія не можетъ не произвести впечатлѣнія самой великой и достойной удивленія драмы, которая могла быть создана только безконечнымъ духомъ.

Искусство, особенно же драматическое, постоянно изображаетъ примиреніе необходимости и свободы, и это составляетъ въ драмѣ главный предметъ нашего интереса. Это тождество необходимости и свободы въ исторіи признается также философіей и религіей, ибо Провидѣніе не что иное какъ та мудрость, которая примиряетъ въ мірѣ свободу

человѣческую со всеобщю необходимостью. Исторія однако не должна стоять ни на философской, ни на религіозной точкѣ зрѣнія. Она должна будетъ изобразить это тождество такимъ образомъ, какимъ оно представляется въ дѣйствительности, то-есть въ образѣ непостижимой, совершенно объективной судьбы. Это не значитъ что историкъ долженъ постоянно говорить о судьбѣ, но она должна проявляться сквозь объективность его изложенія, какъ незримое, но вездѣ господствующее божество, подобно тому какъ мы это видимъ въ сочиненіяхъ Геродота и Фукидида.

Исторія должна быть разсматриваема какъ эпосъ, не имѣющій ни опредѣленнаго начала, ни опредѣленнаго конца. Такъ называемыя всеобщія исторіи ничему не научаютъ; это своды, въ которыхъ стирается все особенное и замѣчательное.

Настоящая всеобщая исторія должна бы была быть написана въ эпическомъ стилѣ, въ томъ духѣ, зачатки котораго мы видимъ въ Геродотѣ. Первыми образцами историческаго стиля были эпосъ и трагедія; ибо если всеобщая исторія, начало которой неизвѣстно какъ источники Нила, любитъ эпическую форму и поавоту, то частная, напротивъ, должна группироваться около какого-нибудь средоточія подобно драмѣ. Но, кромѣ того, для историка трагедія должна быть настоящимъ источникомъ великихъ идей и возвышеннаго образа мысли, который ему такъ необходимъ.

Тотъ кто хочетъ сдѣлаться историкомъ, говоритъ Шеллингъ, долженъ имѣть исключительно въ виду великіе образцы древности, которые остались недостигнутыми. За исключеніемъ Гиббона, сочиненіе котораго поддерживается обширностью задачи и величіемъ важнаго переворота описаннаго имъ, хотя Гиббонъ не историкъ, а риторъ, существуютъ только національные историки, изъ числа которыхъ потомки будутъ называть только Маккиавелли и Иоганна Миллера.

Итакъ, хотя Шеллингъ допускалъ возможность философіи исторіи, онъ видѣлъ только въ искусствѣ настоящее средство чтобы согласовать эмпирическій матеріалъ исторіи съ идеями о свободной волѣ, о прогрессѣ, объ органическомъ развитіи, которыя необходимо вносятся человекомъ въ его понятіе объ исторіи. Поэтому Шеллингъ и не рѣшался сдѣлать для исторіи то что онъ въ своей философіи природы сдѣлалъ для природы, то-есть показать въ какихъ прогрессивныхъ ступеняхъ къ ней

исходитъ откровеніе абсолютнаго. Только во второй половинѣ своей жизни, когда онъ значительно измѣнилъ свою систему, онъ сдѣлалъ такую попытку для исторіи религиозныхъ вѣрованій человѣчества, и изложилъ свой взглядъ на нихъ въ *Философіи мифологии и откровенія*. Мы не коснемся этого сочиненія, потому что оно слишкомъ отвлекло бы насъ отъ нашей задачи, и перейдемъ къ тому философу, который сначала былъ послѣдователемъ Шеллинга, а потомъ началъ считать себя истиннымъ продолжателемъ оставленнаго Шеллингомъ дѣла, то-есть къ Гегелю.

Объясненіе Шеллинга, что природа и сфера духовной жизни представляютъ различныя ступени, въ которыхъ проявляется откровеніе абсолютнаго, было принято также и Гегелемъ. Но понятіе этого абсолютнаго имѣло у Шеллинга только отрицательное опредѣленіе, напримѣръ, что оно стоитъ выше противоположности субъективнаго и объективнаго и включаетъ въ себя и то и другое. Многіе современники обвиняли систему Шеллинга въ томъ, что она требуетъ отъ своихъ приверженцевъ особеннаго вдохновенія, что только съ помощью этого вдохновенія можно постигнуть его *абсолютное*. Самъ Шеллингъ сознавался, что философія подобно искусству можетъ быть достояніемъ только немногихъ избранныхъ. Гегель хотѣлъ вывести философію изъ этого исключительнаго положенія. Онъ втѣснилъ *абсолютное* въ узкую рамку логическаго понятія, и съ помощью логики и діалектики рѣшился устроить лѣстницу, по которой всякій могъ бы возвыситься до понятія абсолютнаго. Гегель не задумался собрать всѣ разнообразныя явленія физической и духовной жизни въ одну величественную цѣльную картину и отождествить различныя сферы природы и духовной жизни съ различными фазисами діалектическаго процесса, которому онъ подвергнулъ свое понятіе объ абсолютномъ. Въ эту картину вошло рѣшительно все что на землѣ можетъ привлечь на себя вниманіе чловѣка, всѣ явленія природы отъ астрономическихъ до химическихъ и органическихъ, подъ именемъ субъективнаго духа всѣ явленія внутренней жизни чловѣка, подъ именемъ объективнаго духа всѣ явленія общественной жизни, семейство, государство, право и нравственность, наконецъ, подъ именемъ абсолютнаго духа искусство, религія и философія. Въ этой энциклопедіи, конечно, должна была найдти себѣ мѣсто и

исторія, и Гегель изложилъ свой взглядъ на нее въ нѣсколькихъ курсахъ, читанныхъ имъ въ Берлинскомъ университетѣ и изданныхъ потомъ его учениками.

Гегель защищаетъ философію противъ обвиненія, что она вноситъ будто бы въ исторію чуждый ей элементъ, то-есть апіористическія положенія мышленія. Онъ утверждаетъ, что единственная мысль, которую философія вноситъ съ своей стороны въ исторію, это та, что разумъ управляетъ міромъ, а слѣдовательно и событіями исторіи. Это убѣжденіе относительно исторіи является предположеніемъ, которое потомъ должно оправдаться фактами; для философа же оно вовсе не предположеніе.

Мысль что разумъ управляетъ міромъ въ первый разъ высказалъ Анаксагоръ, и Аристотель по этому поводу сказалъ о немъ, что онъ былъ какъ трезвый между пьяными. Но Анаксагоръ не умѣлъ примѣнить эту мысль къ дѣйствительности. Платонъ жалуется на него, говоря, что онъ надѣялся найти у него разумное объясненіе природы и указаніе цѣлесообразности въ ея цѣломъ и частяхъ, но вмѣсто разума нашелъ только внѣшнія причины, какъ воду, вѣтеръ и проч. Позднѣе эта мысль приняла форму религіознаго представленія, что вселенная не подвержена произволу случайныхъ причинъ, но управляется Провидѣніемъ. Съ этою истинной, однако, случилось то же что съ мыслию Анаксагора: ее не примѣняли къ дѣйствительности, а довольствовались неопредѣленною вѣрой въ Провидѣніе. Анаксагоръ поступалъ такъ только потому что онъ не умѣлъ воспользоваться своею мыслию, люди же съ вѣрой въ Провидѣніе очень часто относились враждебно ко всякой попыткѣ раскрыть волю или планъ Провидѣнія. Въ мелочахъ или отдѣльных случаяхъ, если, напримѣръ, кто-нибудь спасался отъ большой опасности, они допускали такое объясненіе, но отвергали всякую систематическую попытку постигнуть планъ Провидѣнія въ природѣ и исторіи, утверждая, что чловѣкъ не въ силахъ познать Бога и Его волю. Между тѣмъ въ христіанской религіи божество открывалось людямъ, слѣдовательно, имъ не только дана возможность, но на нихъ возложена и обязанность познавать божество. Доказать разумность исторіи—это истинная теодицея.

Міръ заключаетъ въ себѣ физическую и духовную природу. Духъ проявляется въ исторіи. Смыслъ его можно познать

ше всего съ помощью полной противоположности его, то-есть матеріи. Сущность матеріи составляет притяженіе, сущность же духа — свобода. Притяженіе матеріи происходитъ отъ того, что она стремится къ одному центру. Матерія состоитъ изъ частичекъ или изъ отдѣльныхъ атомовъ, которые стремятся къ единству, следовательно, стремятся къ самоуничтоженію. Еслибъ она достигла этого единства, она перестала бы существовать, перестала бы быть матеріей. Духъ же, напротивъ, имѣетъ свое средоточіе въ самомъ себѣ; его единство заключается въ немъ, а не находится внѣ его, какъ у матеріи. Въ этомъ заключается свобода духа. Ибо то что находится въ отношеніи къ чему-нибудь другому, отличному отъ него, то зависитъ отъ него, не можетъ существовать безъ него. Но то что не имѣетъ отношенія ни къ чему другому, а есть само-по-себѣ, то свободно. Духъ имѣетъ свое единство въ самомъ себѣ; это значитъ, что онъ сознаетъ себя. Въ самосознаніи заключается свобода духа. Духъ, во первыхъ, сознаетъ себя, а во вторыхъ, знаетъ о томъ, что онъ себя сознаетъ. Въ самосознаніи и то и другое совпадаетъ. Поэтому духъ есть сознание самого себя и той дѣятельности, которою онъ приходитъ въ себя, то-есть достигаетъ самосознанія.

Какъ въ зернѣ уже заключается вся сущность растенія, вкусъ и форма его плодовъ, такъ и первые слѣды духа уже заключаютъ въ себѣ въ зародышѣ всю дальнѣйшую исторію. Восточные народы еще не знаютъ, что духъ или человѣкъ свободенъ, и оттого что они этого не сознаютъ, они и не свободны. Тамъ только *одинъ* свободенъ; свобода этого лица только произволъ, слѣпая страсть, направленіе которой къ добру или злу зависитъ отъ случая. У Грековъ зародилось сознание свободы, но они, какъ и Римляне, признавали только *нѣсколькихъ* свободными и не признавали, что *человѣкъ самъ-по-себѣ* свободенъ. Этому даже и Платонъ, и Аристотель не знали. Оттого у Грековъ были рабы, и жизнь ихъ прекрасной свободой была случайнымъ, недоговореннымъ дѣломъ. „Только германскіе народы, говоритъ Гегель, пришли въ христіанствѣ къ сознанию, что *человѣкъ какъ* *человѣкъ* свободенъ, что свобода составляетъ сущность духа. Это сознание появилось сначала только въ самой сокровенной области духа — въ религіи; осуществленіе же принципа свободы составляетъ дальнѣйшую задачу человѣ-

чества, которая потребуетъ много тяжелыхъ и продолжительныхъ трудовъ. Поэтому можно сказать, что всемирная исторія есть прогрессъ въ сознаніи свободы, и познать этотъ прогрессъ въ его необходимомъ развитіи есть задача философіи исторіи.“

Средства, съ помощью которыхъ духъ достигаетъ своей цѣли, суть потребности, наклонности и страсти людей. Человѣкъ принимается только за то что представляетъ для него какой-нибудь интересъ. Во всемъ, что онъ дѣлаетъ, онъ имѣетъ въ виду какую-нибудь особенную, личную цѣль. Какъ бы ни была возвышена его цѣль или та идея, во имя которой онъ дѣйствуетъ, нужно чтобы эта идея имѣла для него интересъ, сдѣлавшая его достоинствомъ, нужно чтобы онъ *усвоилъ* ее прежде чѣмъ начнетъ дѣйствовать въ ея пользу. Итакъ, можно сказать, что въ исторіи дѣйствуютъ только человѣческія страсти и личные интересы людей. Какимъ же образомъ въ этихъ частныхъ цѣляхъ осуществляется общая цѣль и въ бессознательныхъ дѣйствіяхъ людей развивается духъ къ самосознанію? Этотъ вопросъ можетъ быть выраженъ иначе и въ слѣдующей формѣ: какимъ образомъ свободная воля людей, выражающаяся въ ихъ дѣйствіяхъ, согласуется съ необходимостію, съ которою проявляется развитіе духа въ исторіи?

Разрѣшеніе этого вопроса составляетъ задачу логики и метафизики, и тамъ Гегель изложилъ основанія своего метода. Одно изъ основныхъ положеній этого метода заключается въ томъ, что понятіе, вслѣдствіе внутренней логической необходимости, переходитъ въ свое противоположное, осуществляется въ противоположномъ. Такъ, напримеръ, *человѣчскій* родъ осуществляется въ отдѣльныхъ людяхъ, общее понятіе въ частномъ. Но общее понятіе не находится въ частномъ явленіи своего полного осуществленія, а потому разрушаетъ его. Ни одинъ *человѣкъ* не вмѣщаетъ въ себя понятія *чѣлаго* рода; форма индивидуума недостаточна и потому обречена на конечность и гибель. Подобнымъ образомъ и свободный духъ, осуществляющій себя въ исторіи, проявляется въ своемъ противоположномъ, въ личныхъ интересахъ, частныхъ цѣляхъ и страстяхъ отдѣльныхъ людей, которые думаютъ, что они дѣйствуютъ только по внушенію своей свободной воли, но бессознательно осуществляютъ общія идеи.

Гегель поясняет это следующимъ примѣромъ. Постройка дома представляетъ опредѣленную, замкнутую въ себѣ цѣль. Ей противоположны какъ средства матеріалы нужны для постройки дома—жѣлѣзо, дерево, камень, и стихіи—вода, огонь, воздухъ. Строевой матеріалъ и стихіи должны служить общей цѣли: огонь, чтобы расплавить жѣлѣзо, воздухъ, чтобы раздувать огонь, вода, чтобы распиливать дерево и пр. Въ результатъ выходитъ, что домъ, построенный съ помощью воздуха и воды, служитъ для того чтобы защищать отъ вѣтра, дожда и пр. Камни и балки повинуются закону притяженія, тѣснятъ другъ друга внизъ, и это даетъ возможность выстроить изъ нихъ твердыя высокія стѣны и своды. Итакъ стихіи, употребленныя сообразно съ своею природою, даютъ результатъ, которому они сами должны повиноваться. Подобнымъ образомъ человѣческія страсти, ища себѣ удовлетворенія и дѣйствуя сообразно съ своимъ назначеніемъ, воспроизводятъ зданіе человѣческаго общества, въ которомъ они подчиняются идеямъ порядка и права.

Люди, дѣйствующіе по внушенію своихъ страстей, имѣютъ въ виду личныя цѣли; но такъ какъ они одарены способностію познавать и мыслить, то въ ихъ цѣли часто входятъ различныя существенныя нормы права, долга, добродѣтели. Въ частной жизни нетрудно знать эти нормы; онѣ большею частію опредѣлены законами государства или обычаями той среды, въ которой живетъ человѣкъ. Другое мы видимъ на поприщѣ исторіи. Тутъ могутъ произойти столкновенія между существующими, признанными правами и обязанностями и между новыми, которыя противоположны старой системѣ, разрушаютъ ее, но въ то же время представляютъ другія выгодныя и необходимыя стороны. То что было прежде только возможнымъ, съ теченіемъ времени осуществляется, дѣлается историческимъ фактомъ. Этотъ новый порядокъ включаетъ въ себѣ другую общую идею чѣмъ та, которая составляла основаніе стараго. Люди, въ частныхъ цѣляхъ которыхъ заключался этотъ новый моментъ исторіи, называются историческими людьми.

Сюда, напримѣръ, относится Цезарь; онъ подвергался опасности потерять свое высокое положеніе въ государствѣ. Его враги, которые хотѣли вытѣснить его, преслѣдовали личныя цѣли, но они имѣли за себя формальную законность. Цезарь сражался за свой личный интересъ, и побѣда надъ врагами

вручила ему власть надъ всею имперіей; но этотъ переходъ отъ республики къ имперіи былъ необходимымъ моментомъ въ исторіи Рима и древняго міра. Такимъ образомъ личный интересъ Цезаря совпалъ съ историческою необходимостію.

Великіе люди въ исторіи именно тѣ, частныя цѣли которыхъ совпадаютъ съ цѣлями исторіи. Ихъ можно назвать героями, ибо они почерпаютъ свое призваніе не изъ стараго, освященнаго временемъ, порядка, а изъ источника, который еще не обнаружился, но бьетъ наружу и разрушаетъ окружающую его скорлупу. Она такимъ образомъ черпаютъ какъ будто изъ себя, и новый порядокъ, осуществляемый ими, кажется ихъ собственнымъ, личнымъ дѣломъ. Ихъ можно также назвать практическими людьми, ибо они понимаютъ потребности своего времени. Ихъ оправданіе заключается въ томъ, что они понимаютъ слѣдующій необходимый моментъ исторіи и со всею энергіей предаются осуществленію его. Оттого они переловые люди своего времени; рѣчи и дѣйствія ихъ составляютъ лучшее достояніе этого времени. Они доводятъ до общаго сознанія то что безсознательно лежитъ въ душѣ ихъ современниковъ. Послѣдніе слѣдуютъ за ними какъ за вождями, потому что чувствуютъ неотразимую силу своего собственного духа, который олицетворился предъ ними.

„Судьбу этихъ историческихъ людей, говоритъ Гегель, нельзя назвать счастливою. Наслажденіе не дается имъ въ удѣлъ; вся жизнь ихъ заключается въ трудѣ и бываетъ истощаема страстью. Они рано умираютъ какъ Александръ, или дѣлаются жертвой убійцы какъ Цезарь, или ихъ отправляютъ на островъ Св. Елены.“

Гегель вооружается противъ такъ-называемаго психологическаго метода въ исторіи. Въ немъ все сводится на мелкія, личныя причины. Герои дѣйствовали по внушенію страсти, слѣдовательно были безнравственными людьми. Александръ завоевалъ Азію, оттого что имѣлъ страсть къ завоеваніямъ, къ славѣ, слѣдовательно, онъ не былъ нравственнымъ человѣкомъ. Историки-психологи любятъ придираться къ особенностямъ характера и частной жизни великихъ людей. Гегель примѣняетъ къ этимъ психологамъ пословицу, что для камердинера нѣтъ героя.

Личныя интересы тѣхъ людей, съ помощью которыхъ осуществляются историческія идеи, часто остаются неучтенными

творенными. Гегель называет это хитростию исторического разума, который заставляет работать за себя этих людей, бороться другъ съ другомъ и погибать въ этой борьбѣ. Идея платитъ дань времени и исторіи не собой, а страстями тѣхъ, которыхъ она употребляетъ какъ свое орудіе. Человѣкъ, однако, долженъ быть разсматриваемъ въ исторіи не только какъ средство, но и какъ цѣль. Даже самый простой организмъ съ формальной стороны служитъ самъ себѣ цѣлью, жизнь же человѣка и по своему содержанию можетъ быть сама-по-себѣ цѣлью, насколько въ ней воплощается нравственность и религія, которыя сами суть выраженіе міроваго разума. Самое простое орудіе должно находиться въ какомъ-нибудь отношеніи къ цѣли, которая черезъ него достигается; тѣмъ болѣе тѣсна должна быть эта связь между цѣлью и средствомъ въ человѣкѣ, орудіи міроваго разума. Съ этой-то стороны человѣкъ не только средство, но и цѣль самъ-по-себѣ.

Человѣкъ склоненъ находить противорѣчіе между дѣйствительностию и тѣмъ что, по его мнѣнію, *должно* было бы быть, или идеаломъ. Если эти идеалы падаютъ личныхъ соображеній и желаній, то о нихъ не стоить говорить; но они бываютъ основаны на требованіяхъ разума и истины. Поэты, какъ Шиллеръ, выражали очень трогательно и съ чувствомъ глубокой грусти, что эти идеалы не могутъ быть осуществлены. На это можно возразить, что такъ какъ всеобщій разумъ осуществляется въ исторіи, то не слѣдуетъ придавать слишкомъ большаго значенія частностямъ; послѣднія подвержены случаю и могутъ быть предметомъ осужденія. Такое субъективное осужденіе очень легко. Ибо гораздо легче замѣтить недостатки въ отдѣльныхъ людяхъ, въ государствахъ или въ общемъ ходѣ исторіи, чѣмъ выискнуть въ ихъ дѣйствительное значеніе. При такомъ отрицательномъ осужденіи критикъ принимаетъ важный видъ, какъ будто онъ стоитъ высоко надъ осуждаемымъ предметомъ, а между тѣмъ онъ не выкизъ въ него, не пояляз его положительнаго значенія.

Старость вообще дѣлаетъ снисходительнѣе; юности всегда недовольны. Старость обладаетъ зрѣлостію сужденія; она не изъ равнодушія примиряется со зломъ, но, наученная опытомъ жизни, она возвышается до способности созавать существовавшее и прочное. Философія, въ противоположность тѣмъ идеаламъ, должна, по мнѣнію Гегеля, привести къ сознанію, что дѣйствительный міръ имевшо таковъ какъ онъ

долженъ быть, что истинное благо и общій разумъ имѣють силу осуществить себя въ дѣйствительности. Это благо, этотъ разумъ, въ самомъ своемъ конкретномъ представленіи, есть Богъ. Богъ управляетъ міромъ; исполненіе Его плана—исторія міра. Этотъ-то планъ хочетъ постигнуть философія, ибо только то что изъ него вытекаетъ — дѣйствительно, что несообразно съ нимъ — непрочное. При ясномъ свѣтѣ божественной идеи, міръ перестаетъ казаться безумнымъ, бессмысленнымъ процессомъ. Философія хочетъ познать содержаніе, сущность божественной идеи и оправдать презрѣнную дѣйствительность. Ибо разумъ есть разумнѣе божественнаго дѣла.

Послѣ средствъ нужно еще разсмотрѣть матеріалъ, въ которомъ осуществляется разумъ. Этотъ матеріалъ—тѣ же потребности людей, та же личная, субъективная ихъ воля. Въ человеческомъ сознаніи и въ его волѣ осуществляется міровой разумъ. Примиреніе личной и разумной воли осуществляется въ государствахъ. Государство есть единство субъективной и всеобщей воли. Человѣкъ достигаетъ свободы и нравственнаго значенія только въ государствахъ. Ибо въ государствахъ, въ подчиненіи личной воли законамъ, терается противоположность между свободой и необходимостію. Человѣкъ, воспринимая въ себя общую, разумную волю, становится свободенъ и повинуется только самому себѣ. Оттого государство есть нравственное цѣлое, и существованіе его составляетъ абсолютный интересъ разума. Исторія занимается только тѣми народами, которые жили государственною жизнью. Государство, по ученію Гегеля, есть само-по-себѣ цѣль, оно есть осуществленіе на землѣ божественной идеи, реализація свободы.

Совокупность всѣхъ различныхъ сторонъ народной жизни, религіи, образа правленія, искусства, Гегель называетъ духомъ народа. Каждый историческій народъ, въ своей индивидуальности, составляетъ моментъ въ развитіи исторіи. Исторія есть осуществленіе духа во времени, какъ природа—осуществленіе его въ пространствѣ. Въ исторіи онъ осуществляется сознательно, и эта сознательность составляетъ его свободу. Онъ осуществляется постепенно, и эти ступени называются моментами развитія. Чтобы быть въ состояніи указать эти моменты духа, нужно быть знакомымъ съ его развитіемъ. Дѣло логики показать какъ развитіе развивается

вслѣдствіе внутренней діалектической необходимости, а философія духа должна опредѣлить понятіе духа и объяснить необходимые моменты его развитія. Такое апіористическое знакомство съ принципомъ необходимо. И Кеплеръ былъ аргіогі знакомъ съ свойствомъ записовъ, квадратовъ и кубовъ, когда онъ изъ эмпирическихъ данныхъ астрономіи извлекалъ свои вѣчные законы. Тотъ, кто не имѣлъ бы этихъ апіористическихъ свѣдѣній, могъ бы долго всматриваться въ звѣзды и не открылъ бы Кеплеровыхъ законовъ.

Историческіе моменты сдѣлываютъ другъ друга, и сдѣла составляетъ принципъ исторіи. Жизнь сдѣлывается смертию, но изъ смерти возникаетъ новая жизнь. Уже восточные народы постигли эту мысль, и она была вышею истиной ихъ метафизики. Они выражали ее въ представленіи феникса, который постоянно самъ себя приготовляетъ костеръ и сожигаетъ себя, но изъ пепла котораго возникаетъ новая, свѣжая жизнь. Это представленіе—восточное, азіатское. Представленіе западныхъ народовъ возвышеннѣе. Духъ, разрушая формы своего существованія, не ограничивается переходомъ въ новую форму, но воспринимаетъ въ себя прежнюю, перерабатываетъ ее въ себя и является въ высшей формѣ. Прежній моментъ его существованія становится матеріаломъ или ступенью для слѣдующаго и такъ даѣе, и это постепенное развитіе духа есть прогрессъ.

Мысль человѣка есть та сила, которая подтичиваетъ отживающія историческія формы. Когда народъ достигъ своей зрѣлости, когда идея, олицетворенная въ его исторіи, успѣла, такъ сказать, совершенно выясниться, тогда начинается отвлеченная работа мысли. Народъ начинаетъ сознавать идею своей исторіи, она чрезъ это какъ бы отдѣляется въ его сознаниі, становится предметомъ обсуждения. Въ это время въ народной жизни происходитъ раздвоеніе на реальное и идеальное существованіе. Такъ съ идеальнымъ существованіемъ Грековъ мы можемъ познакомиться у Софокла и Аристофана, Фукидида и Платона. Въ этихъ индивидуумахъ духъ греческаго народа достигъ самосознанія. Въ это время мысль стремится къ обобщенію, она подвергается обсужденію все что было непосредственно дано народною жизнью—вѣру, обычаи, образъ правленія, указываетъ на ихъ недостатки и разрушаетъ довѣріе къ нимъ. Это время распадѣнія цѣлаго, обособленія личностей, развитія эгоизма и тщеславія, и удовле-

творенія личныхъ потребностей на счетъ цѣлаго. Затѣмъ слѣдуетъ изнеможеніе силъ, и народъ умираетъ естественною смертію. Онъ при этомъ можетъ продолжать существовать, но это существованіе его, безъ потребностей и интересовъ, безжизненно и скучно и политически ничтожно. Только такіе народы, которые уже умерли естественною смертію, могутъ потомъ подвергнуться насильственной смерти, какъ на примѣръ нѣмецкіе свободные города и нѣмецкая имперія.

Или же прежній принципъ замѣняется новымъ, и народъ воскресаетъ къ новой, болѣе богатой жизни. Такимъ образомъ и вообще одинъ историческій моментъ сдѣлывается другимъ, одинъ народъ уступаетъ мѣсто другому. Для философіи исторіи нѣтъ прошедшаго, для нея все вѣчно въ настоящемъ. Пршедшее для нея не потеряно, ибо духъ бессмертенъ, и каждый моментъ его вмѣщаетъ въ себя всѣ прежніе моменты.

Исторія идетъ съ востока на западъ. На востокъ восходитъ солнце, а заходитъ оно на западѣ, за то здѣсь восходитъ внутренній свѣтъ самосознанія. Всемирная исторія есть воспитаніе необузданной естественной воли къ разумности и къ субъективной свободѣ. Нужно отличать субъективную свободу отъ субстанціальной. Вторая заключается въ томъ, что законы кажутся человѣку вѣчными и неизмѣнными, и что онъ относится къ нимъ съ полнымъ раболѣпиемъ. Люди въ этомъ состояніи походятъ на дѣтей, которые повинуются родителямъ, не имѣя собственной воли и собственного разума. Такое-то состояніе мы видимъ на востокѣ. Въ восточныхъ государствахъ, съ ихъ внѣшнимъ великолѣпіемъ, личность исчезаетъ, и субъективная воля находится къ цѣлому въ отношеніи полного довѣрія и повиновенія. Все вращается около одного средоточія, около государя, который стоитъ во главѣ государства какъ патриархъ. На немъ лежитъ обязанность охранять исконый порядокъ и блюсти за общественною нравственностію. То что у насъ дѣлается по свободной волѣ, тамъ происходитъ изъ зависимости отъ общаго цѣлаго и подчиненія общему строю. На востокѣ мы видимъ два рода государствъ. Съ одной стороны, Китай, царство нерушимости, царство пространства, а не времени, основанное на семейномъ бытѣ и на отеческомъ управленіи, которое поддерживаетъ его своими попеченіями, наставленіями и наказаніями. Этому царству прозы противоположны государства, которыя, не измѣняясь

въ принципѣ, быстро сдѣлаютъ другъ друга, и своими безпрестанными столкновениями влекутъ другъ друга къ ранней гибели. И тутъ собственно еще нѣтъ мѣста исторіи, ибо эти сдѣлавы одного государства другимъ повторяются въ вѣчномъ однообразіи. Затѣмъ исторія переходитъ въ Грецію, гдѣ впервые возникаетъ индивидуальность. Въ Греціи нравственное начало вытекаетъ изъ индивидуальности, основано на свободной волѣ лица. Поэтому, мы здѣсь видимъ примиреніе элемента нравственнаго и субъективнаго. Греческій міръ — царство *прекрасной свободы*. Идея существуетъ здѣсь не въ отвлеченности, но въ непосредственной связи съ дѣйствительностію, подобно тому какъ въ художественномъ произведеніи матеріалъ носитъ на себѣ отпечатокъ духовнаго. Греція поэтому царство истинной гармоніи, міръ чуднаго, но быстро увядающаго цвѣтенія. Въ ней господствуетъ наивная, еще бессознательная нравственность, потому что индивидуальная воля субъекта еще не отдѣляется отъ общей нормы закона и обычнаго. Индивидуумъ находится въ непосредственномъ единствѣ съ общими интересами. То что на востокѣ распадалось на двѣ крайности, на господство субстанціи и исчезающія предъ ней единицы, здѣсь находится въ согласной гармоніи.

Третій моментъ составляетъ Римская имперія: съ нея начинается возникать отвлеченное понятіе государства, которому приносятся въ жертву свободные индивидуумы. Римская имперія уже не царство индивидуумовъ, какъ была Аѳины, ея цѣль — не веселье и наслажденіе, а суровый, тяжелый трудъ. Отвлеченное цѣлое поглощаетъ въ себѣ индивидуумы, за то послѣдніе приобрѣтаютъ личность, становятся юридическими лицами. Та же судьба, которой подвергались индивидуумы, постигаетъ народныя индивидуальности; ихъ конкретные образы поглощаются массой и исчезаютъ въ ней. Римъ становится пантеономъ всего духовнаго міра. Но бремя деспотизма начинаетъ давить все сильнѣе и сильнѣе; въ своемъ горѣ человекъ отталкиваетъ отъ себя міръ, овнутреняется и ищетъ примиренія въ самомъ себѣ. Въ христіанствѣ онъ находитъ это примиреніе: свѣтской имперіи противопоставляется царство небесное, духовное, міръ осознающей себя субъективности.

Четвертый моментъ исторіи — германскій міръ. Онъ начинается съ достигнутаго въ христіанствѣ примиренія; но это примиреніе, говоритъ Гегель, было совершено только чисто

внѣшнимъ образомъ, поэтому тотчасъ раскрывается разладъ между религіознымъ, духовнымъ принципомъ и варварскою дѣйствительностію, а позднѣе между духовною и свѣтскою властью; послѣдняя должна уступить первой, но духовная власть послѣ побѣды сама погружается въ мірскія дѣла и вмѣстѣ съ своимъ назначеніемъ утрачиваетъ свое могущество. Изъ этого паденія церкви вырабатывается посредствомъ реформаціи высшая форма разумной мысли, духъ становится способнымъ осуществлять разумное и съ помощію свѣтскаго принципа. Противоположность между церковною и государствомъ исчезаетъ; духъ примиряется съ дѣйствительностію и преобразуетъ ее въ органическое цѣлое. Государство не уступаетъ болѣе церкви, не подчинено ей. Духовная свобода нашла возможность осуществить себя на землѣ, и это-то и составляетъ цѣль всемірной исторіи.

По этой краткой программѣ Гегелевской философіи исторіи нельзя составить себѣ достаточно полнаго понятія о ней и вообще къ ней можно отнести то же что должно сказать о художественныхъ произведеніяхъ, то-есть, что полное понятіе о нихъ даетъ только личное знакомство съ ними. Послѣднее, конечно, сопряжено съ большими трудностями: нужно познакомиться съ философскою системою Гегеля, чтобы понять идею, положенную имъ въ основаніе исторіи; нужно при самомъ чтеніи пробаваться съ извѣстнымъ напряженіемъ сквозь его философскій жаргонъ; во общія картина исторіи, начертанная Гегелемъ, грандіозна, и это можетъ вознаградить за трудъ. Правда, кто будетъ искать въ философіи исторіи Гегеля фактической истины, или критическаго изслѣдованія ея, тотъ останется очень неудовлетвореннымъ. Гегель въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ какъ художникъ, который группируетъ предметы въ своей картинѣ и набрасываетъ на нихъ свѣтъ или тѣнь, сообразуясь не съ важностію, которую они имѣютъ въ практической или дѣйствительной жизни, а съ художественною идеею, которую онъ хочетъ воспроизвести. Для Гегеля историческія событія и дѣятели имѣютъ значеніе настолько, насколько они служатъ воплощеніемъ той идеи, которую онъ вложилъ въ исторію; поэтому онъ въ отдѣльныхъ случаяхъ долженъ былъ впасть въ натяжки и одностороннія сужденія. Но никогда до него не было высказано такого возвышеннаго взгляда на исторію, никогда масса ея разрозненныхъ событій не была приведена въ такое стройное цѣлое.

IV.

Мы теперь можем коснуться вопроса о влиянии, которое имела философия истории вообще на историческую науку. Чтобы быть справедливымъ въ обсужденіи этого вопроса нужно различить непосредственное ея влияние отъ косвеннаго. Непосредственное влияние философіи на исторію было вредное, и причину этого нетрудно объяснить. Вездѣ, гдѣ какъ въ искусствѣ или въ философіи, требуются особенныя личныя способности, извѣстное творчество, которое не можетъ быть передано другимъ, подражаніе дѣйствуетъ вредно. Ученики перенимаютъ только манеру своего учителя, извѣстные внѣшніе приемы его, и то что давало ему характеръ оригинальности или стояло въ связи съ другими лучшими свойствами его, у нихъ становится преобладающимъ недостаткомъ. Изъ философіи исторіи многіе ученики вышеназванныхъ философовъ вынесли только крайнюю субъективность, пренебреженіе къ факту, поспѣшность въ выводахъ и страсть къ отвлеченнымъ разсужденіямъ. Философіей Шеллинга воспользовались прежде всего католическая партія въ Германіи и мистики. Ученіе о томъ, что человечество въ началѣ своей исторіи обладало высшею истиной, которую оно потомъ утратило, что воспоминаніе о ней и слѣды первоначальной культуры можно найти у каждаго варварскаго народа, и высокое значеніе, которое Шеллингъ вслѣдствіе этого взгляда придавалъ языческимъ мистеріямъ,—для однихъ послужили средствомъ чтобы провести въ исторію мистическій взглядъ, а для другихъ — чтобы употреблять ее какъ орудіе въ пользу политической реакціи. Теперь нужно отыскивать въ пыли библиотекъ тѣ странныя книги, носящія на заглавномъ листѣ имя Мюнхена или Мюнстера, въ которыхъ какъ солнце въ мутной водѣ отразилось величественное ученіе Шеллинга.

Философія Шеллинга имѣла также сильное влияние на романтическую школу въ Германіи. Въ искусствѣ и литературѣ романтизмъ принесъ большую пользу. Онъ доставилъ имъ новые сюжеты и исполнилъ ихъ свѣжей творческой силой. Нельзя также не признать полезнаго влияния, которое онъ имѣлъ на нѣкоторыя науки. Романтизмъ возбуждалъ живой интересъ къ народной поэзіи, къ лингвистикѣ, къ изу-

ченію исторіи отечественнаго языка, и привелъ къ болѣе вѣрному пониманію средневѣковой жизни. Но въ общественныхъ наукахъ и въ практической жизни онъ имѣлъ дурное влияние. Романтики отыскивали свои идеалы въ прошедшемъ, но такъ какъ эти идеалы были преимущественно плодомъ ихъ собственной фантазіи, то они ради ихъ искажали прошедшее и представляли его, сознательно и бессознательно, въ ложномъ повѣстическомъ свѣтѣ. По этимъ идеаламъ они хотѣли преобразить настоящее, и видѣли въ наукѣ главное средство для достиженія своей цѣли.

Въ исторической литературѣ самые замѣчательные представители романтизма были Фридрихъ Шлегель и Гёррессъ.

У Фридриха Шлегеля была чрезвычайно даровитая, восприимчивая, но увлекающаяся натура. Онъ былъ поэтъ, эстетикомъ, философомъ, а подъ конецъ жизни сдѣлался также историкомъ. Въ первой своей молодости онъ былъ восторженнымъ приверженцемъ Шиллера и Гёте, находился подъ влияніемъ Шеллинга и съ жаромъ изучалъ греческую литературу. Но потомъ онъ примкнулъ къ романтической школѣ и сдѣлался однимъ изъ главныхъ ея представителей. Онъ принялъ въ послѣдствіи католическую вѣру и переселился въ Вѣну, гдѣ подъ эгидой князя Меттерниха онъ прославлялъ на лекціяхъ и въ сочиненіяхъ средневѣковые порядки и Священный Союзъ.

Древнія сказанія и мечты о золотомъ вѣкѣ, о первобытномъ счастливомъ состояніи человечества, оживи съ новою силой въ концѣ прошлаго столѣтія; они находили себѣ богатую пищу, съ одной стороны, въ политическихъ теоріяхъ Руссо и его послѣдователей, а съ другой—въ изученіи восточныхъ языковъ и ихъ литературы. Извѣстія о томъ, что въ Индіи найдены древнѣйшіе религіозные памятники человеческого рода, открытъ языкъ, отъ котораго произошли всѣ остальные, возбудили самую смутную и смѣлую ожиданія. Возникли толки о первоначальномъ народѣ (Urvolk), который находился въ непосредственномъ общеніи съ божествомъ, и которому было извѣстно все что составляетъ загадку для теперешняго человечества. Эти толки имѣли чарующую и обаятельную силу для многихъ людей того времени. Философія Шеллинга придавала этой теоріи глубокой смыслъ и способствовала ея распространенію. Какъ приверженецъ Шеллинга, Шлегель усвоилъ себѣ эту теорію, въ послѣдствіи

работы его брата, Августа-Вильгельма Шлегеля, по санскритской литературе еще больше побуждали его отыскивать в преданиях восточных народов ключ к пониманию истории. В противоположность философскому учению о вѣчномъ прогрессѣ в исторіи, онъ выставилъ теорію, что исторія человечества не что иное какъ медленное возвращеніе къ утраченному идеальному состоянію. „Ученіе о способности человека къ безграничному совершенствованію, говоритъ Шлегель, должно вращаться вокругъ и имѣть свою долю истины. Но философія исторіи, основанная на этомъ ученіи, не имѣетъ ни настоящаго начала, ни конца, ибо безконечный прогрессъ не можетъ быть названъ опредѣленною, положительною цѣлью.“ Отъ теоріи безконечнаго прогресса, по мнѣнію Шлегеля, легко перейти къ ученію, что человеческій родъ началъ свое развитіе съ самой низкой степени, со степени животнаго, ко взглядамъ тѣхъ, которые смѣшиваютъ человека съ обезьяной и называютъ его видомъ породы обезьянъ. „Исчисляя, говоритъ Шлегель, анатомическіе признаки этого человека-обезьяны, они прибавляютъ еще одинъ отличительный признакъ—способность быть членомъ конституціоннаго государства (Constitutionsfähig). Такимъ образомъ человекъ былъ бы не чѣмъ инымъ какъ „либеральною обезьяной,“ а хотя мы вовсе не желаемъ противорѣчить приверженцамъ этого мнѣнія, что человекъ дѣйствительно до известной степени можетъ сдѣлаться либеральною обезьяной, мы все-таки утверждаемъ, что ни исторія, ни естественныя науки, не даютъ права видѣть въ человекѣ развившуюся и облагородившуюся породу обезьянъ.“

Хотя въ литературѣ еврейскаго народа сохранились самыя вѣрныя и полныя свидѣтельства о первоначальныхъ судьбахъ рода человеческого, но у всѣхъ древнихъ историческихъ народовъ, говоритъ Шлегель, можно найти больше или меньше искаженныя извѣстія о томъ же самомъ предметѣ. Въ литературѣ, въ преданіяхъ, въ обычаяхъ всѣхъ древнихъ народовъ, отъ Китайцевъ до Грековъ, Шлегель отыскивалъ искаженныя слѣды первоначальной истины, причемъ онъ впадалъ въ большія натяжки.

Неохотно останавливается Шлегель на блестящихъ страницахъ древней исторіи, и спѣшитъ къ своему политическому идеалу, средневѣковому обществу. Самая высокая историческая личность, по его мнѣнію, Карлъ Великій, первый

истинно христіанскій императоръ. При Карлѣ Великомъ было положено основаніе тому величественному средневѣковому зданію, которое осуществилось только въ самыхъ грубыхъ очертаніяхъ, но которое было политическимъ идеаломъ нѣсколькихъ столѣтій и вдохновило величайшаго поэта среднихъ вѣковъ. „Нужно читать Данта, говоритъ Шлегель, чтобы понять какое магическое вліяніе производила на средневѣковаго человека мысль о братскомъ соединеніи всѣхъ народовъ подъ рукою одного христіанскаго императора, наместника Божія, недоступнаго человеческимъ порокамъ и страстямъ, потому что ему ничего не оставалось желать.“

Главнымъ препятствіемъ къ осуществленію этого политическаго идеала было соперничество между императорами и папами, которое имѣло чрезвычайно гибельныя послѣдствія.

Шлегель не замѣчалъ явнаго противорѣчія между его ученіемъ о постепенномъ возстановленіи посредствомъ исторіи утраченнаго человечествомъ идеальнаго состоянія и тѣмъ обстоятельствомъ, что его политическій идеалъ—средневѣковое общество принадлежалъ прошедшему. Онъ не скрывалъ своей антипатіи къ реформациі, которая нарушила прежнюю гармонию въ христіанскомъ мирѣ. Но онъ находилъ утѣшеніе въ слѣдующемъ соображеніи: когда въ человеческое тѣло войдетъ какой-нибудь ядъ, то для него лучше если этотъ ядъ сосредоточится въ какомъ-нибудь одномъ членѣ, которымъ можно пожертвовать, чѣмъ если онъ распространится по всему тѣлу. Подобно тому и реформація принесла менѣе вреда въ тѣхъ странахъ гдѣ она открыто выразилась, чѣмъ тамъ гдѣ она была насильственно подавлена, какъ напримеръ во Франціи, гдѣ она дѣйствовала скрытно и наконецъ вызвала рационализмъ XVIII вѣка и французскую революцію. За этимъ несчастнымъ временемъ должно послѣдовать возобновленіе. Начало этому возобновленію уже положено Священнымъ Союзомъ, цѣль котораго—основать государственную жизнь на христіанскомъ принципѣ братства и любви.

Мечтанія Фридриха Шлегеля получаютъ въ нашихъ глазахъ особенное значеніе, если мы вспомнимъ въ какое время и въ какой средѣ они появились. Въ началѣ нашего столѣтія политическая реакція, послѣдовавшая за французскою революціей и войнами за освобожденіе, и романтизмъ въ литературѣ и философіи подали другъ другу руку и оказали сильное вліяніе на науку и общество. Образовалась многотысячная

партія, которая отыскивала свои идеалы въ прошедшемъ и старалась на основаніи этихъ идеаловъ пересоздать науку. Такія замѣчательныя личности какъ Адамъ Мюллеръ и Галлеръ проводили романтическія идеи въ политической экономіи и государственныхъ наукахъ, и среди этихъ попытокъ получала особенный смыслъ романтическая картина исторіи, написанная талантавою рукой Шлегеля. Съ гораздо меньшимъ увѣніемъ взялся за свое дѣло сподвижникъ Шлегеля—Гёррессъ. Воспитанный въ концѣ прошлаго столѣтія въ школахъ бывшаго курфиршества Трирскаго, онъ получалъ очень поверхностное образованіе, брался въ послѣдствіи за изученіе самыхъ разнообразныхъ предметовъ, и какъ всѣ самоучки отличался необыкновенною самоувѣренностью и рѣзкостью въ мнѣніяхъ. Когда войска Французской республики появились на Рейнѣ, онъ привѣтствовалъ ихъ съ энтузіазмомъ и сдѣлался ревностнымъ распространителемъ демократическихъ и революціонныхъ идей. Но вскорѣ французское владычество и политическая пропаганда опротивили ему, и онъ принялся за изученіе мѣлологіи и народной повѣи у Персовъ и Германцевъ. Когда Германія освободилась отъ Французовъ, Гёррессъ сталъ вести жаркую литературную борьбу съ прогрессивными и отчасти бюрократическими тенденціями прусскаго правительства. Прежній демократизмъ сталъ уживаться въ немъ съ романтизмомъ и ультрамонтанствомъ. Онъ все съ бѣльшимъ и бѣльшимъ жаромъ сталъ защищать преобладаніе церкви надъ государствомъ и наконецъ занялъ почетное мѣсто въ той партіи, которая старалась воскресить католическую старину новыми средствами, выставляя на видъ демократическія тенденціи. Главнымъ лагеремъ той партіи въ тридцатыхъ годахъ былъ Мюнхенъ. Послѣ Максимилиана I, прдерживавшагося преданій Наполеоновскаго времени, вступилъ на Баварскій престолъ Лудовикъ I, склонный къ тенденціямъ романтизма. Ультрамонтанская партія съ восторгомъ привѣтствовала это вступленіе, и вскорѣ Мюнхенъ сдѣлался обороннымъ пунктомъ нѣмецкихъ, французскихъ и польскихъ ультрамонтановъ, которые обсуждали тамъ свои космополитическія планы. Гёррессъ былъ приглашенъ въ Мюнхенскій университетъ профессоромъ исторіи и до конца своей жизни былъ главнымъ ораторомъ своей партіи. Въ своемъ введеніи къ курсу исторіи, читанномъ въ 1830 году, онъ бросилъ перчатку протестантской наукѣ въ Герма-

ни и вмѣстѣ съ нею вообще всякой здравой наукѣ. Мы не будемъ долго останавливаться на его введеніи и замѣтимъ только, что онъ видитъ въ исторіи постоянную борьбу двухъ началъ, добраго и злаго. Чтобъ охарактеризовать его историческій методъ достаточно привести его раздѣленіе исторіи. Онъ называетъ исторію величественнымъ эпосомъ слова Божія, распадающимся на 36 пѣсней. Число 36 онъ получилъ слѣдующимъ образомъ. Три главныхъ событія стоятъ на грани историческихъ эпохъ: сотвореніе человѣка, потопъ и искупленіе человечества Іисусомъ Христомъ. Каждая изъ историческихъ эпохъ распадается на шесть періодовъ. Такимъ образомъ шесть эпохъ предшествовали сотворенію человѣка,—это шесть дней творенія; шесть періодовъ прошли между сотвореніемъ человѣка и потопомъ; на шесть періодовъ распадается древняя исторія и на шесть новая. Мы живемъ въ третьемъ, въ эпохѣ всеобщаго распада, начатой реформаціею. Каждое изъ названныхъ великихъ событій имѣло начало, средину и конецъ, и слѣдовательно распадалось на три части. Такимъ образомъ всѣхъ историческихъ періодовъ насчитывается 36.

Въ этой произвольной игрѣ числами, и въ этихъ выходкахъ противъ современнаго вѣка — *aetas descripta* — легко узвать искусственное подражаніе древнѣйшимъ христіанскимъ дѣтописцамъ. Несостоятельность романтизма обнаружилась особенно явно тамъ, гдѣ онъ не только заимствовалъ свои идеалы изъ прошедшаго порядка вещей, но зрѣлую науку замѣнилъ искусственно-дѣтскимъ лепетомъ наивнаго міросозерцанія.

Гегелизмъ сдѣлался любимой теоріей бюрократизма въ Германіи и особенно въ Пруссіи. Аксиому Гегеля—что все дѣйствительное разумно—стали понимать одностороннимъ образомъ, пользовались ею для оправданія недостатковъ существующаго порядка и забывали дополнять ее другою половиною ея—только разумное дѣйствительно. Гегель училъ, что въ исторіи не господствуютъ случай и произволъ, что все имѣетъ опредѣленную причину, что по этому ничего нельзя измѣнить пока дѣйствуютъ прежнія причины, наконецъ, что исторія не есть результатъ случайныхъ причинъ. Онъ вовсе не хотѣлъ утверждать, что всякое данное положеніе въ исторіи стоитъ выше всякаго осужденія; напротивъ, онъ признавалъ дѣйствительнымъ только-то въ чемъ онъ видѣлъ выраженіе общаго раз-

ума, а все-то что мѣшало осуществленію на землѣ разумнаго порядка онъ считалъ недѣйствительнымъ и непрочнымъ.

Впрочемъ Гегеля нельзя совершенно оправдать отъ обвиненія, что онъ самъ подавъ поводъ къ этимъ недоразумѣніямъ. Такъ какъ онъ признавалъ въ исторіи постепенный прогрессъ и взялъ на себя задачу систематизировать этотъ прогрессъ, втѣснить отдѣльные моменты его въ тѣсную рамку своихъ логическихъ опредѣленій, то понятно, что онъ относился съ излишнимъ пристрастіемъ къ послѣднему звену этой логической цѣпи, то-есть къ общественному порядку, котораго онъ самъ былъ представителемъ. Онъ сдѣлался такимъ образомъ защитникомъ принципа протестантской бюрократической монархіи, олицетвореніемъ котораго была Пруссія, отрицательно относившаяся къ прошедшему и старавшаяся искусственными административными мѣрами увеличивать благосостояніе народное, но неуступчивая относительно будущаго, гдѣ приходилось примѣнять къ практикѣ идеи гражданской свободы. Подъ старость Гегель впалъ все болѣе и болѣе въ доктринерство, которое выразилось особенно рѣзко въ раздражительномъ тоновъ его критики на билль объ англійской реформѣ, напечатанной за нѣсколько дней до его смерти.

Страсть къ систематизаціи, которая такъ часто завладала Гегеля въ натяжки, была доведена его учениками до крайности, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ до смѣшнаго. Мы приведемъ только два примѣра. Впервыхъ, сочиненіе Гладшта: *Введеніе къ изученію всемірной исторіи*, появившееся въ 1841 г. Нужно замѣтить, что Гладштъ хорошій ученый и написалъ нѣсколько дѣльныхъ изслѣдованій о древней философіи. Въ приведенной нами книгѣ онъ проводитъ параллель между историческими народами древности и философскими школами Греціи. Такъ онъ сопоставляетъ, конечно, на основаніи очень случайныхъ и мелочныхъ совпаденій, Китай съ школою Пифагорейцевъ, Израильтянъ съ Анаксагоромъ. Какъ Анаксагоръ дошелъ до сознанія разума, управляющаго міромъ, такъ Израильтяне поклонились единому Богу, и Гладштъ, примѣняя къ нимъ слова, сказанныя Аристотелемъ объ Анаксагорѣ, говоритъ, что они казались трезвыми среди народовъ ослѣпленныхъ азычествомъ. Древнихъ Персовъ Гладштъ сопоставляетъ съ Гераклитомъ, Индусовъ съ Элеатскою школою и Парменидомъ, Египтянъ съ Эмпедокломъ, а философія Секрата и Платона, по его мнѣнію, соответствуетъ ясновидію

міросозерцанію гегеленскаго народа. Въ гегеленскомъ народѣ сосредоточились всѣ предшествовавшіе моменты развитія чело-вѣчества; поэтому въ сознаніи этого народа повторились въ формѣ философскихъ системъ тѣ же самыя принципы, представителями которыхъ служили предшествовавшіе Грекамъ историческіе народы. Гладштъ хотѣлъ доказать свое положеніе въ большомъ учебномъ сочиненіи, но онъ окончилъ только первую часть его, параллель между Китаемъ и Пифагорейскою школою.

Другой ученикъ Гегеля, Зиде (Sietze), довелъ еще далѣе страсть къ систематизаціи и привычку отыскивать даже въ случайныхъ событіяхъ высшую историческую необходимость. Онъ въ особенномъ сочиненіи постарался доказать разумность того что въ составъ Пруссіи вошли восемь провинцій, и именно тѣ, изъ которыхъ она состоитъ. Онъ, конечно, не предвидѣлъ, что скоро настанетъ время, когда его собственное отечество не будетъ уже довольствоваться этою историческою разумностью и постарается опровергнуть ее приобрѣтеніемъ двухъ новыхъ провинцій. Это пренебреженіе къ фактической истинѣ, этотъ фатализмъ, который вносился въ исторію, эта манера объяснять самыя случайныя событія проявленіемъ разумной необходимости и все въ исторіи сводить на диалектическую игру логическими понятіями,—должны были вселить недоувѣренность къ философіи во всѣхъ истинныхъ приверженцахъ строгой исторической науки и произвести реакцію противъ философіи. Но прежде чѣмъ мы начнемъ говорить о реакціи, вызванной попытками философіи завладѣть исторіей, мы должны коснуться двухъ замѣчательныхъ историковъ, которые держались въ сторонѣ отъ этой реакціи, и на которыхъ вліяніе философіи отразилось такъ же какъ и вліяніе современныхъ имъ политическихъ теорій. Мы имѣемъ въ виду Шлоссера и Гервинуса.

Всякій, кто знакомъ съ литературною исторіей послѣднихъ столѣтій, согласится, что на Шлоссера имѣла большое вліяніе философія Канта. Кантъ, желавшій придать положеніемъ чистаго разума характеръ математической достовѣрности, долженъ былъ, на ряду съ чистымъ разумомъ, признать силу такъ называемаго практическаго разума, то-есть потребностей вытекающихъ изъ нравственной природы чело-вѣка. Въ эти-къ Канта играло большую роль отвлеченное понятіе *добра*, но это понятіе, имѣло вслѣдствіе своей отвлеченности, воз-
м

скало большой произволъ и субъективность въ нравственныхъ вопросахъ. Оттого многие ученики Канта вынесли изъ его системы чрезвычайный ригоризмъ и чрезмерную придирчивость въ своихъ нравственныхъ сужденіяхъ. Это-то свойство особенно отразилось на Шюссерѣ. Онъ пробѣгаетъ въ обзорѣ всю всемірную исторію, для того чтобы извлекать изъ нея нравственные и назидательные уроки. Онъ судитъ съ точки зрѣнія сухой и часто узкой нравственности объ историческихъ дѣятеляхъ и эпохахъ, значеніе которыхъ вовсе не исчерпывается ихъ нравственными правилами. Тамъ, гдѣ эти нравственныя осужденія справедливы, искренній тонъ негодованія, съ которымъ говоритъ Шюссеръ, возвышаетъ его сочиненіе на степень первокласснаго историческаго произведенія и увлекаетъ читателя. Въ его рѣзкой рѣчи слышится благородная энергическая натура, глубоко оскорбленная пороками и несправедливостями, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ въ теченіе своей долгой жизни и особенно во время политическаго безсилія и униженія своего отечества. Но, къ сожалѣнію, эта нравственная критика превратилась у него въ механическую привычку и часто переходитъ въ придирчивость, сварливость и пристрастіе. Къ этому присоединились другіе недостатки: пренебреженіе къ критическимъ результатамъ добытымъ другими, собственная безпечность и извѣстная доля самоувѣренности. Оттого многія характеристики его далеки отъ исторической истины, и, напримѣръ, въ своихъ сужденіяхъ о Фоксѣ, Графтонѣ и Боркѣ, онъ даже упустилъ изъ вида первый долгъ историка — добросовѣстность.

Всѣ эти недостатки выступаютъ особенно ярко вслѣдствіе одной особенности, которую Шюссеръ раздѣлялъ съ многими изъ своихъ современниковъ. Со времени французской революціи вошли въ моду декламации о правахъ народа, объ отвѣченной свободѣ, объ устройствѣ политическаго быта сообразно съ требованіями здраваго разсудка. Эти декламации примѣнялись безразлично ко всѣмъ эпохамъ исторіи. На всю прошлую исторію человечества стали смотрѣть съ точки зрѣнія либеральнаго раціонализма, господствовавшаго въ 20-хъ и 30-хъ годахъ въ западной Европѣ. Этимъ объясняется необыкновенный успѣхъ, который имѣла въ Германіи всеобщая исторія Роттека. Шюссеръ также увлекался общими направленіемъ своего времени. Правда, нѣмецкое об-

щество 30-хъ годовъ имѣло основаніе быть недовольнымъ своимъ положеніемъ. Многое, что ему было обѣщано, осталось неисполненнымъ, другое, на что возлагались большія надежды, не привилось; вездѣ господствовало лихорадочное ожиданіе и волненіе. Шюссеръ въ своей *Исторіи XVIII вѣка*, первый томъ которой вышелъ въ 1836 году, далъ полное выраженіе чувствамъ, волновавшимъ его соотечественниковъ. XVIII вѣкъ послужилъ ему, такъ-сказать, предметомъ, на которомъ онъ могъ выместить свою злобу. Оттого нѣкоторые отдѣлы этого замѣчательнаго сочиненія очень неудачны. Напримѣръ, все что тамъ сказано объ англійской исторіи, представляеть скорѣе каррикатуру на англійскую исторію. Значеніе партій виговъ и торіевъ непонято. Шюссеръ называетъ ихъ аристократическими фикціями и обвиняетъ виговъ за то что они будто бы, предвидя свое пораженіе, призвали на помощь демократическія идеи и обманывали народъ. Для объясненія разрыва между Англіей и Соединенными Штатами, Шюссеръ примѣняетъ задвигъ числомъ теоріи французской революціи и не входитъ въ изслѣдованіе настоящихъ причинъ, вызвавшихъ разрывъ. Сужденія о Франклинѣ и о современныхъ ему англійскихъ государственныхъ людяхъ крайне пристрастны. Шюссеръ постоянно громитъ эгоистическихъ олигарховъ, аччыхъ до наслажденій дипломатовъ, и впадаетъ въ преувеличенныя жалобы о безпомощности бѣднаго, обманутаго, осмѣяннаго англійскаго народа.

Шюссеръ безспорно принесъ своимъ современникамъ большую пользу, пробуждая въ нихъ уснувшіе гражданскіе инстинкты и политическій интересъ, но онъ приучалъ своихъ читателей къ вредной декламации и набрасывалъ ложный свѣтъ на ненавистное ему прошедшее. Шюссеру, какъ совершенно справедливо замѣтилъ Зибель въ одной рецензіи, написанной еще въ его молодыхъ годахъ, недоставало любви художника къ индивидуальной жизни, и того уваженія, съ которымъ разсматриваетъ ее специалистъ, потому что онъ видитъ въ ней отраженіе общаго цѣлаго.

На Гервинусѣ, лучшемъ и въ извѣстномъ смыслѣ единственномъ ученикѣ Шюссера, отразилась своею вредною стороной другая философская система — система Гегеля. По крайней мѣрѣ онъ раздѣляетъ съ немъ свойство комично вросать даваемые историческіе факты по априористическому

идей, положенной имъ въ основаніе. Гервинусъ извѣстенъ не только какъ историкъ, но и какъ историкъ литературы. Въ своемъ сочиненіи о нѣмецкой литературѣ онъ сдѣлалъ для нея то же что Шаоссеръ сдѣлалъ для исторіи XVIII столѣтія, то-есть подвергнулъ ее критикѣ съ точки зрѣнія либеральнаго рационализма, который господствовалъ въ 30-хъ годахъ. Если эта точка зрѣнія недостаточна для исторіи, то она еще менѣе уместна въ исторіи литературы, потому что поэзія и искусство—самостоятельныя области человѣческаго духа, и въ обсужденіи поэтическихъ и художественныхъ произведеній слѣдуетъ имѣть въ виду свойственные этой области законы, а не минутныя потребности политической агитации. Гервинусъ имѣлъ въ этомъ случаѣ болѣе или менѣе способныхъ послѣдователей, изъ которыхъ достаточно указать на Юліана Шмидта, сочиненіе котораго пользовалось впрочемъ уваженіемъ только въ извѣстныхъ кружкахъ политиковъ средней руки. Но когда за этотъ способъ эстетической критики берутся умы невѣрные, тогда онъ приводитъ къ полному абсурду, чему, къ несчастію, мы имѣемъ не мало примѣровъ въ русской журналистикѣ послѣдняго времени.

Склонность конструировать историческіе факты по апіористической идеѣ особенно замѣтна у Гервинуса въ его *Vorlesungen über die Geschichte des 19ten Jahrhunderts*. Здѣсь авторъ излагаетъ въ сжатомъ обзорѣ, гдѣ каждое слово обдуманно и многозначительно, исторію Европы до XIX столѣтія. Исторія Европы представляется, по мнѣнію Гервинуса, такое же цѣлое какъ въ древности исторія Греціи съ ея колоніями. Въ обоихъ періодахъ раскрывается, во внутреннемъ развитіи государственной жизни, одинъ и тотъ же законъ. Этотъ законъ управляетъ всею исторіей человѣчества. Исторія деспотическихъ государствъ востока, затѣмъ аристократическихъ, основанныхъ на рабствѣ и крѣпостномъ правѣ государствъ древности и среднихъ вѣковъ, и новѣйшее, еще неоконченное, развитіе политической жизни,—представляютъ правильный прогрессъ отъ духовной и гражданской свободы единицы къ свободѣ многихъ и наконецъ всѣхъ. Но когда государство достигаетъ высшей точки своего развитія, въ немъ совершается поворотъ, и образованіе, свобода и могущество возвращаются отъ массы къ немногимъ и наконецъ опять къ единицамъ.

И Гегель признавалъ, что политическою жизнью народовъ

управляетъ непредотвратимый законъ. По его взгляду, первоначальное проявленіе государственной жизни было инстинктивное—деспотизмъ. Потомъ деспотизмъ переходитъ въ аристократію и демократію, причемъ личный, субъективный элементъ получаетъ перевѣсъ надъ идеей единства. Последняя степень развитія есть монархія, въ которой восстанавливается единство, но особенныя сферы общественной жизни сохраняютъ свое самостоятельное значеніе.

Такимъ образомъ Гервинусъ расходится съ Гегелемъ лишь въ своемъ взглядѣ на монархію, ибо Гегель полагаетъ, что переходъ къ монархіи вовсе не влечетъ за собой уменьшенія свободы; напротивъ, истинная монархія, огражденная законами, представляетъ собою примиреніе личной воли и разума. Но важнѣе всего то, что, по мнѣнію Гервинуса, съ формою правленія связана степень цивилизаціи, и что переходъ отъ демократіи къ аристократіи и наконецъ къ монархіи суживаетъ области образованія и свободы и такимъ образомъ влечетъ за собою упадокъ цивилизаціи.

Гервинусъ въ этомъ случаѣ впалъ въ доктринерство. Какъ Вико и многие другіе, онъ придавалъ одностороннее и преувеличенное значеніе судьбѣ греческой и римской цивилизаціи. Но исторія древняго міра нисколько не уполномочиваетъ насъ возводить результаты ея въ историческій законъ и приравнивать ихъ къ современной и будущей исторіи.

Все введеніе Гервинуса въ исторію XIX столѣтія можетъ служить примѣромъ исторической конструиціи. Всѣ событія въ ней группируются и объясняются съ помощью принциповъ, напимѣръ, германизма и романизма, принципа индивидуализаціи и централизаціи, аристократіи и демократіи. Исторія, вслѣдствіе этого, получаетъ характеръ систематичности, симметріи и наглядности, но въ то же время—искусственности и механизма. Реакціей противъ попытки сдѣлать изъ исторіи поприще, на которомъ могли бы мѣряться силами различныя философскія системы и политическія теоріи, явилась историко-критическая школа. Она обязана своимъ происхожденіемъ филологіи. Какъ первая серьезная замята исторіей связана съ возникновеніемъ классической филологіи въ XVI столѣтіи, такъ первая научная обработка исторіи была слѣдствіемъ высокаго процвѣтанія, котораго достигла филологія въ концѣ прошлаго столѣтія въ Германіи. Изъ строгой филологической школы вышелъ Габриэль, пер-

ный историкъ въ современномъ смыслѣ этого слова. Въ Ни-
бурѣ въ первый разъ выяснилась мысль, что главная задача
историка состоитъ не въ томъ чтобы доставить своимъ чи-
тателямъ художественное наслажденіе, подобно поэту или ро-
манисту, и не въ томъ чтобы извлекать изъ исторіи прак-
тическія правила и политическіе совѣты, подобно публицисту,
но что задача его—изысканіе научной истины, что главнымъ
предметомъ заботъ историка должны быть не читатели его,
не современники, а то отдаленное прошлое, которое онъ
описываетъ. Какъ въ естественныхъ наукахъ ученый исче-
заетъ предъ своимъ предметомъ, такъ и историкъ долженъ
забыть о себѣ предъ историческимъ фактомъ, и прежде всего
возстановить его значеніе не по отношенію къ себѣ и сво-
имъ современникамъ, а по отношенію къ самому факту и къ
средѣ, которая его породила. Поэтому первымъ долгомъ
историка должна быть критика историческихъ свидѣтельствъ
и источниковъ, а по свойству этихъ источниковъ исторіа,
по крайней мѣрѣ вся древняя и средневѣковая, должна опи-
раться на филологію. Не для того только чтобы подвергать
источники критическому анализу, но и для того чтобы
приобрѣсти способность выкать въ смыслъ прошлаго, по-
нимать тѣ произведенія, въ которыхъ отразилась духъ исто-
рическихъ народовъ, историкъ долженъ усвоить себѣ методъ
и приемы филологіи въ обширномъ смыслѣ этого слова.

Самъ Нибуръ посвятилъ себя древней исторіи, но методъ
его былъ скоро примѣненъ къ изученію средневѣковой и но-
вой исторіи.

Въ этомъ заключается безсмертная заслуга Леопольда Ранке.
Онъ началъ свою славную, почти пятидесятилѣтнюю, дѣятель-
ность съ критическаго разбора источниковъ XVI столѣтія,
и всѣ главныя сочиненія его посвящены исторіи XVI и XVII
вѣковъ. Но заслуги историка въ немъ можетъ-быть еще усту-
паютъ заслугамъ учителя въ Берлинскомъ университетѣ. Учеб-
нымъ поприщемъ его были средневѣковыя лѣтописи. По
счастливому совпаденію, именно въ то время было предпри-
ято Перцомъ первое критическое изданіе средневѣковыхъ
лѣтописей, *Monimenta Germaniae Historica*, обязанное сво-
имъ успѣхомъ преимущественно ученикамъ Ранке. Средне-
вѣковыя лѣтописи служили Ранке главнымъ средствомъ
чтобы воспитывать своихъ учениковъ къ критическому ме-
ту и къ серьезному взгляду на задачу историка. Историч.

ческой семинаріи Ранке сдѣлался расадникомъ для цѣлой
Германіи. Въ настоящую минуту почти всѣ историческія ка-
едры въ нѣмецкихъ университетахъ заняты учениками Ран-
ке и учениками его учениковъ, и тѣ немногіе, которые не
признаютъ себя его учениками, обязаны его школѣ лучшими
своими свойствами. Эта обширная и блестящая школа въ
наукѣ, которую оставилъ послѣ себя одинъ человекъ, состав-
ляетъ рѣдкій примѣръ въ исторіи науки, и къ Ранке вполне
можно примѣнить прекрасныя слова Платона, что лучшая
награда учителя — то что онъ продолжаетъ жить въ душахъ
своихъ учениковъ. (Характеристику главныхъ учениковъ
Ранке и ихъ трудовъ можно найти въ сочиненіи профес-
сора Харьковского университета Петрова: *Національная
Исторіографія въ Германіи, Англіи и Франціи*).

Критическая разработка историческихъ источниковъ и
возсозданіе исторіи, на основаніи вновь добытаго и очищен-
наго матеріала, совершенно поглощаетъ въ настоящее время
нѣмецкую науку. Нужно при этомъ согласиться, что у нѣ-
которыхъ изъ младшихъ ея представителей тщательная за-
бота о матеріалѣ переходитъ въ кропотливость и терается
въ мелочахъ. Недовѣрчивость къ философіи исторіи дошла
до того что ни въ одномъ изъ 28 университетовъ Германіи
никѣмъ не читается курса философіи исторіи, за исключе-
ніемъ развѣ нѣкоторыхъ доживающихъ свой вѣкъ Гегелиан-
цевъ. Даже сынъ самого Гегеля теперь довольствуется тѣмъ,
что въ одномъ провинціальномъ университетѣ собираетъ
матеріалы для скудной исторіи нѣмецкихъ городовъ въ
XIV и XV столѣтіяхъ. Германія въ этомъ случаѣ пред-
ставляетъ совершенный контрастъ съ Италіей. Тамъ при
университетахъ существуетъ особенная кафедра философіи
исторіи, гдѣ съ пафосомъ свойственнымъ югу объясняются
силлогизмы Гегелевой диалектики, въ то время какъ отече-
ственная исторія вуждается въ серьезной обработкѣ, а изу-
ченіе всеобщей исторіи стоитъ на такой низкой степені, что
общество живетъ исключительно подавленіями французской
исторической литературы.

Философія оказала благотворное вліяніе на историческую
науку не тѣмъ что она представляла на выборъ различныя
апріористическія идеи, по которымъ можно было конструи-
ровать историческіе факты, но тѣмъ что она укрѣпила, возни-
сила мысль и бросила себѣ на тѣ области логической науки

человѣка, безъ которыхъ непонятно его историческое развитіе. Мы коснемся здѣсь только языка, государства и религіи.

Относительно этихъ главныхъ проявленій духовной жизни человѣка господствовали въ XVIII вѣкѣ чрезвычайно плоскія эмпирическія понятія, которыя придавали имъ характеръ случайности, искусственности, условности и повтому непрочности. Общество XVIII вѣка чрезвычайно занималъ вопросъ о происхожденіи языка, государства и религіи; оно разрѣшало этотъ вопросъ очень легко и довольствовалось механическимъ объясненіемъ. Относительно происхожденія языка господствовали двѣ противоположныя другъ другу теоріи. Одни утверждали, что языкъ *изобрѣтенъ* человѣкомъ точно такъ же какъ потомъ имъ изобрѣтены письмена, корабль, различныя механическія орудія, и т. п. Защитники этой теоріи основывались на разнообразіи языковъ, которые возникли, по ихъ мнѣнію, въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ. Слова какого-нибудь языка были не чѣмъ инымъ какъ условными знаками, принятыми извѣстными людьми для обозначенія извѣстныхъ предметовъ. Приверженцы этого мнѣнія не замѣчали противорѣчій, въ которое они впадали. Для того чтобы люди могли *сговориться* употреблять извѣстные знаки для своихъ понятій, они должны были уже имѣть языкъ.

Другихъ поражала стройность и глубокая разумность, которыя обнаруживаются въ грамматическихъ и синтаксическихъ свойствахъ человѣческой рѣчи. Они повтому полагали, что изобрѣтеніе такого чуднаго орудія разума превышаетъ силы человѣка, и приписывали языку божественное происхожденіе. Нѣкоторые принимали это объясненіе буквально, и полагали, что первый человѣкъ получилъ языкъ въ раю прямо отъ Господа, хотя даже единственное мѣсто Священнаго Писанія, на которое они могли сослаться, вовсе не имѣетъ этого смысла. Изъ этого объясненія вытекали очень страшныя послѣдствія. Не разъ возникалъ вопросъ, на какомъ языкѣ говорили первые люди, и нѣкоторые имѣли довольно послѣдовательно чтобы утверждать, что это былъ языкъ еврейскій. Другіе, отрицая человѣческое происхожденіе языка, прибѣгали къ различнымъ пантеистическимъ и мистическимъ объясненіямъ.

Главными защитниками того взгляда, который считалъ

языкъ изобрѣтеніемъ человѣка, были Англичанинъ лордъ Монбоддо и нѣмецкій ученый Аделунгъ. Аделунгъ, поэмивуру съ мнѣніемъ о божественномъ происхожденіи языка, говоритъ слѣдующее: „Если Иафетъ увидитъ стопушечный военный корабль, то онъ приметъ его за произведеніе какого-нибудь бога, потому что ему неизвѣстны посредствующія звенья, съ помощью которыхъ развилось корабельное искусство, начиная отъ первой грубой лодки; подобно тому и тѣ, которые не знаютъ какъ языкъ постепенно развивался отъ перваго грубаго природнаго звука, приписываютъ ему сверхъестественное или божественное происхожденіе.“

Нужно видѣть у Гердера какъ трудно было его современникамъ выйдти изъ этой дилеммы. У самого Гердера было настолько такта что онъ не считалъ языкъ механическимъ изобрѣтеніемъ, но онъ не можетъ найти и другаго объясненія, постоянно впадаетъ въ противорѣчіе и, наконецъ, заглушаетъ весь вопросъ высокопарными и мистическими разсужденіями.

Пока вопросъ былъ такъ поставленъ, онъ былъ неразрѣшимъ. Вильгельмъ Гумбольдтъ, воспитавшій свои богатя отъ природы дарованія въ школѣ современной ему философіи, вывелъ его сразу изъ несчастной дилеммы и поставилъ его на настоящій путь. Языкъ не *срочен*, училъ онъ, а *дѣятелен*, то-есть языкъ не готовое, оконченное произведеніе, но присущая человѣку внутренняя дѣятельность, органическая функція. Человѣкъ и языкъ не стоятъ другъ съ другомъ во внѣшней, случайной связи, не относятся какъ творецъ къ своему произведенію, но составляютъ единое нераздѣльное цѣлое, и человѣческой духъ съ самаго начала развивался и проявлялся въ языкѣ. Не слѣдуетъ представлять себя человѣка сознательнымъ, разумнымъ творцомъ языка. Человѣкъ живой источникъ, непосредственный, естественный виновникъ языка. Предшественники Гумбольдта смотрѣли на языкъ какъ на нѣчто опредѣленное и данное. Гумбольдтъ показалъ, что онъ нѣчто живое и развивающееся. Переворотъ, произведенный Гумбольдтомъ, былъ многозначителенъ. Благодаря ему, наука о языкѣ, обогащенная въ то же время эмпирическими результатами, доставленными изученіемъ санскритскаго языка и сравнительнымъ методомъ, сдѣлала быстрые успѣхи. Она стала смотрѣть на языкъ какъ на живой организмъ, развивающійся по нѣкотор-

ными законамъ, и стала различать эпохи въ исторіи языка. Она нашла, что каждый языкъ имѣетъ индивидуальный характеръ, соответствующій индивидуальности того народа, съ которымъ онъ имѣетъ образованіе и развивался. Наконецъ, она дошла до результата, что исторія языковъ представляетъ собою самую древнѣйшую исторію человечества, и открыла доступъ къ тому отдаленному прошедшему, гдѣ историкъ въ своихъ изслѣдованіяхъ сталкивается съ естественнымъ испытателемъ. Но что всего важнѣе, Гумбольдтъ своими изслѣдованіями о языкѣ пошатнулъ призракъ, созданный XVIII вѣкомъ, безжизненное, отвлеченное понятіе о какихъ-то первобытныхъ людяхъ, которые изъ практическихъ соображеній придумываютъ себѣ языкъ, государство и религію, то есть именно то въ чемъ состоитъ и проявляется ихъ чело-
вѣчность.

Что касается до государства, то механическое объясненіе его происхожденія было въ ходу уже въ древности. Греческіе софисты учили, что государство — учрежденіе придуманное сильными и лукавыми, для того чтобъ эксплуатировать слабыхъ и глупыхъ. Съ торжествомъ христіанской религіи утвердилась взглядъ, что государство есть божественное учрежденіе подобно церкви. Но по средневѣковымъ понятіямъ придававшимъ церкви мірское значеніе, государство должно было играть второстепенную роль относительно церкви, должно было находиться въ зависимости отъ нея, служить ей орудіемъ. Идеи реформации произвели реакцію въ этомъ отношеніи, и скоро опять явились приверженцы механическаго объясненія государства. Съ тѣхъ поръ въ государственномъ правѣ боролись два направленія. Приверженцы одного все еще отстаивали божественное происхожденіе государства, а противники ихъ утверждали, что государство есть чисто человеческое изобрѣтеніе, что люди по своей эгоистической природѣ находятся въ постоянной враждѣ и войнѣ между собой, и для того чтобы положить конецъ своимъ бѣдствіямъ, согласились подчиниться власти того кого они считали самымъ справедливымъ или самымъ сильнымъ. Нѣкоторые смотрѣли на государство болѣе враждебно, утверждали, что оно произошло вслѣдствіе завоеванія, что господство сильного надъ слабымъ есть естественный порядокъ на землѣ. Въ XVIII вѣкѣ, подъ вліяніемъ Руссо и его *Contrat social*, установилось мнѣніе, что государство произошло вслѣдствіе свобод-

наго договора. Со всѣми этими объясненіями было болѣе или менѣе связано мнѣніе, что государство есть искусственное, механическое, случайное изобрѣтеніе, слѣдовательно, что оно могло бы и не быть. За послѣднюю мысль особенно ухватывались тѣ, которые смотрѣли на исторію съ эвгетической, сентиментальной точки зрѣнія, желали вывести ее на степень идеалии. Мы видѣли, что на этой точкѣ зрѣнія стоялъ и Гердеръ: онъ признавалъ государство только за необходимое зло, а иногда у него проглядываетъ мысль, что это зло даже и не необходимо. Гораздо болѣе зрѣлымъ взглядъ мы встрѣчаемъ у Канта. Онъ видитъ въ государствѣ главное орудіе природы, чтобы развить въ человѣкѣ и въ человечествѣ тѣ способности, которыя она вложила въ нихъ. Но несмотря на это, онъ все-таки объясняетъ происхожденіе государства изъ договора, изъ того что люди согласились ограничить свой произволъ, съ тѣмъ чтобъ и другіе согласились на то же самое.

Философія Гегеля поставила государство на чрезвычайную высоту. Государство, по мнѣнію Гегеля, есть примиреніе личной, субъективной воли и общаго разума; государство поэтому есть нравственное понятіе. Государство есть не только средство, но и цѣль. Только въ государствѣ человѣкъ достигаетъ свободы и нравственнаго значенія.

Гегель полемизируетъ противъ теоріи, что человѣкъ отъ природы свободенъ, но въ государствѣ ограничиваетъ свою свободу въ пользу другихъ, съ тѣмъ чтобъ и они ограничили свой произволъ въ пользу его. Онъ доказываетъ, что это предположеніе несправедливо, ни съ исторической, ни съ философской точки зрѣнія. Первое потому что ни одно государство не возникло такимъ механическимъ образомъ; а что касается до теоріи, что человѣкъ отъ природы свободенъ, то она совершенно справедлива, если разумѣть при этомъ назначеніе человѣка, понятіе человѣка какъ результата исторіи. На самомъ же дѣлѣ первобытное или природное состояніе человѣка — состояніе безправія, насилія, неукротимыхъ страстей и нечеловѣчныхъ дѣяній. Недоразумѣніе, говоритъ Гегель, состоитъ въ томъ, что ограниченіе страстей и произвола считаютъ ограниченіемъ свободы, тогда какъ такое ограниченіе есть необходимое условіе свободы, и только въ обществѣ и государствѣ осуществляется свобода.
Точно также вооружается Гегель противъ тѣхъ, которые

восхваляют патриархальный бытъ,—то время, когда обычаи еще не выяснились до степени закона. Они полагаютъ, что въ патриархальномъ быту примирены требованія справедливости и потребности симпатіи и сердца. Но этотъ бытъ составляетъ только переходную ступень между семейнымъ бытомъ и государственнымъ. Семейство представляетъ собою какъ бы одно лицо. Отдѣльные члены его или отказались взаимно отъ своей личности, отъ личныхъ правъ и преимуществъ (мужъ и жена), или еще не достигли полного развитія личности (дѣти). Они соединены чувствомъ взаимной любви и довѣрія. Семейная нравственность состоитъ въ сознаніи этого единства. Государство должно уважать семейное чувство, ибо семья развиваетъ необходимую для гражданина способность—сознавать себя членомъ цѣлаго. Въ патриархальномъ же быту семейство разраслось до такой степени, что члены его не сознаютъ болѣе семейной связи, вступаютъ въ состояніе личности, а потому нуждаются въ государственной связи.

Только при механическомъ объясненіи государства могутъ возникнуть вопросы, который такъ сильно занималъ политиковъ прошлаго столѣтія,—вопросъ о томъ какой лучшей образъ правленія. Разрѣшеніе этого вопроса считали возможнымъ не только въ области отвѣченной теории и субъективныхъ убѣжденій, но и въ практической жизни, какъ будто образъ правленія могъ быть предметомъ свободнаго выбора и результатомъ внезапнаго соглашенія. Гегель называетъ такой взглядъ простодушнымъ, столь же простодушнымъ какъ разказъ Геродота о семи персидскихъ вельможахъ, свергнувшихъ Лже-смердиса и обсуждавшихъ вопросъ, какой учредить въ Персіи образъ правленія. Онъ противопоставляетъ этому взгляду положеніе, что государство—организмъ, что образъ правленія какого-нибудь народа стоитъ въ связи съ его религіей, со степенью его цивилизаціи, съ его духовною физиономіей, выражающеюся въ искусствѣ и въ философіи, не говоря уже о внѣшнихъ обстоятельствахъ, о климатѣ, сосѣдствѣ, мировомъ положеніи и пр. Государство есть индивидуальное цѣлое, отъ котораго нельзя отдѣлить одну какую-либо сторону, какъ напримѣръ образъ правленія, чтобы подвергнуть ее особенному разсмотрѣнію, независимо отъ другихъ. Особенное значеніе на государство имѣетъ, по мнѣнію Гегеля, религія. Государство есть единство субъективной и общей воли, но къ сознанію

этого единства, къ конкретному представленію его, человекъ приходитъ въ религіи.

Относительно религіи и мѣлологіи различныхъ народовъ, въ прошломъ вѣкѣ господствовало заблужденіе, что онѣ возникли или вслѣдствіе суевѣрнаго страха, или вслѣдствіе наивѣрнаго обмана жрецовъ. Религія подобно государству казалась искусственнымъ учрежденіемъ, навязаннымъ человечеству во времена древности умными или хитрыми людьми, сообразно съ политической надобностью. Съ этой точки зрѣнія смотрѣли на всѣ религіи и на всѣхъ основателей какой-нибудь религіи. Этому взгляду придерживался Болингброкъ въ своихъ письмахъ объ изученіи и пользѣ исторіи. Монтескьё также считаетъ религію политическимъ учрежденіемъ. Онъ находитъ между римскими законодателями и законодателями другихъ народовъ ту разницу, что первые учредили религію ради государства, а вторые—государство ради религіи. Онъ раздѣляетъ мнѣніе Поливія, что римскій народъ, склонный къ вспышкамъ гнѣва, особенно нуждался въ религіи, какъ въ средствѣ укротить эти вспышки. Монтескьё относитъ явленія позднѣйшаго времени, когда авгурство потеряло свое религиозное значеніе и сдѣлалось средствомъ для политическихъ интригановъ, къ древности и объясняетъ поэтому происхожденіе религиозныхъ церемоній у Римлянъ совершенно ложно. Онъ говоритъ, что эти церемоніи грѣшатъ противъ здраваго смысла, но что учредители ихъ хорошо понимали ихъ значеніе и наивѣрно сдѣлали ихъ таковыми. (Ce fut par de bonnes raisons, qu'ils réchèrent contre la raison-même.) Еслибы эти церемоніи заключали въ себѣ болѣе смысла, то умные люди наравнѣ съ глупыми подпали бы подъ ихъ вліяніе. Нужно было поэтому учредить такіе обряды, которые удовлетворяли бы суевѣрію однихъ и могли служить политическимъ средствомъ для другихъ.

Нѣмецкая философія и въ этомъ отношеніи произвела благодѣтельный переворотъ. Она показала, что религія, какъ и государство, не произвольное, искусственное учрежденіе. Сравнительное изученіе и здѣсь какъ и въ наукѣ о языкѣ пришло на подтвержденіе философіи, и религиозныя вѣрованія различныхъ народовъ въ первый разъ сдѣлались предметомъ серьезнаго и научнаго изученія. Мы не станемъ входить въ подробности объ этомъ предметѣ и скажемъ только, что кромѣ Шеллингга и Гегеля особенная заслуга въ этомъ отно-

женіи оказалъ Шлейермахеръ. Съ тѣхъ поръ стало непротестательно для историка прежнее легкомысленное отношеніе къ предмету, въ которомъ выразилась существеннѣйшая часть жизни человѣчества, и отвѣченныя разсужденія о благотѣльномъ или вредномъ вліяніи религіи на прогрессъ человѣчества могутъ удовлетворять только тѣхъ, которымъ исторія служитъ предметомъ для декламаций, и которые не въ состояніи возвыситься до цѣльнаго пониманія ея.

V.

Намъ остается теперь поговорить объ одной чрезвычайно важной и интересной сторонѣ занимающаго насъ вопроса, — о попыткѣ возвести исторію на степень положительной науки. Эта мысль была, какъ мы уже видѣли, высказана Кантомъ. Онъ надѣялся, что рано или поздно явится ученый, который для историческихъ явленій сдѣлаетъ то что Кеплеръ сдѣлалъ для астрономическихъ, то-есть откроетъ законы, по которымъ они совершаются. Съ особеннымъ рвеніемъ принялся за разрѣшеніе этой задачи французскій философъ Огюсть Контъ, авторъ *Системы положительной философіи*. Главная мысль его состоитъ въ томъ, что всѣ науки представляютъ извѣстную іерархію. Онъ признаетъ шесть ступеней въ этой научной іерархіи: математику, астрономію, физику, химію, біологію, или вообще науки объ органическихъ существахъ, и наконецъ социологію, или науку о человѣкѣ и человѣческомъ обществѣ. Чѣмъ проще явленія разсматриваемыя какою-нибудь наукой, тѣмъ скорѣе вырабатывается человѣкомъ научный положительный методъ для изслѣдованія ихъ. Такъ, напримѣръ, астрономія давно отдѣлилась отъ предразсудковъ и посторонней примѣси, задерживавшихъ ея развитіе; тогда какъ социологія еще находится въ самомъ первомъ періодѣ своего развитія. Это естественно. Каждая наука въ этой іерархіи должна опираться на выводы предшествовавшей ей науки, и не можетъ достигнуть успѣшнаго развитія безъ ея помощи: такъ, напримѣръ, химія могла по-двинуться впередъ только тогда, когда математика и физика достигли важныхъ результатовъ. Социологія, какъ самая сложная изъ наукъ, должна быть также самою младшею въ обществѣ развитія.

Пока вопросъ поставленъ въ такихъ общихъ выраженіяхъ, конечно, не можетъ быть мѣста возраженіямъ. Но дѣло совершенно измѣняется, какъ скоро рѣчь заходитъ не объ неопредѣленномъ и отвѣченномъ понятіи социологіи, но о конкретныхъ явленіяхъ исторіи. Контъ раздѣляетъ всѣ науки на двѣ большія отрасли, на отвѣченныя и конкретныя. Отвѣченными онъ называетъ тѣ, которыя занимаютъ основными законами, управляющими извѣстною областью природы, а конкретными тѣ, которыя занимаютъ преимущественно явленіями проистекающими изъ тѣхъ законовъ. Такъ, напримѣръ, химія занимается условіями, при которыхъ происходятъ различныя сочетанія веществъ; ей нѣтъ дѣла до того, существуютъ ли эти сочетанія въ природѣ; она знаетъ несравненно большее количество химическихъ сочетаній чѣмъ тѣ, которыя были бы извѣстны человѣку безъ помощи лабораторіи. За то дѣло конкретной науки—минералогіи изучить тѣ сочетанія неорганическихъ веществъ, которыя дѣйствительно встрѣчаются сами собою въ природѣ. Точно также физиологія изслѣдуетъ вообще законы органической жизни, предоставляя ботаникѣ и зоологіи изучать тѣ роды и виды растеній и животныхъ, которыя дѣйствительно существуютъ или существовали когда-либо на землѣ. Это раздѣленіе очень основательно; но если мы примѣнимъ его къ занимающему насъ предмету, то замѣтимъ слѣдующее: чѣмъ ниже мы опускаемся по контовской іерархіи наукъ, тѣмъ болѣе отвѣченна сторона каждой науки преобладаетъ надъ конкретной. На низшей ступени, въ ариметикѣ, мы имѣемъ только одну отвѣченную науку, которой не соответствуетъ никакая конкретная. Въ астрономіи звѣзды почти еще не имѣютъ для насъ индивидуальнаго, конкретного значенія: онѣ служатъ намъ только воплощеніемъ отвѣченнаго астрономическаго закона. Но чѣмъ выше мы поднимаемся, тѣмъ болѣе значенія получаютъ индивидуальное и конкретное. Очень вѣроятно, что на высшей ступени іерархіи, въ исторіи человѣчества, мы никогда не будемъ въ состояніи изучать такъ-называемые историческіе законы иначе какъ въ конкретныхъ явленіяхъ исторіи, и особенно если будемъ разсматривать человѣчество въ его историческомъ развитіи какъ одно цѣлое. Какъ бы то ни было, Контъ не разрѣшилъ задачи превращенія исторіи въ положительную науку, а только оставилъ ее. Онъ старался прежде всего установить методъ, который долженъ былъ бы

держаться будущей исследователь, и ограничился обзором истории, в котором отдельные исторические факты служат ему иллюстрацией для подтверждения его политических и социальных теорий.

Первою и до сих поръ единственною систематическою попыткойъ обратитьъ исторію въ положительную науку явился трудъ Бока — *Исторія цивилизаціи въ Англіи*.

Что касается до сочиненія Бока, то мы должны раздѣлить его на двѣ половины: въ первой, меньшей половинѣ, которая занимаетъ около третьей доли перваго тома, Бокъ излагаетъ тотъ положительный методъ, который онъ считаетъ необходимымъ для изученія исторіи. Эта-то часть и должна здѣсь особенно занимать насъ. Во второй половинѣ онъ излагаетъ свой личный взглядъ на цивилизацію, на средства, съ помощью которыхъ она подвигается впередъ, и въ подтвержденіе своего взгляда предлагаетъ обзоръ исторіи Франціи, Англіи, Испаніи и Шотландіи, за послѣдніе дватри вѣка. Мы потомъ скажемъ нѣсколько словъ объ этомъ предметѣ.

Въ первой, общей, части своего сочиненія Бокъ выставляетъ какъ основное положеніе, что ходъ всеобщей исторіи можетъ быть понятъ только съ помощью естественныхъ наукъ, и что потому естественныя науки, физическая географія, метеорологія, физиологія и пр., должны сдѣлаться главными вспомогательными средствами историка. Въ этомъ случаѣ Боку принадлежитъ не самая мысль, а только рѣзкая и односторонняя форма выраженія ея. По мѣрѣ того какъ увеличиваются любознательность и наблюдательность человѣчества, оно все болѣе и болѣе сознаетъ тѣсную связь между физической природой и его собственною жизнью. Мы въ правѣ утверждать вопреки всѣмъ толкамъ идеалистическихъ постовъ и публицистовъ прошлаго вѣка, жаловавшихся, что цивилизація удаляетъ челоѣка отъ природы, — мы въ правѣ утверждать, что мы стоимъ несравненно ближе къ природѣ чѣмъ наши предки, больше любимъ ее и лучше понимаемъ ее. Въ этомъ отношеніи можно провести параллель между историографіей и исторіей живописи. Въ исторіи живописи чрезвычайно интересно наблюдать, какъ мало-по-малу развивается чувство природы и болѣе вѣрное художественное пониманіе ея. Когда религиозная живопись уже достигла высшаго совершенства своего, когда техника и колоритъ

также достигли уже блестящаго развитія, ландшафтъ все еще имѣлъ только декоративное значеніе. Животныя и деревья, встрѣчающіяся на историческихъ картинахъ той эпохи, представляютъ какія-то мертвыя, условныя формы. Ландшафтъ какъ бы украдкой втирался въ другіе болѣе усовершенствованныя роды живописи и съ трудомъ приобреталъ право гражданства въ искусствѣ. Чрезвычайно интересны для исторіи живописи тѣ оригинальныя картины XVI вѣка, гдѣ на первомъ планѣ поставлено живописцемъ какое-нибудь событіе изъ священной исторіи, но гдѣ по всему видно, что это событіе служило ему только поводомъ чтобъ испробовать свои силы на ландшафтѣ, среди котораго происходитъ сцена. Хотя художественное пониманіе природы достигло высокаго совершенства въ XVII вѣкѣ, но еще въ прошломъ столѣтіи многіе пейзажисты, особенно французскіе, считали нужнымъ оживлять и такъ-сказать облагораживать свои прекрасныя ландшафты тѣмъ, что гдѣ-нибудь въ уголкѣ или вдаль изображали какой-нибудь мифологическій сюжетъ, какъ Аполлонъ пресѣдуетъ Дафну, или какъ на Диану галдитъ изъ-за кустовъ Актеонъ, превращаемый въ оленя. Въ наше же время вкусъ и художественное пониманіе природы еще болѣе развились, и какъ бы ни были велики достоинства какой-нибудь исторической или религиозной картины, художникъ уже не можетъ выкупить ими пренебреженіе къ природѣ или непониманіе ея. Подобнымъ образомъ и въ историографіи легко замѣтить какъ все болѣе и болѣе увеличивается вниманіе историковъ къ физической природѣ, среди которой приходится дѣйствовать челоѣчеству.

Уже въ XVI столѣтіи, какъ мы видѣли, знаменитый французскій юристъ, Боденъ, пытался объяснить вліаніе физической природы на характеръ и, следовательно, судьбу различныхъ народовъ. Дѣло начатое Боденомъ было особенно подвинуто впередъ Монтескьё. Въ своемъ сочиненіи *О духѣ законодательства* онъ посвятилъ нѣсколько книгъ вліанію климата и вообще физическихъ условій на религію, семейный бытъ, сословныя отношенія, государственное устройство и законодательство народовъ. Много дѣльных замѣчаній по этому предмету разбросано также по сочиненіямъ знаменитыхъ путешественниковъ прошлаго столѣтія. Особенно содѣйствовали къ указанію той тѣсной, во часто неуловимой связи между природой и исторіей

скою жизнью человека Александръ Гумбольтъ и знаменитый географъ Карлъ Риттеръ. Со времени послѣдняго у многихъ историковъ вошло въ обычай предпосылать излагаемой ими исторіи географической очеркъ страны. Правда, очень часто эти географическіе обзоры пришиты совершенно механическимъ образомъ къ послѣдующему разказу, и исполнивъ свой долгъ, историкъ считаетъ себя въ правѣ совершенно упускать изъ виду въ дальнѣйшемъ ходѣ разказа вліаніе этихъ географическихъ и физическихъ условій. Между послѣдними попытками указать вліаніе физическихъ условій на *психологическій* характеръ европейскихъ народовъ и сѣдовѣательно на ихъ судьбу, заслуживаютъ особенное вниманіе сочиненія швейцарскаго историка Боштеттена и нѣмецкаго историка Ардта. Но надобно сознаться, что эти попытки не привели къ особенно важнымъ положительнымъ результатамъ. Много было потрачено на нихъ ума и наблюдательности, много высказано по этому поводу остроумныхъ и мѣткихъ замѣчаній, но въ сущности всѣ эти психологическіе этюды народовъ, на основаніи физическихъ условій, не выходятъ изъ области общихъ мѣстъ въ родѣ того что у жителей южныхъ странъ преобладаютъ чувство и фантазія, а у жителей сѣверныхъ — физическая сила и разсудокъ, что жители горъ мужественны и любятъ свободу, что у жителей приморскихъ береговъ развивается практичность и смышленная дѣятельность, а у жителей беспредѣльныхъ равнинъ оказывается въ характерѣ какое-то особенное свойство, которое объясняютъ выраженіемъ *широкой* природы. Что касается до Бока, то онъ не свободенъ отъ этихъ увлеченій своихъ предшественниковъ, и мы находимъ у него крайне шаткія и многословныя разсужденія о томъ, какое вліаніе имѣли непостоянство климата и невозможность разчитывать на вѣрный успѣхъ земледѣльческихъ работъ, на примѣръ, на характеръ Шведовъ и Испанцевъ. При этомъ у него даже не обошлось безъ положительныхъ ошибокъ. Такъ, на примѣръ, Бокаъ приписываетъ огромное вліаніе на характеръ и судьбу Испаніи частымъ землетрясеніямъ, тогда какъ количество землетрясеній въ Испаніи уступаетъ количеству ихъ въ другихъ земляхъ, да во всякомъ случаѣ землетрясенія не составляютъ отличительнаго признака Пиренейскаго полуострова. Вообще по этому поводу Бокаъ впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собой. Онъ въ началѣ своего сочиненія приписываетъ естественнымъ на-

укамъ необыкновенную важность въ историческихъ вопросахъ, а потомъ самъ высказываетъ очень опредѣленно, что чѣмъ выше степень цивилизаціи, тѣмъ болѣе человекъ умѣетъ подчинять себя природу, и тѣмъ менѣе самъ подчиняется ей. И дѣйствительно, примѣры, приведенные имъ въ доказательство вліанія физическихъ условій, всѣ заимствованы изъ исторіи азіатскихъ народовъ, и хотя онъ посвятилъ два толстые тома исторіи различныхъ европейскихъ народовъ, онъ не привелъ ни одного примѣра въ подтвержденіе прямого вліанія физическихъ условій на европейскую исторію.

Гораздо больше значенія чѣмъ всѣ эти толки о вліаніи климата и пр. на *психологическій* характеръ народовъ имѣютъ тѣ данныя, которыя заимствованы изъ наблюдений надъ сельскимъ хозяйствомъ и промыслами различныхъ народовъ. Но относительно этого необходимо сдѣлать нѣсколько замѣчаній. Впервые, эти данныя болѣею частью выходятъ изъ предѣла естественныхъ наукъ и подлежатъ политической экономіи. Такъ, извѣстный примѣръ, приведенный Бокаемъ, что рисъ въ Индіи и кукуруза въ Америкѣ были причиной того что трудъ дѣлился тамъ очень дешево, огромныя богатства скопились въ немногихъ рукахъ и народныя массы страдали подъ гнетомъ страшнаго деспотизма, относится къ ученію о распредѣленіи богатства и такимъ образомъ входитъ въ предѣлы политической экономіи. А главное, такого рода данныя легко увлекаютъ въ заблужденіе — объяснять одною какою-нибудь причиною то что вызвано столкновеніемъ разнообразныхъ причинъ. Такъ въ вышеприведенномъ примѣрѣ Бокая уже заключается нѣсколько неточностей: рисъ вовсе не составлялъ исключительной пищи въ цѣлой Индіи и воздѣлывался преимущественно только въ Бенгаліи; наконецъ воздѣлываніе риса и кукурузы составляло главный промыселъ и нѣкоторыхъ другихъ странъ, и однако не привело къ такимъ послѣдствіямъ, которыя Бокаъ приписываетъ имъ въ Индіи и Америкѣ. Другой болѣе разительный примѣръ увлеченія, чѣмъ Бокаъ, представляетъ въ этомъ отношеніи знаменитый химикъ Либихъ. Либихъ одинъ изъ первыхъ сталъ подвергать химическому анализу почву полей и пришелъ къ очень важнымъ результатамъ. Неудивительно, что онъ увлекся своими результатами и предпринялъ перестроить всю исторію съ помощью своихъ химическихъ выводовъ. Онъ сталъ приписывать рѣшительно всѣмъ

ные историческіе перевороты нераціональному способу сельскаго хозяйства и истощенію полей. Миръ, * говорить онъ, не питаетъ, и война не разрушаетъ; миръ и война имѣютъ лишь кратковременное вліяніе. То что поддерживаетъ или разрушаетъ человеческое общество, то что придаетъ могущество народамъ и государствамъ, и что заставляетъ ихъ исчезать съ лица земли, это всегда была почва, на которой человекъ строитъ свою жизнь. Затѣмъ Либихъ начинаетъ объяснять истощеніемъ почвы паденіе азіатскихъ деспотій, выведение колоній изъ Греціи и наконецъ паденіе греческихъ государствъ. Часто онъ выводитъ заключенія не подтвержденныя никакими доказательствами. Такъ, напримѣръ, онъ говоритъ, что въ годъ Платейской битвы, Спарта могла выставить 8.000 воиновъ, при Аристотелѣ не болѣе 1.000, а Страбонъ жалуется, что изъ 100 городовъ Лаконіи въ его время сохранилось не болѣе 30. Всему этому причиной было, по его мнѣнію, истощеніе полей. Въ этомъ дѣлѣ разсматривается также вся римская исторія. Въ заключеніе своего обзора онъ восклицаетъ: „Сколько мужей одаренныхъ умомъ, энергіей и доброю волею управляли Римскою имперіей, но что было въ состояніи сдѣлать могущество самыхъ могущественныхъ ея правителей, которые въ своей надменности сооружали себѣ алтари и приказывали оказывать себѣ божескія почести, что мудрость философовъ, что глубокое знаніе юридической науки, что храбрость отличнѣйшихъ полководцевъ, что побѣдоносныя и превосходно-устроенныя войска, что все это могло сдѣлать противъ вліянія одного закона природы?“

Особенно поразительны увлеченія Либиха и страсть его все объяснять одною любимою причиною, тамъ гдѣ онъ заводитъ рѣчь объ Испаніи. Онъ разказываетъ, что при Абдеррахманѣ III въ X столѣтіи въ восточныхъ и южныхъ провинціяхъ Испаніи, населенныхъ Маврами, жило отъ 20—30 милліоновъ людей. Кордова не уступала Лондону, какъ онъ былъ въ началѣ нашего столѣтія, а Таррагона, во время Римлянъ имѣвшая милліонъ жителей, при Абдеррахманѣ III имѣла ихъ 350.000, тогда какъ въ настоящее время число ихъ 15.000. Всѣ эти перемены произошли вслѣдствіе истощенія почвы. Долгая борьба христіанъ съ Маврами, утверждаетъ

* Liebig. Einleitung in die Gesetze des Feldbaues. стр. 36.

Либихъ совершенно наивно, легко объясняется закономъ природы: это была борьба двухъ народовъ за насыщенный хлѣбъ.

Послѣ этого мы смѣло можемъ надѣяться, что современнымъ явится другой химикъ, который будетъ объяснять освобожденіе Россіи отъ татарскаго ига истощеніемъ русскихъ полей, а французскую революцію и походъ Наполеона на Россію въ 12 году истощеніемъ французскихъ полей. Испанія особенно счастливая страна по количеству разнообразныхъ теорій, придуманныхъ для объясненія ея паденія. У Либиха въ этомъ отношеніи есть одинъ предшественникъ, жившій 250 лѣтъ тому назадъ, который придумалъ не менѣе оригинальное, но болѣе простодушное объясненіе упадка Испаніи. Это испанскій писатель Герттера, современникъ Филиппа II. „Отчего, спрашиваетъ онъ, теперь вездѣ произошла такая дороговизна, что во время мира фунтъ мяса стоитъ столько же сколько прежде во время войны дѣлый баранъ? (Нужно замѣтить, что это было во время прилива въ Испанію драгоценныхъ металловъ изъ Америки и полнаго упадка сельскаго хозяйства и промысловъ.) Излишество населенія не можетъ быть причиною, ибо тамъ, гдѣ прежде кипѣла дѣятельность многихъ тысячъ Мауровъ, теперь только 500 христіанъ находятъ свое пропитаніе. И ввозъ золота изъ Индіи также не можетъ быть причиною. Не оттого ли все это произошло что земля теперь отдыхаетъ? Но земля не нуждается въ другомъ отдыхѣ какъ въ томъ, который она имѣетъ во время зимы, и у насъ давно уже нѣтъ недостатка въ зимнихъ дождяхъ, которые осыплютъ ее и придаютъ ей силу чтобы произвести новую жатву. Какая же тому причина, что земля не хочетъ питать насъ? Лошакъ во всемъ виноватъ, отвѣчаетъ Герттера. Лошакъ завелся у насъ въ половинѣ XIII вѣка, и съ этого времени начинается паденіе Испаніи, ибо лошакъ не имѣетъ силы пахать достаточно глубоко.“

Второе главное средство, предлагаемое Бокаемъ, чтобы сдѣлать изъ исторіи положительную науку, это статистика. По мнѣнію Бокаля, психологія ни къ чему не можетъ послужить историку, потому что въ психологіи каждый человекъ основывается на своихъ личныхъ ощущеніяхъ и не имѣетъ никакого ручательства въ томъ, что и другіе испытываютъ то что онъ замѣчаетъ въ самомъ себѣ. Статистика же не стараетъ свои наблюденія на цѣломъ массовомъ народѣ и на 7

амы эпохи, такъ что все индивидуальное, случайное, сглаживается, и человѣческія дѣйствія получаютъ характеръ правильныхъ, периодически совершающихся явленій. Бокавъ приводитъ въ доказательство наблюденія статистиковъ надъ правдивостью, съ которою въ каждой странѣ ежегодно совершается известное количество преступленій, — надъ правдивостью, съ которою даже отсылаются ежегодно на почту известные количество писемъ безъ точнаго означенія адреса.

На это можно возразить, что статистика вовсе не противоположна психологіи, и поэтому не можетъ замѣнить ее. Безъ психологіи нельзя сдѣлать почти ни одного историческаго заключенія, и вотъ почему. Естественныя предметы имѣютъ дѣло непосредственно съ тѣми предметами, которые онъ хочетъ изучить. Онъ совершаетъ надъ ними опытъ и можетъ всегда повторить надъ ними и провѣрить опытъ, сдѣланный его предшественниками. Предметъ же изученія историка составляютъ историческія событія, которыя однажды случились и болѣе уже не повторяются. Но историкъ даже не можетъ имѣть дѣла прямо съ ними, потому что онъ не былъ ихъ очевидцемъ; онъ узнаетъ о нихъ только то что ему сообщено очевидцами или позднѣйшими историками, которые писали о нихъ. Онъ видитъ, такъ-сказать, не событія, а только отраженія ихъ. Поэтому онъ прежде всего долженъ подвергнуть изученію орудіе, чрезъ которое онъ смотритъ на историческія событія. На этомъ основана историческая критика, безъ которой невозможно никакое изученіе прошедшаго. Правда, нѣкоторые источники даютъ возможность непосредственнаго изученія прошедшаго: сюда на примѣръ относятся извѣстія о тѣхъ историческихъ фактахъ, которые можно выразить въ числовыхъ величинахъ, и о статистическихъ таблицахъ, кромѣ того, свѣдѣнія о цѣнности предметовъ, о государственныхъ расходахъ и доходахъ, архитектурные и другіе художественные памятники, наконецъ, такъ-называемыя древности, оружія, украшения, монеты, черепки и проч. Но главными источниками историка всегда останутся произведенія человѣческаго слова, и главнымъ предметомъ его изученія всегда останутся такія событія, которыя совершались внутри человѣка, и которыя поэтому доступны только психологическому анализу.

Конечно, статистическія данныя, тамъ гдѣ они есть, со-

ставляютъ драгоценный источникъ для историка, но историкъ, который захотѣлъ бы ограничиться ими, былъ бы похожъ, на ханука, который вздумалъ бы при своихъ опытахъ употреблять въ дѣло только одно изъ своихъ пяти чувствъ, на примѣръ обоняніе, и устранилъ бы отъ дѣла все остальныя. Что касается до помощи, которую статистика можетъ оказать историку, нужно замѣтить, что выводы изъ статистическихъ данныхъ слѣдуетъ дѣлать съ величайшею осторожностью и осмотрительностью, и что историка, предубѣжденнаго въ чемъ-нибудь, даже статистическія таблицы могутъ ввести въ самое странное заблужденіе. Такъ, на примѣръ, многіе, а между ними Бокавъ, приводятъ тотъ фактъ, что количество браковъ, заключенныхъ въ известной странѣ, пропорціонально дороговизнѣ и удешевленію хлѣба, въ подтвержденіе того что человѣкъ автоматъ и во всемъ полагается только побужденіямъ естественныхъ законовъ. Но всякій безпристрастный человѣкъ долженъ вывести изъ этого факта самое противоположное заключеніе. Не доказываетъ ли онъ, что человѣкъ даже въ тѣ минуты, когда онъ всего болѣе дѣйствуетъ подъ вліяніемъ страсти, способенъ внимать голосу разсудка, думать о будущемъ и сообразоваться съ обстоятельствами? Можно утверждать положительно, что чѣмъ цивилизованнѣе народъ, чѣмъ глубже проникла цивилизація въ массы, и чѣмъ выше индивидуальное развитіе отдѣльныхъ людей, тѣмъ дѣйствительнѣе этотъ законъ пропорціональности. Мы приведемъ еще другой примѣръ злоупотребленія статистическими таблицами изъ сочиненія одного талантливаго, но увлекающагося и одержимаго духомъ партіи писателя. Это испанскій публицистъ Гарридо, бывшій живописецъ и приверженецъ крайней радикальной партіи въ Испаніи. Въ его сочиненіи, *Современная Испанія*, мы читаемъ слѣдующее: „Народонаселеніе Испаніи уменьшалось въ той мѣрѣ, въ какой увеличивалось число духовенства, и возрастало въ той степени, въ какой убавлялось число духовныхъ лицъ. Это очевидное доказательство того, что благосостояніе общества не совмѣстно съ преобладаніемъ церкви. Мы прилагаемъ здѣсь очень замѣчательную таблицу, которая въ нѣсколькихъ строкахъ объясняетъ главныя причины паденія Испаніи и ея возрожденія въ новѣйшее время и дѣлаетъ это съ большою очевидностью чѣмъ вся историче-

скія сочиненія, которыя когда-либо были обнаружены.“ Таблица заключаетъ въ себѣ слѣдующее:

Въ 1690 году количество монастырей въ Испаніи простиралось до 9.000, число духовныхъ лицъ всѣхъ орденовъ до 168.000, а народонаселеніе до 7.500.000. Затѣмъ въ дальнѣйшее время эта пропорція измѣнялась слѣдующимъ образомъ:

1768	9.000	149.809	9.300.000
1797	9.000	134.500	10.800.000
1820	2.280	118.000	11.860.000
1835	1.940	90.000	13.500.000
1859	41	38.568	16.000.000

Не говоря уже о степени точности или неточности этой таблицы,—о ней нельзя судить, потому что Гарридо не приводитъ своихъ источниковъ,—трудно найти примѣръ такого поспѣшнаго вывода, съ такимъ количествомъ недомолвокъ и обмолвокъ. Первая часть заключенія, что населеніе уменьшалось по мѣрѣ того какъ возрастало количество духовенства, совершенно голословна, потому что населеніе Испаніи не уменьшалось, по крайней мѣрѣ въ теченіе того періода, о которомъ говоритъ Гарридо, а позднѣе возрастать оно могло совершенно независимо отъ уменьшенія числа духовныхъ, такъ какъ оно увеличивалось и увеличивается во всѣхъ странахъ Европы. Если заключеніе, сдѣланное Гарридо, вѣрно, то достаточно было бы довести въ Испаніи количество духовенства до нуля, для того чтобы число народонаселенія достигло крайняго своего предѣла и уже болѣе не увеличивалось, потому что изъ словъ Гарридо выходитъ, что народонаселеніе Испаніи можетъ увеличиваться только тогда, когда число духовенства уменьшается. Что религіозный фанатизмъ въ Испаніи, чрезмѣрное обогащеніе церкви и не соответствующее количество монаховъ имѣли вредное вліяніе на развитіе испанскаго народа, это безспорно, но это вліяніе нельзя выразить числовою величиной; а главное, таблица Гарридо вовсе не доказываетъ того соотношенія между числомъ духовенства и народонаселенія, которое ему хотѣлось установить. Притомъ еще неизслѣдованный вопросъ — сколько членовъ общества можетъ терять известная страна безъ особеннаго ущерба для возрастанія народонасе-

ленія. Франція во время войнъ революціи и имперіи терпѣла ежегодно въ сраженіяхъ и больницахъ несравненно большее число людей чѣмъ Испанія въ своихъ монастыряхъ, а все-таки ея народонаселеніе за этотъ періодъ увеличилось.*

Но гораздо болѣе вреда чѣмъ эти неправильныя сопоставленія и поспѣшные выводы причиняетъ общее впечатлѣніе, которое долженъ вывести малознакомый съ дѣломъ читатель изъ тѣхъ сочиненій, въ которыхъ придается преувеличенное значеніе статистическимъ таблицамъ. Когда его убѣждаютъ, что всѣ дѣйствія людей совершаются съ ужасающею правдивостью и неизмѣнностью отъ количества убійствъ до количества неадресованныхъ писемъ, ему должно показаться, что въ исторіи господствуетъ фатализмъ, что человѣческимъ обществомъ управляютъ какія-то темныя, неизбѣжныя власти, именуемыя статистическими законами. Но что такое статистическій законъ? Это одна изъ тѣхъ метафоръ, одо изъ тѣхъ выраженій переноснаго смысла, безъ которыхъ не могутъ обійтись ни языкъ, ни мысль человѣка, но которыя бывали причиной многихъ недоразумѣній. Человѣческая мысль, никакая, напримѣръ, въ явленія органической жизни, придумала для обозначенія необъяснимыхъ для нея явленій такіа понятія какъ питательная душа, *Эретики ψυχή*, Аристотеля, или пластическая сила, или жизненный принципъ. Но обозначаютъ ли эти слова что-нибудь дѣйствительно существующее или только причину извѣстныхъ явленій, которая человѣкъ былъ не въ состояніи объяснить? Это свойство человѣка восходить къ понятію и олицетворять понятіе имѣло часто практически вредныя послѣдствія. Оно, напримѣръ, создало въ медицинѣ чудовищный образъ Архея, который будто бы сидитъ въ желудкѣ человѣка и занимается тѣмъ что доставляетъ въ различныя части человѣческаго тѣла, по назначенію, тѣ вещества, которыя имъ нужны. Для многихъ читателей сочиненія Бока статистическіе законы сдѣлались своего рода Археємъ. Они изъ него выводятъ, что человѣкъ—механическій результатъ извѣстныхъ дѣйствующихъ въ немъ естественныхъ законовъ, что общество обязано статистическими законами поставять въ годъ извѣстное коли-

* По вычисленію Либиха, впрочемъ, слиткомъ преувеличенному, Франція потеряла въ это время до 3 милліоновъ людей.

чество убийцъ, известное количество неадресованных писемъ. Но статистическій законъ ничего не въ состояніи прояснить, онъ не сила, а только иллюстрація, діагноза известного состоянія общества. Еслибы, напримѣръ, сотня людей никогда не стрѣлявшихъ изъ ружья вздумали стрѣлять въ цѣль, то въ результатъ оказалось бы известное количество удачныхъ и неудачныхъ выстрѣловъ. Еслибы потомъ нѣсколько другихъ сотенъ повторили этотъ опытъ при тѣхъ же условіяхъ, то результатъ ихъ среднимъ числомъ немного отличался бы отъ перваго. Этотъ результатъ обозначалъ бы среднюю способность людей неопытныхъ попадать въ цѣль и вовсе не значилъ бы, что столько-то людямъ вообще суждено по естественному закону попасть въ цѣль, а столько-то промахнуться. Точно также таблица преступленій въ известной странѣ показываетъ, что уровень цивилизаціи, матеріальнаго благосостоянія и нравственнаго воспитанія въ данный моментъ таковъ, что изъ общей массы безразличныхъ дѣйствій выдѣляется такое-то количество дурныхъ поступковъ, и что въ известномъ обществѣ столько-то людей получили уродливое направленіе. Статистикъ дѣлаетъ только діагнозу, а доискаться причинъ и вмѣстѣ съ причинами измѣнить и послѣдствія это дѣло самого общества.

Бокль во многомъ отступилъ отъ теоріи своего учителя Конта, и нельзя сказать чтобъ эти отступленія послужили ему въ пользу. Контъ искалъ научнаго метода, который былъ бы приложимъ къ изученію исторіи, но онъ признавалъ іерархію наукъ и уже этимъ высказалъ, что приемы, которые употребляются при изслѣдованіи болѣе простыхъ процессовъ, недостаточны при изслѣдованіи самаго сложнаго процесса — исторіи человечества. Бокль же полагаетъ, что если исторію записать въ разрядъ естественныхъ наукъ и устранить изъ нея все что не объясняется этими науками, то этимъ дѣло и подвигнется впередъ. Но химическая лабораторія и статистическіе альманахи не даютъ еще ключа къ уразумѣнію исторіи. Для поясненія этого мы коснемся отношенія естественныхъ наукъ къ филологіи, одной изъ вспомогательныхъ наукъ исторіи. Кокетничать съ естественными науками одна изъ модъ нашего времени. Эта мода проникла даже въ скромныя обиталища филологовъ. Одинъ изъ замѣчательныхъ филологовъ или точнѣе

лингвистовъ Германіи, Августъ Шлейхеръ, въ значительной степени подчинился этой модѣ.* Лавры Дарвина не давали ему покоя, и онъ объявилъ, что наука о языкѣ принадлежитъ къ числу естественныхъ наукъ. Я не хочу набрасывать никакой тѣни на этого уважаемаго ученаго, а хочу только сказать, что такого рода голословныя утвержденія ни къ чему не ведутъ. Совершенно достоверно, что лингвистическія измѣненія сопровождались или вызывались физиологическими измѣненіями въ органахъ языка; что когда напримѣръ древніе Германцы замѣнили мягкія согласныя индо-европейскихъ корней твердыми, а твердыя мягкими, то это обуславливалось физиологическимъ процессомъ въ органахъ слуха и языка. Еслибы какой-нибудь физиологъ могъ показать въ чемъ состоялъ этотъ процессъ, совершившійся тогда, и чѣмъ онъ былъ вызванъ, то это было бы въ высшей степени интересно. Но развѣ вслѣдствіе этого лингвистика вдругъ сдѣлалась бы одною изъ естественныхъ наукъ? Филологъ имѣетъ дѣло вовсе не съ этимъ процессомъ, который не имѣетъ для него никакого значенія, а съ результатомъ этого процесса. И развѣ наука о языкѣ исчерпывается тѣми данными, которыя сопровождались физиологическими процессами? Не звуки языка, не матеріалъ, которымъ творили разумъ и мысль человѣка, а результаты ихъ дѣятельности, выражающіеся въ этимологическихъ и синтаксическихъ формахъ и въ духѣ языка, вотъ главный предметъ изученія филолога. Очень вѣроятно, что образованію какого-нибудь подрѣвья, изъ котораго потомъ развился особенный языкъ какъ выраженіе самостоятельной народности, иногда содѣйствовали физиологическія измѣненія въ органахъ языка. Но эти измѣненія неудовимы для потомковъ, и притомъ они были бы безсильны и даже невозможны безъ стеченія другихъ болѣе могущественныхъ обстоятельствъ. Не физиологическія измѣненія въ гортани порождали языки, и не языки порождали новыя народности, а народъ создавался и развивался вмѣстѣ съ своимъ языкомъ.

Возьмемъ другой примѣръ. Когда Рафаэль писалъ свои безсмертныя картины, въ его мозгу вѣроятно совершался опредѣленный физиологическій процессъ; но не этотъ процессъ

* См. Schleicher. Die Darwinsche Theorie und die Sprachwissenschaft. 1863. И его же Ueber die Bedeutung der Sprache für die Naturgeschichte des Menschen. 1865.

останавливает на себя внимание потомства, а тѣ творенія, въ которыхъ выразилась высоко-художественная натура Рафаэля и духъ его времени.

Въ жизни народовъ играютъ главную роль не климатъ, не пища и физическія условія, а такія силы, о которыхъ не можетъ дать отчета никакой естествоиспытатель. Какое, напримѣръ, громадное вліяніе имѣютъ на судьбу народовъ и на ходъ цивилизаціи *идеи*! * Историческія идеи могутъ быть чрезвычайно разнообразны по своему содержанию. Онѣ могутъ принадлежать къ области религіи и политики, онѣ могутъ имѣть нравственное или эстетическое содержаніе, онѣ могутъ способствовать развитію цивилизаціи и задерживать ее. Мы не станемъ заниматься здѣсь классификаціей и опредѣленіемъ историческихъ идей, а только обратимъ вниманіе на ихъ важность для историка. Какое, напримѣръ, имѣла огромное вліяніе въ западной Европѣ въ теченіи средних вѣковъ идея всемірной христіанской имперіи? Эта имперія никогда не существовала, она всегда оставалась идеей, но тѣмъ сильнѣе воспламяла она воображеніе своихъ приверженцевъ, чѣмъ менѣе была достижима. Всѣмъ извѣстно какое она имѣла вліяніе на ходъ исторіи германскаго народа. Немногіе даже сознавали ее, другіе повиновались ей какъ-то смутно и безсознательно, въ массѣ нѣмецкаго народа она никогда не пользовалась особенною популярностію, и тѣмъ не менѣе тысячи сражались и умирали за нее. Историкъ легко указать возникновеніе этой идеи. Величественное, неизгладимое впечатлѣніе, которое производила Римская имперія на варваровъ, вторгавшихся въ ея предѣлы, породило ее, и она созрѣла подъ кровомъ католической церкви. Эта идея опиралась хотя сколько-нибудь на прошедшее, на историческія данныя, но гдѣ, напримѣръ, искать начало другой идеи, которая волновала болѣе близкое къ намъ время, — идеи о равенствѣ людей между собою? Выдумка ли эта философъ, или она вытекаетъ изъ свойствъ человѣческой природы? Намъ нѣтъ дѣла здѣсь до ложныхъ толкованій, которымъ она подвергалась, и до злоупотребленій, которыя она порождала; мы указываемъ только на силу ея вліянія въ исторіи міра съ половины прошла-

* См. объ этомъ превосходную статью Лазаруса: Ueber die Ideen in der Geschichte in Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft von Lazarus und Steinthal.

го столѣтія до послѣдней кровопролитной войны окончившейся политической эманципаціей негровъ.

Существенное различіе между явленіями физической природы и дѣйствіями человѣка заключается въ томъ, что послѣднія сопровождаются сознательностію, и что въ основаніи ихъ лежитъ понятіе дѣла. Уже это одно не позволяетъ приписывать къ нимъ методъ, который употребляется въ изслѣдованіи физическихъ явленій. Мы можемъ оставить здѣсь совершенно въ сторонѣ вопросъ о свободной волѣ, тѣмъ болѣе что въ этомъ случаѣ не столько важно извѣстное разрѣшеніе этого вопроса отдѣльными лицами или эпохами, сколько возвышенное пониманіе его и практическія слѣдствія, которыя вытекаютъ изъ этого пониманія. Приверженцы самаго крайняго детерминизма согласятся, что образъ дѣйствія отдѣльныхъ людей будетъ очень различенъ, смотря потому будутъ ли они считать себя результатомъ извѣстныхъ физическихъ силъ и механическими исполнителями естественныхъ законовъ, или будутъ признавать за собою силу управлять своими дѣйствіями. Мы не знаемъ увеличится ли количество неадресованныхъ писемъ, если пишущіе письма будутъ твердо убѣждены въ томъ, что ихъ отечество обязано въ такомъ-то году отправить на почту столько-то писемъ безъ означенія адреса, но всякій можетъ убѣдиться на самомъ себѣ, что въ нравственныхъ вопросахъ очень много зависитъ отъ того, какого взгляда онъ придерживается.

Историкъ имѣетъ дѣло не съ атомами, а съ индивидуальными единицами, которыя руководствуются въ своихъ дѣйствіяхъ извѣстными дѣлами. Историкъ не можетъ быть равнодушенъ къ этимъ дѣламъ и не можетъ поэтому разсматривать историческія событія какъ процессы безсознательной природы. Прогрессъ въ природѣ можетъ быть въ извѣстной степени удовлетворительно объясняемъ совершенно механическою теоріей какъ у Дарвина, но этотъ способъ никакъ не приложимъ къ человѣческой исторіи. Никакіе варвары Аттила называвшія себя бичемъ Божіимъ, ни фалатическія мусульманскія орды, считавшія священнымъ долгомъ истреблять всѣхъ не признававшихъ пророчество Магомета не сдѣлали столько зла человѣчеству, сколько могла бы вредить цивилизаціи ложная теорія — что люди и народы и своихъ дѣйствіяхъ руководятся только естественными законами. Мы можемъ съ величайшимъ интересомъ читать

природѣ то что Дарвинъ называетъ борьбой за существованіе, но мы не можемъ примѣнять этотъ взглядъ къ исторіи: онъ оправдалъ бы всякое насиліе, подрылъ бы всѣ основанія общественной жизни и давалъ бы всякому народу, считающему себя избраннымъ орудіемъ цивилизаціи, право руководствоваться въ своей внѣшней и внутренней политикѣ внушеніями самаго грубаго эгоизма. Исторія же цивилизаціи, напротивъ, учитъ, что жизнь въ обществѣ не есть *борьба каждаго противъ остальныхъ*, и что въ дѣйствіяхъ человѣческихъ обществъ все болѣе и болѣе замѣчается сознательность и подчиненіе нравственнымъ нормамъ.

Мы не долго будемъ останавливаться на второй, большей половинѣ Боклева сочиненія. Оно интересно тѣмъ, что Бокль, обобщавшій сдѣлать изъ исторіи объективную науку, подаль въ ней примѣръ крайней субъективности. Бокль предлагаетъ въ ней обзоръ исторіи Франціи, Англіи, Шотландіи и Испаніи со времени реформаціи, для того чтобы съ его помощію доказать нѣсколько любимыхъ положеній.

Эти положенія слѣдующія: 1) Прогрессъ цивилизаціи зависитъ отъ того въ какой мѣрѣ изслѣдуются законы, управляющіе явленіями, и распространяются свѣдѣнія объ этихъ законахъ. 2) Всякому успѣшному изслѣдованію этихъ законовъ должна предшествовать эпоха скептицизма. 3) Отъ этихъ открытій постоянно растетъ запасъ научныхъ и умственныхъ истинъ, тогда какъ нравственныя способности людей мало развиваются и остаются почти въ одномъ и томъ же положеніи. 4) Главнымъ препятствіемъ къ цивилизаціи служитъ духъ опеки, въ которомъ часто дѣйствуютъ правительство и церковь.

Что касается до этихъ четырехъ положеній, то они въ извѣстномъ смыслѣ совершенно справедливы, особенно если они высказаны въ общихъ выраженіяхъ: но они чрезвычайно легко могутъ принять характеръ парадоксовъ, и нужно сказать, что у Бокля они именно являются съ этимъ характеромъ. Такъ, на примѣръ, скептицизмъ чрезвычайно важный моментъ въ изслѣдованіи истины, если подъ этимъ разумѣть неутомимую пытливость челоѣка, которая никогда не успокаивается на добытыхъ результатахъ, но постоянно провѣряетъ ихъ, смотритъ на нихъ съ новыхъ точекъ зрѣнія, и обогащенная опытомъ снова возвращается къ нимъ. Но едва ли возможно въ жизни народовъ различать особенную эпоху

скептицизма. Правда, XVII и XVIII вѣкъ въ сравненіи съ средними вѣками могутъ показаться преимущественно скептической эпохой, но причина этого въ томъ, что только въ это время и началась болѣе серьезная научная дѣятельность.

Что касается до четвертаго положенія, то въ нашъ вѣкъ всѣми признано, что система изащнаго вмѣшательства правительства можетъ парализовать дѣятельность народную или придать ей ложное направленіе, но у Бокля эта мысль развита до парадокса, что правительство должно ограничиваться охраненіемъ порядка и не позволять себѣ никакого вмѣшательства въ народные интересы. Мы имѣли уже случай говорить о томъ какіе странные взгляды на государство господствовали въ прежнее время: софисты называли его необходимымъ зломъ; идиотки проливали надъ нимъ слезы и считали его лишнимъ бременемъ для челоѣчества; философы старались ограничить область его дѣятельности и предоставить ему только полицейскую власть. Въ противоположность всѣмъ этимъ взглядамъ здравая наука учитъ, что степень вліянія, которое нужно предоставить государству, не можетъ быть опредѣлена аксіомой, а зависитъ отъ историческихъ условій и потребностей даннаго момента. Опредѣляетъ значеніе государства на основаніи поверхностнаго обзора исторіи Франціи въ XVII и XVIII вѣкахъ простительно только адвокатамъ манчестерской партіи, но не историку. Относительно перваго и третьяго положеній, которыя можно рассмотреть вмѣстѣ, должно замѣтить слѣдующее: Вопросъ о томъ, что болѣе способствуетъ прогрессу цивилизаціи, умственное ли развитіе людей, или нравственное, столько же празденъ, сколько споръ о томъ, что болѣе способствуетъ движенію локомотива, вода, которая обращается въ паръ, или каменный уголь, съ помощію котораго она обращается въ паръ. Часто повторяемая фраза, что люди вообще въ нравственномъ отношеніи не лучше своихъ предковъ, ничего не выражаетъ: вѣдь точно также можно сказать, что люди нашего вѣка отъ природы не умнѣе современниковъ Аристотеля; однако современное общество далеко опередило древній міръ какъ въ умственномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Нравственная природа челоѣка осталась, можетъ-быть, та же, но нравственныя понятія его измѣнились; уровень нравственности, требуемой обществомъ, возвысился. Когда Бокль говоритъ объ умственномъ прогрессѣ, онъ имѣетъ въ виду

исключительно въ виду накопленіе свѣдѣній относящихся къ физическимъ явленіямъ природы и подведеніе этихъ явленій подъ естественные законы. Но этотъ трудъ далеко не исчерпываетъ умственной работы человечества; сюда не входятъ всѣ тѣ улучшения въ юридическомъ, общественномъ и государственномъ быту, всѣ труды въ области философіи, искусства и литературы, которые преимущественно обуславливаютъ собою характеръ и степень цивилизаціи.

Постоянные увѣренія Бокаля, что прогрессъ обуславливается тѣмъ въ какой мѣрѣ люди вникаютъ въ причины явленій, объясняютъ ихъ естественными законами и устраняютъ понятіе о сверхъестественномъ, могутъ навести на мысль, что онъ считаетъ цивилизацію враждебною вообще всякой религіи. Надобно имѣть очень грубое и неясное понятіе о религіи чтобы придти къ подобному заключенію. Цивилизація, конечно, имѣетъ вліяніе на религиозныя представленія людей. Религиозныя представленія высоко цивилизованнаго народа будутъ рѣзко отличаться отъ представленій дикарей, а въ средѣ одного и того же народа ясность и возвышенность религиозныхъ воззрѣній, конечно, будутъ зависеть отъ степени умственного и нравственнаго развитія. Тотъ, кто считаетъ цивилизацію враждебною религіи, долженъ прежде всего составить себѣ вѣрное понятіе о религіи, и тогда ему легко будетъ найти ея отношенія къ цивилизаціи.

Мы имѣемъ основаніе полагать, что самъ Бокаль вовсе не ставилъ развитіе цивилизаціи въ обратномъ отношеніи къ религиозности, но что онъ какъ протестантъ допускалъ только индивидуализмъ въ религіи и относился враждебно къ церкви и вообще къ замкнутымъ религиознымъ догматамъ. Кроме того онъ въ этомъ случаѣ увлекался единственною философскою системою, которая ему была понятна, то-есть позитивизмомъ. Система Огюста Конта различаетъ три эпохи въ жизни человечества, опредѣляемая преобладаніемъ богословія, метафизики и науки. Уже Джонъ Стюартъ Милль, знаменитый приверженецъ позитивизма въ Англіи, находитъ это обозначеніе неудачнымъ и совѣтуетъ замѣнить его слѣдующимъ: періодъ олицетворенія (Personal or Volitional mode of thought), * періодъ отвлеченія (Abstractional or Ontological) и періодъ опыта (Phaenomenal or Experiential). Та-

* Westminster Review. April 1835 p. 344.

кимъ образомъ то чему Контъ придавалъ обширное, общее значеніе, получаетъ болѣе частный, спеціальный смыслъ. Контъ говоритъ о богословскомъ, философскомъ и научномъ міросозерданіи, которыя смѣняются другъ друга, а у Милля идетъ рѣчь только о различныхъ методахъ, употребляемыхъ въ наукѣ. Какъ скоро первоначальная мысль Конта получила это видоизмѣненіе, съ нею нельзя не согласиться. Ибо другими словами это значить, что развитіе науки не обуславливаетъ собою невозможность религіи и философіи, но что мысль человека вообще переживаетъ извѣстные возрасты перехода отъ менѣе зрѣлаго къ болѣе зрѣлому, и что различныя проявленія духовной дѣятельности, религія, философія, наука, искусство, сапты въ началѣ въ одно нераздѣльное цѣлое, мало-по-малу прѣобрѣтаютъ самостоятельное значеніе и точнѣе опредѣляютъ свои границы. Вѣдь уже Вико различалъ три эпохи въ исторіи цивилизаціи, которыя онъ называлъ божественною, героическою или поэтической и человѣческою или разумною, но онъ этимъ вовсе не хотѣлъ сказать, что человекъ, достигшій полнаго сознанія своей человѣчности, становится чуждъ поэзіи и религіи, ибо поэзія и религія суть проявленія человечности.

Мы коснулись только слегка четырехъ основныхъ положеній Бокаля, потому что насъ здѣсь не столько интересуютъ самыя положенія, сколько историческій методъ Бокаля. Вся его исторія Франціи, Англіи, Шотландіи и Испаніи, не что иное какъ иллюстрація этихъ четырехъ положеній, то-есть онъ приводитъ только тѣ факты, которые подтверждаютъ его положенія, и оставляетъ совершенно въ сторонѣ все то что могло бы ослабить или видоизмѣнить впечатлѣніе, которое онъ хочетъ произвести на читателя. Поэтому мы должны признать за сочиненіемъ Бокаля характеръ тенденціознаго произведенія. Такого рода произведенія, конечно, имѣютъ свой смыслъ и свое особенное значеніе. Существуетъ же напримѣръ въ изящной литературѣ особая отрасль тенденціозныхъ романовъ, написанныхъ съ цѣлю провести въ общество извѣстнаго рода политическія или соціальныя убѣжденія. Исторія человечества слишкомъ заманчивое и удобное средство чтобы не воспользоваться ею съ этою же цѣлю, и сочиненіе Бокаля конечно, будетъ не послѣднимъ историческимъ сочиненіемъ написаннымъ въ духѣ партіи. Такия сочиненія могутъ бы

очень полезны, могут возбудить много вопросов и, при своей односторонности, бросить новый свет на прошедшее. Но при этомъ никогда не слѣдуетъ упускать изъ вида ихъ характеръ и считать за результатъ науки субъективныя мнѣнія отдельныхъ личностей или партій. Сочиненіе Бока принадлежитъ къ замѣчательнымъ явленіямъ нашего времени, и жаль, что судьба оторвала его слишкомъ рано отъ труда, которому онъ посвящалъ цѣлую жизнь свою; но о немъ, какъ и о многихъ другихъ, можно сказать, что его стремленіе къ истинѣ почтеннѣе чѣмъ тѣ результаты, къ которымъ оно привело его, и что въ духовномъ мірѣ объективная истина достигается не столько усиліями отдельныхъ людей, сколько медленной работой поколѣній.

Мы обозрѣли такимъ образомъ въ краткомъ очеркѣ судьбу исторической науки и могли убѣдиться, что во все время она бывала людьми, которые старались отдернуть завѣсу отъ прошедшаго, и задумывались надъ вопросомъ о назначеніи человѣчества и о томъ куда ведетъ его исторія. Въ свои мечтанія о прошедшемъ и о будущемъ люди всегда вносили свои современныя нужды и потребности. То неудовлетворенные дѣйствительностію они искали утѣшенія въ прошедшемъ, идеализировали его, или старались выставить его примѣромъ для настоящаго; то увлеченные какою-нибудь идеей они на все прошедшее смотрѣли исключительно съ точки зрѣнія этой идеи. Только медленно и постепенно вырабатывалось сознаніе, что прошедшее имѣетъ свои права, что исторія не есть, какъ опредѣляли ее нѣкоторые, взглядъ настоящаго на прошедшее, но что исторія должна быть наукой, и цѣлью историка должно быть изысканіе объективной истины. Исторія однако еще не сдѣлается положительною наукой вслѣдствіе того что мы ставимъ примѣнять къ ней методы и приемы другихъ наукъ болѣе точныхъ. Какъ въ искусствѣ красота одна, но законы ея проявленія различны, смотря по матеріалу, въ которомъ творить художникъ, и художественные законы, господствующіе въ живописи, непримѣнимы къ ваянію и архитектурѣ, такъ и въ наукѣ истина одна, и умъ человѣческой одинъ и тотъ же, но приемы его должны быть различны, смотря по области, которую онъ исследуетъ. Такимъ образомъ, методы, господствующіе въ неорганическомъ мірѣ, недостаточны для объясненія органическихъ явленій, а заключенія выведенныя изъ послѣднихъ непримѣ-

жими къ той области органическаго міра, въ которой и подступаютъ разумъ, самосознаніе и поэтому свобода, то-есть къ человѣку и его исторіи.

Исторія отличается отъ другихъ наукъ главнымъ образомъ тѣмъ, что не имѣетъ дѣла непосредственно съ своимъ матеріаломъ, то-есть съ историческими событіями, но вид только отраженія, которыя они произвели на очевидцевъ ближайшихъ къ нимъ свидѣтелей. Потому первая ея задача сдѣлать по этимъ отраженіямъ и сохранившимся свидѣтельствамъ вѣрное заключеніе о самомъ событіи. Это возможно во первыхъ, на томъ основаніи что, несмотря на разнообразіе индивидуальностей и условій, сущность человѣческой природы всегда и вездѣ одна и та же, и человѣкъ вѣда будетъ понятенъ человѣку; во вторыхъ, потому что историческія событія находятся между собой въ непрерывной связи, и что и въ духовномъ мірѣ господствуютъ неварушныя законности и общее единство.*

Этимъ, однако, дѣло историка не окончено. Проверка критика историческаго матеріала составляютъ только одну часть его труда, такъ-сказать аналитическую; остающаяся еще синтетическая. Нужно собрать разбросанный матеріалъ, слыть разнообразныя впечатлѣнія и создать изъ нихъ цѣлостную картину. Съ этой своей стороны исторія никогда не можетъ сдѣлаться точною наукой, она всегда будетъ допускать субъективнаго творчества и будетъ приближаться къ искусству. Застаетъ только одно: довести субъективность до полнаго всецѣлаго развитія. Образъ прошедшаго, такъ-сказать раза преломляется, во первыхъ, въ свидѣтельствахъ, въ которыхъ сохранилась память о немъ, и во вторыхъ, въ личностности историка, который по этимъ свидѣтельствамъ воссоздаетъ прошедшее. Необходимо, чтобъ оба преломляющія сдѣлались очищены отъ посторонней примѣси, отъ всего что слоняется истину и помрачаетъ образъ прошедшаго.

Историкъ поэтому не можетъ ограничиться работою историческимъ матеріаломъ; онъ долженъ къ этому приложить работу надъ самимъ собою, тщательное воспитаніе самого себя. Исторія въ этомъ отношеніи предъявляетъ совершенно другія требованія чѣмъ остальные науки. Оченныя истины математики не могутъ пострадать, ес-

* Sybel. Ueber die Gesetze des historischen Wissens Bonn. 1870

ислѣдованіе ихъ берется грубая и мало развитая натура. Но только многосторонняя и чуткая ко всѣмъ благороднымъ потребностямъ человѣчества натура способна понять исторію съ ея разнообразными цѣлями, и только глубоко нравственная и художественно развитая личность достойна истолковывать и объяснять величественные образы прошедшаго. То что здѣсь сказано объ историкахъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, относится въ известной мѣрѣ ко всѣмъ занимающимся исторіей. Не въ популярныхъ изложеніяхъ естественныхъ наукъ должны они искать ключа къ разумнѣю исторіи; для успѣховъ исторической науки необходимы два условія — знакомство съ историческимъ матеріаломъ и собственное развитіе. Первое возможно только при надлежащей подготовкѣ, при добросовѣстномъ трудѣ и тщательномъ изученіи источниковъ, главнымъ же средствомъ для достиженія втораго должно служить изученіе философіи и искусства.

D 13 .G356 1885 C.2
Ocherki razvitiia istoricheskoi
Stanford University Libraries

3 6105 039 140 285

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-600
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

DATE DUE

3
APR 15 2002
MAY 15 2002 *ll*